

**Геннадий
Мохненко**

МЕТЕДАГОГІЧЕСКАЯ
ПОЭМА

Издательство
Христианского библейского
братства св. апостола Павла
Киев 2010

Непедагогическая поэма

Геннадий Мохненко

Иллюстрации

Владимир Кулик

ISBN 978-966-7698-57-7

Редакция :

г. Киев, а/я 73, 02002

тел. +38 (067) 441-6345

E-mail: Ukraine@CBFpublishing.com

www.CBFpublishing.com

© Геннадий Мохненко, 2010

© Владимир Кулик (иллюстрации), 2010

© Христианское библейское братство св. ап. Павла, 2010

Все права защищены международным законодательством об авторских правах. Настоящая книга в целом или частично не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие, компьютерные или любыми другими, без соответствующего разрешения издателя.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящается.....	7
От автора.....	8
Наше беспризорное «мерси»!!!.....	9
Официальная информация.....	10
Глава 1 Мариупольская трагикомедия или как это было.....	13
Глава 2 Каша, котлеты и смерть Кузи.....	16
Глава 3 Капитуляция подвального батальона или как церковь превратилась в детский дом.....	19
Глава 4 Весенний синдром, соседи-великомученики и благодарные потомки.....	25
Глава 5 Блин... на фиг... достали или Китовое побоище.....	31
Глава 6 Четвертая добавка, Тихоня, Киндер и Алка.....	36
Глава 7 Ночное происшествие.....	42
Глава 8 Владимир Семенович, Людвиг Николаевич, Федор Андреевич и наше маловерие.....	45
Глава 9 Стартовый материал или проблемы этической эволюции.....	51
Глава 10 «У вас в церкви есть святые!».....	58
Глава 11 «Мой Бог — мои руки», или, дядька, не ругайся!.....	62
Глава 12 Юрий Юрьевич или всем миром.....	67
Глава 13 Подсаженные малолетки.....	73
Глава 14 Официальное открытие и операция «Исход».....	78
Глава 15 Новые лица, пилигримовская «лафа» и судьбы родителей.....	82
Глава 16 Экспериментальная работа.....	89
Глава 17 «Бумажная» педагогика и первые сотрудники.....	95

Глава 18	Против течения или порча показателей.....	100
Глава 19	Три часа в моем кабинете или «детский апокалипсис»....	108
Глава 20	Рейды, «артисты» и рыночные «театры».....	114
Глава 21	Походные костры и Китовые полеты.....	124
Глава 22	Битва за школьную парту.....	132
Глава 23	Любовь Анатольевна, Кронштадт и блохи Спартака...	138
Глава 24	«Бюрократическая ВДНХ».....	143
Глава 25	Хороший гроб или что такое утренник».....	150
Глава 26	Проклятие городским наркоторговцам и их покровителям.....	155
Глава 27	Табачная война или размышления о строгости.....	160
Глава 28	Государственное строительство. Крысы, судьи и коммивояжеры.....	165
Глава 29	Высокие гости.....	173
Глава 30	Ты что, с Урала?.....	178
Глава 31	Таксистское «е-мое» или размышления о добре и зле...	182
Глава 32	На фига мне это надо или мой будущий водитель...	189
Глава 33	Ловелас теплотрасс или история про святой кулак...	193
Глава 34	Воровство, засада, «ку-ку» и незаслуженные конфеты...	200
Глава 35	Бог шельму метит или странности Чудика, а также их последствия.....	209
Глава 36	Мое «взбадривание» и наша война с криминалом...	217
Глава 37	Конь Боливар и боксер Ленин.....	222
Глава 38	Четвертый «пентим» и народное спонсорство...	229
Глава 39	Бэдрум капут или приключения иностранцев в Мариуполе.....	236
Глава 40	Как «искрило» или псевдомудрые ревизоры.....	242
Глава 41	Макроскопические анализы или пасторская конт-рабанда.....	247
Глава 42	Мальчик хочет в туалет или бумажный дебилизм...	252

Глава 43 «Вася тут — Вася там».....	258
Глава 44 «Жди меня» и Коля Пилигримов.....	264
Глава 45 Родители.....	268
Глава 46 Юрий Андреевич, мухи, собаки и лопаты.....	275
Глава 47 Как нам «ОБРЫДЛО».....	282
Глава 48 «Обрыдло» в Мариуполе или «лед тронулся», господа барыги!.....	287
Глава 49 Псевдоаптеки, гробы и мистика наркодилеров.....	294
Глава 50 Смерть Балугана, письмо Президенту и беспризорные террористы.....	300
Глава 51 Вампиры, Свична и разрушенный храм.....	305
Глава 52 «Обрыдло» до Киева доведет. Пикеты под окнами Президента и взорванные машины.....	315
Глава 53 Церковь в проблеме или разорванная цепь.....	321
Глава 54 Пикеты, угрозы, аресты.....	325
Глава 55 Смена поколений	330
Глава 56 Дуче, Азиат и потерявшийся Бублик.....	336
Глава 57 Золотые медали. Крепыш, Биток и Кучер.....	341
Глава 58 Кий-великопостник.....	348
Глава 59 Семейные детские дома и десантирование со второго этажа.....	355
Глава 60 Автобус в подарок Президенту или проклятая буква.....	360
Глава 61 Говерла или на пятой точке с вершины Украины.....	366
Глава 62 Эльбрус или часы от мэра «За мужество!».....	370
Глава 63 Покорение Арабата или в поисках Ноева ковчега.....	379
Глава 64 Моя пасторская «Гвардия» или привет землянам!.....	393
Глава 65 Незаконченная книга или беспризорники против спецназа.....	404

ПОСВЯЩАЕТСЯ

- Господу, обратившему наши сердца и руки на служение во имя Его.
- Всем добрым людям, с которыми Он пересек наши пути в работе с беспризорниками.
- Прихожанам, пасторам и епископам «Церкви Божьей», неунывающим в добродетели.
- Служителям и рядовым христианам всех церквей и конфессий, по мере своих сил трудящихся для Бога и для людей на земле.
- Нашей замечательной и любимой «Церкви Добрых Перемен», уже много лет благотворящей сверх всяких сил.
- Всем сотрудникам нашей церкви, в частности, «Республики Пилигрим», которые своим ежедневным посвящением «пишут» эту «Непедагогическую поэму».
- Моей драгоценной супруге Елене, разделившей со мной все радости и горести пасторского труда и работы со взрослыми реабилитантами и детьми-сиротами.
- Моим родным дочкам Богдане, Ульяне и сынишке Семену, позволившим делить принадлежащую им отцовскую любовь с десятками своих приемных братьев и сестер.
- И, конечно, вам, дорогие ребята, радуящим всех вышеперечисленных изменениями в ваших сердцах и судьбах.

С молитвой о вас,
Пастор Геннадий

ОТ АВТОРА

Однажды в Верховном Совете Украины, когда речь зашла об успешной работе с беспризорными в «Республике Пилигрим», один из депутатов назвал сотрудников центра «искренними дилетантами». Наверное, он отчасти прав. По поводу искренности справедливость высказывания однозначна. Что же касается дилетантизма, это определение требует оговорок. Безусловно, десять лет назад мы не имели представления о том, что и как делать с собравшейся под крышей церкви уличной детворой, однако сегодня этот термин морально устарел. «Непедагогическая поэма» была задумана дилетантами, любящими Бога и детей, но с каждым новым ее листом у коллектива «Государства бывших беспризорных» становился все более разборчивый, уверенный и профессиональный почерк. Лучшее тому подтверждение — перемены в жизни наших ребят. Недостаток опыта мне кажется самой бесстыжей отговоркой, удерживающей людей от добродетели. Отсутствие специальной подготовки не может быть оправданием для того, чтобы проигнорировать трагедию. Убежден, что неуверенные пальцы, перевязывающие кровавую рану и вытаскивающие детвору из подвалов, более правы, чем пальцы опытного врача, занятые в этот момент бильярдным кием или маникюром. Даже немелые руки, простирающиеся к добру, впечатляют меня гораздо больше, чем изысканная жестикуляция перед телекамерами с трибуны любого ранга. Теоретический профессионализм за бесконечными «круглыми столами» искренне раздражает, пусть и не очень опытных практиков, пищущих своей жизнью «Непедагогическую поэму». Видимо, все же права библейская истина, гласящая: «Итак, кто понимает, что нужно делать добро и не делает, тому грех» (Иакова 4:17).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

На сегодняшний день в Центре детской реабилитации «Республика Пилигрим» проходят восстановление несколько десятков подростков самой сложной социальной категории. Дети подвалов и улицы, имеющие зачастую серьезную наркотическую зависимость, получают в центре оперативную и долгосрочную реабилитационную помощь. Многие воспитанники центра имеют ВИЧ-инфекцию. За короткое время работы «Республики Пилигрим» с февраля 1999 г. через это служение прошли свыше 2500 подростков. Несколько сотен несовершеннолетних были сначала вытащены из подвалов и канализационных наркопритонов нашими сотрудниками, а затем просто возвращены родным. Более 60 % из официально прошедших через центр детей вернулись в семьи или интернаты. Ребята, у которых за спиной по несколько пропущенных классов, садятся за парты и пытаются наверстать упущенное. Иногда, оказавшись в «Пилигриме», подростки вообще впервые в жизни слышат школьный звонок. В ряде ситуаций оперативная помощь, оказанная служителями центра, спасла жизнь ребятам, находившимся в критическом состоянии. К сожалению, не всегда и не везде сотрудники центра успевали вовремя. За десять лет работы «Пилигрима» полтора десятка несовершеннолетних, с которыми служители «Республики» так и не смогли добиться успеха, скончались. Некоторые из них умерли от наркотиков и СПИДа, кто-то был убит.

НАШЕ БЕСПРИЗОРНОЕ «МЕРСИ»!!!

Сердечная благодарность семьям Тимофея и Людмилы Игнатьевых, Виктора и Елены Фисенко, которые сделали возможным издание этой книги. Без вашей поддержки это оказалось бы невозможно. Пусть Господь усмотрит свою помощь и в ваших непростых заботах. Спасибо за самые впечатляющие пожертвования, которые я получил от вашей мамы, сестры Раисы и от дочки Юлии.

Доброй памяти человека Божьего, Александра Лысенко, и его сыновьям — Марку и Денису, так рано познавшим горечь земных потерь. Спасибо Тае Лысенко, чей дом, всегда переполненный людьми, не раз превращался в выездной штаб «Республики Пилигрим».

Спасибо семье миссионеров, Сергею и Надежде Дрок, оказавшим содействие в издании «Непедагогической поэмы».

Отдельная признательность семье пастора Майкла и Майты Кноспе, всей церкви города Плюдерхаузен и всем помощникам епископа Дитера Кноспе, ставшими настоящими партнерами в работе «Пилигрима».

Благодарим за поддержку в работе «Республики Пилигрим» городских руководителей: Ю. Ю. Хотлубея, а также заместителя мэра Л. П. Паляя.

Пользуясь случаем, мы вновь хотим выразить благодарность Металлургическому комбинату им. Ильича, прежде всего, генеральному директору В. С. Бойко и его помощникам: Ф. А. Лысаку, Ю. И. Тернавскому, С. А. Матвеевскому и Л. Н. Мирошниченко за моральную и матери-

альную поддержку. Хочется сказать сердечное спасибо всему коллективу ильичевцев, приложивших к строительству центра не только свои руки, но и сердца, чему все мы свидетели.

Особая благодарность Жовтневой райадминистрации: А. Г. Каруннику, Г. А. Лопотнюк; специалистам городской и районной Службы по делам детей, руководителю системы образования — З. В. Дмитриевой, бывшему и нынешнему директорам ОШ № 18 И. О. Рогозян и Е. А. Вареник, завучу Л. А. Ларионовой и всему педколлективу.

Отдельное спасибо всем руководителям и работникам СМИ, которые на протяжении многих лет освещают жизнь нашего детского центра. Это, несомненно, помогло нам преодолеть многие трудности в работе.

Я прорвусь в Двадцать Первый век,
Не разодранный по цитатам,
А рассыпанный по пацанятам,
На качелях, взлетающих вверх.

Евгений Евтушенко

Глава

1

Мариупольская трагикомедия или как это было

*...Босяков этих самых развелось, мальчишек, — по улице
пройти нельзя, и по квартирам лезят...*

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Все началось с беды, наполнившей город. Продолжение этой истории — попытка «Церкви Добрых Перемен» ответить на очевидную, возрастающую и душераздирающую проблему. Чумазные мордашки, облезшие от клея носы, дырки на неумело пробитых грязными шприцами венах — вот тот вопрос, который поставила жизнь перед нашим обществом в эпоху великих постсоветских перемен. «Республика Пилигрим» — один из вариантов того, как начать разгибать этот вопросительный знак в восклицательный. Это наша попытка заставить улыбнуться насупившиеся и огрубевшие тринадцатилетние

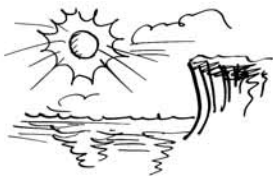
лица. Это проба мотивировать и пробудить к жизни пацанов, уставших от нее в свои четырнадцать. Это желание вдохнуть веру в сердца, надломленные судьбами. Это — эксперимент, захвативший, увлекший и переросший в призвание для многих людей нашей церкви.

Полумиллионный город на юго-востоке Украины с крупными металлургическими и машиностроительными комбинатами, в обрамлении самого теплого в мире моря, был просто обречен на интерес «новых русских» беспризорников. Орды бродяг, выброшенных за борт разворачивающегося, накренившегося и черпающего бортом воду общественного корабля без особой надежды на спасение, оказались в автономном и весьма опасном плавании по жизни в 90-е годы. Мариуполь стал для многих манящим островом. Сокровища этого «оазиса» заключались в зарплатах металлургов, щедро подающих по вечерам у пивных заведений и в теплой морской воде, где после «ночной» брат-беспризорник предпочитал «заслуженно» отдыхать в летнее время. Относительно теплые зимы и практически бесперебойно работавшая, даже в самые кризисные годы отопительная система, стала той «пальмой», под которой «причаливали» многие подростки. Здесь же они разбивали свои подвальные вигвамы и канализационные общаги. На протяжении первых перестроечных лет миграция детворы в Мариуполь достигла небывалых цифр. Получив приращение от местных беженцев из интернатов и семей, подвальная братва стала обживать и делить территорию на сферы влияния. Рынки, подземные переходы, главные гастрономы, приморские ночные заведения превратились в пажити для будущих пилигримов. Шаг за шагом дети нынешнего подземелья захватывали, как учил классик пролетарской революции, вокзалы, банки и телеграфы. Количество постоянных беспризорников, не считая сезонных «гастролеров», переваливало за полтысячи. Они были везде, где

Мариупольская трагикомедия

могли, и делали все, что хотели. Их философией стал пре-словутый лозунг сатанистов: «Делай, что хочешь, и будь, что будет».

Один из самых оживленных перекрестков нашего города в районе магазина «1000 мелочей» был скоплением своеобразной беспризорной «элиты» Мариуполя. Активная ночная жизнь «штуки» (как называют этот район подростки) с мужичками, любящими просадить аванс за ночь, стала своеобразным полюсом, притягивающим к себе. Охмелевшие и щедро подающие работяги были манящей наживкой для пацанов. Изрядно выпивший пролетарий, отчаливая от мерцающего светом перекрестка, становился естественной добычей для стайки пасущих его беспризорников. В ночной тишине актерами «погорелого театра» разыгрывались профессиональные трагикомедии. Комедийная часть потом долго обсуждалась в канализационных системах на тамошних ток-шоу «Как это было?». Драма под названием «Где это делось?» стала уделом обобранных жертв и разворачивалась на кухонных диспутах с женами в роли ведущих. Многие в эти годы поутру задавали себе вопрос: «Куда запропастилась оставшаяся зарплата с часами, шапкой и ботинками?» Ответы на эти вопросы были в подвалах, прилегающих к этому району. «Санитары общества», коими считали себя пацаны, честно обработав клиента и по бартеру обменяв на шоколад, клей и наркотики, втыкали у теплых батарей. А затем снова наступало утро...

Глава

2

КАША, КОТЛЕТЫ И СМЕРТЬ КУЗИ

*Милосердый будет благословляем,
потому что дает бедному от хлеба своего.*

Притчи 22:9

- **К**аша, капуста, котлета, — не сказав спасибо, перечислил Малой и тут же отвернулся, как будто кто-то покушался на его пайку.
- Баз, не гони, оставь котлеты — я свою нечаянно проглотил!
- Обломайся, Паха, че лоха нашел?
- Тетя, а у вас клея нет на десерт? — прищурился, прогундосил Паха.
- Ты уже сам, как тубик: «Моментом» дышишь, «Моментом» в туалет ходишь, — парировала Галина.

Каша, котлеты и смерть Кузи

— Ага, а по-маленькому эфедрином, — прокомментировал Малой, изображая шатающегося Паху, отливающего за углом.

— Хорош, пацаны, дурака валять! Давайте в церковь, у нас скоро концерт будет, музыканты классные приезжают из Киева, приходите...

— Теть Галя, ну ты и пристала к нам с твоей церковью, мы шо, на боговерующих похожи?

— Да, особенно Баз. Видишь, какая у него от клея морда красная, прямо как у попа.

— Прекращайте галдеть, я серьезно. Приходите, вам понравится. У Господа есть хорошие планы для вас!

— Ну и где он с этими планами прячется? — бросил Марио.

— Да уж точно не в вашем подвале, — улыбнулась Галина.

— Ну я пошла, пацаны, завтра буду в это же время. Где меня найти, вы знаете... Каждое воскресенье на служении в «Савоне», а если прижмет, — то домой приходите.

* * *

— Братья, мы должны начать работу с беспризорниками на ближайших перекрестках, — заявил я на очередной церковной планерке.

— Не думаю, что у нас есть для этого возможности, мы с этими развалинами на много лет влезли по уши, — прокомментировал администратор церкви Артем.

— Маловеры странноликие! Где ваш огонек, где видение, измучился я с вами?! Разве Господь не контролирует ситуацию? — высказался, как всегда потирая ладони, наш дьякон Юрий Андреевич.

— Я думаю, надо делать то, что мы можем, как сказано: «Что по силам руке твоей — делай». Давайте объявим сбор продуктов по воскресеньям на собрании и организуем специальное служение, чтобы простенький обед готовить и на улицах пацанов подкармливать. Артем, записывай и

Непедагогическая поэма

займись этим. Постарайся к моему возвращению проект подготовить и людей найти, кто бы этим делом занялся. Вернусь из Киева — доложишь обстановку.

— Добро пастор, езжай в свою семинарию за пятерками. Приедешь, зачетку покажешь на церковном совете.

Через две недели на воскресной службе было объявлено о том, что церковь начинает новый проект по кормежке беспризорных детей. Специальные коробки с надписью «Проект “Килограмм милосердия”» появились на входе, и люди стали приносить разное: кто крупы, кто масло, а кто специально испеченные пирожки. У Галины появились новые возможности, чтобы увеличить количество обедов, которые готовили для уличной детворы.

* * *

Звонок среди ночи разбудил всю семью. В дверях стоял Паха, взъерошенный и явно с плохими новостями.

— Кузе плохо, совсем плохо, ноги у него вспухли...

— Сейчас оденусь. Я быстро. В каком подвале?

— Возле этого нового крутого магазина... у Югвнеш-торга. Совсем он плохой, воеет уже несколько часов.

— Паха, сколько он уже колется?

— Да второй год, наверно. Он у нас тоже спидоносный, а недавно мы его День рождения отметили. Четырнадцать ему уже, такую поляну в подвале накрыли!

Через час, вытащив Кузю из подвала, Галина с пацанами доволокла его к цветочному ларьку, в котором работали верующие. Скорой, как обычно, пришлось долго объяснять, что к чему, но зато приехали быстро.

— Утром в больнице, вызванный медсестрой врач, отводя глаза, спросил: — Вы по поводу беспризорника, которого ночью привезли?

— Да, мальчишка, Паша Кузнецов.

— Умер он, уже час назад...

Глава

3

Капитуляция подвального батальона или как «рам превра- тился в дет- ский дом

*Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать,
а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое,
и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня,
знаешь, такого – революционного.*

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

— **К**то там?

— Теть Галь, это мы. Можно?

— Что это вам не спится, или клей подорожал?

— Холодина звериная. Мы тут решили к вам...

— Хороши красавцы! Ну, заходим по одному... Боже!
Сколько вас! Да и что ж мне с вами, парни, делать?

Компания беспризорников вливалась в тесный коридор хрущевки, наполняя собой и специфическим запахом пространство. Чудик, протискиваясь в первых рядах в квартиру, выглядел особенно шикарно. Огромная майорская шинель была ему почти до пят, под ней несколько слоев плащей, свитеров и рубаш. Подмышками — две подушки и чемодан, судя по виду, — времен Первой мировой.

Непедагогическая поэма

— Что, майор где-то перебрал? Или подвальные войска в стране организовали? — улыбнулась Галина.

— Не, мы это... нашли, шинель крепкая.

— Ага, а то, что в ней было, вытряхнули за ненадобностью? — съязвил Малой.

— Оно само выпало, — захихикал Марио, — поскольку не по уставу набралось.

— Малой, не труси головой — десантники высаживаются, — пихнув соратника по подвальной жизни, шепнул Пирожок. Количество вшей в голове Малого действительно впечатляло и просматривалось без дополнительной оптики.

— Объявляем бой «бурундукам»! Сражение будет не легким, но враг не пройдет! — уверенно констатировала Галина. Раздеваемся по одному и шевелюры — под ножницы. Затем — в ванну, а после вот там, на полу, стелимся.

— Шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству — будет расцениваться как дезертирство с поля боя в военное время. Послушание полное, стрижка наголо. Ропот прекратить. Кому нужна модельная стрижка — в парикмахерскую, а у нас здесь один стиль — «под колобка».

* * *

— Ну, как вам концерт?

— Ох, и крутой он, этот ваш Короп! А он что, правда, афганец?

— Был афганец, а теперь, видишь, музыкант-проповедник!

— Круто играет, я думал в церкви только «Му-Му» какое-то поют, а он круто наваливал!

— Теть Галь, а Чудик боялся идти, говорит, что в секте живьем могут съесть и в жертву принести.

— Чудика если б кто и съел, не согрешил, шо с него толку! — заржал на всю комнату Баз.

— Динамик приглуши, — одернул его Марио, — соседи подумают, что тетя Галю грабит кто среди ночи.

Капитуляция подвального батальона

— Мы тут говорили про Бога, обращаясь к Галине с каким-то виноватым видом, продолжил Марио, и это... ну, решили, что он все-таки есть... Наверное, есть. Этот Короп прав. Тоже говорит, наркоманом был, а теперь вот — полный порядок.

Бой с «бурундуками» вперемешку с диспутом о вере продолжался далеко за полночь. Слипшиеся от грязи кудри ключьями падали на пол. Пацаны покряхтывали в ванной, скобля друг другу засаленные подвальной копотью спины. Мешки с вшивой и грязной одеждой под покровом темноты перекочевали на мусорную свалку. Шла первая зачистка, первого отряда, первых пилигримов.

Утром в церковном офисе, устроенном в двух немного отремонтированных комнатах, появилась Галина. На явно не выспавшемся лице была улыбка, а глаза излучали радость.

— Пастор, у нас тут пополнение. Ко мне нынче ночью гвардия босоногая пожаловала. Ввалились среди ночи, говорят, жизнь хотим менять.

— Это та детвора, что у «1000 мелочей» тусуется? — спросил я.

— Они самые. Говорят, решили, что Бог есть, поэтому собираются менять стиль жизни. Эта компания на концертах Валеры была. Они даже на молитву в конце служения выходили... Говорят, теперь мы — христианские братья! Только не знаю, что с этим братством делать. Мне теперь от вшей квартиру месяц дезинфицировать придется.

— Что же нам делать с этим покаявшимся табором? Артем, есть какие-то мысли?

— Мысли есть, но вот денег к этим мыслям — нет. Надо подумать, но пока мы не можем что-то реальное предложить. Дело серьезное, а мы со взрослым реабцентром по уши в долгах. Во взрослый центр к наркоманам их же не поведешь...

— А почему нет? У них самих половина — на эфедрине, а остальные на клее сидят. Правда, мест в Червоном совсем

Непедагогическая поэма

нет. Там наш дом битком забит, на полу рядами спят. Куда там детвору...

— Послушайте, дьяки, а если здесь, на первом этаже, выделить пару комнат, оборудовать потихоньку уголок для них, все же лучше, чем в подвале.

— Пастор, не намного лучше, прямо скажем.

— Намного. Артем, ты еще у них в подвале не был, здесь после их притонов — рай, — уверенно заявила Галина.

— Хорошо рай, без окон без дверей!

— Ну, а как насчет ангела с мечом на выходе из рая? Я боюсь, что они, если оттуда выберутся, то наш офис в ад превратят. Воруют же, небось, братья-орелики?

— Воровать-то воровали, но говорят, что покаяться...

— Покаяние покаянием, а без ангела-хранителя нам никак... Придется при них дежурство круглосуточное организовывать.

— Хорошо. Юрий Андреевич, Артем, пошли вниз, посмотрим по месту, где нашим неофитам комнатку подыскать, — бросил я, и мы отправились на первый этаж нашего разваленного, но, как нам казалось, будущего храма.

Следующие два дня выбранные на первом этаже комнаты, с разбитыми дверными проемами, разваленными полами и заколоченными накрест рамами, вычищались от мусора, чтобы принять первых поселенцев в совершенно разрушенном здании. В тот момент наша церковь пыталась выкупить у общества обманутых вкладчиков то, что от этого здания осталось.

В этом здании, по переулку Трамвайному 10 А, в начале 90-х было помещение какой-то банковской структуры, обманувшей клиентов и растворившейся вместе с их деньгами в мутной постперестроечной воде. Обиженные вкладчики не остались в долгу и разнесли здание по кирпичикам. Уничтожив все внутри помещения, народ принялся спиливать трубы, снимать батареи и выкорчевывать канализационную систему. Когда со всем вышеперечисленным было покончено,

Капитуляция подвального батальона

когда были сняты все двери и выбиты практически все лутки, то бригады строителей, шатающихся на мелочах, стали просто разбирать по кирпичам стены внутри здания.

Поселившись в ста метрах от этого растаскиваемого помещения и вывозя строительный мусор на огромную свалку во дворе будущего «Пилигрима», я заинтересовался остатками этого помещения, попросив нашего дьякона навести справки, чье это хозяйство в центре города разбазаривается. Впервые зайдя во внутрь здания и набив себе приличную шишку при входе, я стал свидетелем весьма мрачной картины. Шприцы и презервативы, разбросанные по углам, бутылки и загаженные всякого рода гадостями комнаты — вот картина, представшая перед моими глазами. Несмотря на это, бывший детский сад в центре города имел неплохой, хоть и очень захламленный, участок. Так в моем сердце родилась мечта.

Этой мечте пришлось пройти через суровые испытания. Три года длилась эпопея с приобретением церковью этого здания. Поиски владельцев, контракт на фантастическую сумму, подписанный мной на выкуп этого помещения, депрессия и больничная койка — все это стало частью истории приобретения нашего первого церковного помещения. Но мечта построить церковь оказалась сильнее всех перипетий. Шаг за шагом мы двигались вперед. Несколько недель мы проводили особенный сбор в церкви. Люди приносили, кто что мог. Одна молодая семья продала свадебные кольца и принесла вырученные деньги как свой личный вклад в покупку здания. Кто-то продал видеоманитонфон, кто-то просто «залез в чулок». Собрав все, мы подсчитали, что это в двадцать раз меньше необходимой суммы. Однажды, за несколько дней до выплаты первого взноса за здание, я встал на колени в состоянии глубокой депрессии и выразил Господу свои сомнения в том, что это здание является Его волей для нас. «Господи, если этот путь от тебя, — сделай чудо!» Утром я решил поехать в

Непедагогическая поэма

какое-нибудь городское предприятие и попросить помощи в приобретении этого помещения. Выбор пал на завод «Маркохим». Короткая беседа с директором Олегом Николаевичем Литвиновым, в приемной которого, как водится, находилась целая орда просителей, и совершенно неожиданный ответ в виде крупного пожертвования дал нам возможность заплатить первый взнос и продолжать верить, что однажды мы все же сможем приобрести это здание и построить храм.

Как любой пастор, я мечтал построить церковь, в которой будет кипеть жизнь, проходить служба, где будут меняться судьбы людей. Меньше всего я представлял, что наш храм превратится в дом для беспризорников. Но Бог решил сначала построить храм для них.

Пара комнат на первом этаже с полиэтиленовой пленкой на окнах и с одеялом вместо двери, сетки от кроватей на плакоблоках вместо ножек, газовая печка с баллоном — так выглядела «Республика Пилигрим» в первые дни своего существования. Несколько энтузиастов, присоединившихся к Галине и Григорию, Оля, ставшая мамкой для ребят, Руслан, сидевший с пацанами по ночам в этих экзотических и мало чем отличавшихся от подвала хоромах, — таким стал первый штат волонтеров в «Государстве бывших беспризорных».

— Мы не вытянем эту работу, — говорили мне многие братья.

— Вполне возможно, но давайте хотя бы попробуем делать то, «что по силам руке нашей».

Глава

4

Весенний синдром, соседи-вели- кому-че- ники и благодарные потомки

Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай; бедному и пришельцу оставь это. Я Господь, Бог ваш.

Левит 23:22

Первой весной в «Республике Пилигрим» появились и первые неожиданные проблемы. Вселившиеся в разрушенное помещение будущей церкви беспризорники стали активно приглашать в свою христианскую коммуну друзей с улицы. Надо признать, что к тесному контакту с мариупольским андеграундом (в прямом, а не в переносном смысле этого слова) мы были не совсем готовы.

Первые жители нашего «Государства бывших беспризорных», мягко говоря, не были обременены этическими достоинствами. Правила и опыт жизни в городской подвальной диаспоре накладывали отпечаток на все, что они делали, на помещение, которое мы вместе с ними обустроивали, на соседей, не по их воле географически втянутых в жизнь нашей «Республики».

Вообще, я уверен, что соседи «Пилигрима» достойны отдельного упоминания в этой книге. Столько страданий и неожиданных сюрпризов преподнесли им за первые годы жители нашего «босоногого» государства, что их историю необходимо выпустить отдельным томом. Я уверен, что каждый двор в округе мог бы вписать в него целый раздел. Полагаю, что многие семьи, проживающие рядом с нашим государством, достойны канонизации на пилигримовском соборе как мученики!

Помню, как к одной нашей сердобольной соседке пришел пацан с заявлением:

— Тетя, воспитатель просит на пару часов большую кастрюлю и сковородку. Не могли бы вы нас выручить?

— Ой, родненький, конечно, минутку, сейчас сполосну, берите, пользуйтесь, после обеда занесете!

— Хорошо, тетя. Вот здорово, что вы такая добрая!

История этой кастрюли, насколько я помню, растворяется где-то на рыночных рядах у наших городских корбейников. Вполне возможно, что именно вы, дорогой читатель, варили сегодняшний суп в кастрюле соседки «Пилигрима» и радовались в свое время тому, как недорого удалось сторговаться на рынке за великолепное пополнение вашего кухонного набора.

Соседское доброе и искреннее отношение к «Пилигриму» в момент его зарождения достаточно быстро меняло свои оттенки, сталкиваясь с реалиями в поведении наших бедненьких «мальчиков-сиротинушек». Опыт подвальной жизни дал пацанам практику, которую вряд ли получают в общеобразовательных школах. Их сообразительность достигала удивительных высот, а спектр творческой фантазии удивлял не раз нас и наших соседей по Солнечному и Трамвайному переулкам.

Однажды малыш, только появившийся в «Пилигриме», решил внести свой вклад в хозяйственно-кухонные процессы.

Весе́нный си́ндром

Взяв громадный сорокалитровый бидон, конкурирующий с ним самим по размерам, он отправился к соседям.

— Наберите, пожалуйста, водички для «Пилика», — профессиональным жалобным голосом попросил наш трудоголик.

— Хорошо, сыночек, ой, как же ты этот бидон дотащил? — разжалобилась бабушка. Набрав в своем дворе полный бидон, она рассчитывала, что вот-вот появятся воспитатели и заберут его для нашей кухни.

— Тетя, а теперь отнеси его к нам в «Пилигрим», — указывая на бидон с водой по горлышко, произнес уже не жалобным, а слегка требовательным голосом наш герой.

Соседи мало-помалу стали понимать, что публика у нас собралась разношерстная, а новый урожай черешни окончательно развеял все сомнения в данном вопросе. Пилигримы, как мы выяснили в первую нашу весну, категорически не признавали такого юридического понятия как «частная собственность на ягоды и фрукты». Таким образом, в нашем государстве уже в первые месяцы его существования всплыла проблема «полисадников».

Философское мышление беспризорника вообще с трудом включает в себя такие понятия, как «граница». Всякого рода заборы, проволоки и прочие приграничные атрибуты ни в коем веке не пользовались популярностью у подопечных центра. Откровенно говоря, решетки и штакетники раздражают нашего брата-пилигрима. У жителей нашего государства буквально аллергическая реакция на соседских собак, независимо от породы, и лишь небольшое уважение к размерам этих млекопитающих.

Мы также выяснили для себя, что вишни, яблоки и жердели на соседских территориях обладают буквально магическим влиянием, парализуя центр высшей нервной деятельности у большинства граждан нашей «Республики». Они, сами того не замечая, по их словам, практически вопреки собственной воле оказывались на соседских

Непедагогическая поэма

деревьях. Застигнутые там воспитателями, которые их от туда стряхивали, многие ребята уверяли нас, что не помнят, как туда попали. Впрочем, на меру наказания эти аргументы не сильно влияли.

Первой весной пацаны начали широкомасштабную кампанию по поеданию всего, что хоть с одного бока вызревало на деревьях близлежащих улиц. Причем по скорости и количеству уничтожения будущего урожая, как мне кажется, они могли бы конкурировать с мощным среднеазиатским нашествием саранчи. Проворность и ловкость сигания по соседским деревьям едва не заставили меня, убежденного креациониста, поверить в дарвиновскую теорию о происхождении человека.

Многоразовые ежедневные построения, лекции на тему «Частная собственность и садовый участок», долгие диспуты и разборы личных дел с соседями, вплоть до визита бабушки с винтовкой, — все это, казалось, не давало никакого результата. Мы с воспитателями совсем отчаялись в этой бессмысленной борьбе. Кто-то даже предположил, что в мозгу у человека есть специальный отдел, ответственный за «запрет лазить по чужим деревьям», и мы почти единодушно согласились с версией, что именно этот отдел погибает первым от токсикомании, которой поголовно грешили наши воспитанники до своего появления в «Пилигриме».

Выход, хоть и частичный, был найден спонтанно, как и все великие откровения в истории человечества. Кто-то пригласил «пиликов» на подработку в соседний колхоз. Единогласно принятое нашими воспитанниками решение подзаработать на хлеб насущный на черешне насторожило нас, но не остановило. К вечеру вернувшиеся из сада пилигримы мало принесли с собой плодов труда, но, судя по частоте посещения уборной в ближайшие пару дней, подработку нельзя было назвать безрезультатной. Надолго запомнился эпизод с не добежавшим до туалета пацаном,

ВЕСЕННИЙ СИНДРОМ

оставившим прямо на лестничном пролете следы своего «трудового» энтузиазма в саду.

После этой подработки и ее желудочных последствий активность в соседских садах значительно поутихла, а сотрудники центра нашли оптимальное решение на будущее. Мы согласились с необходимостью подработки в садах в начале каждого сезона, будучи уверены, что подобная стратегия действует, как прививка против чумы.

Такую же, не очень эффективную борьбу, развернул педколлектив центра в течение первой недели после Пасхи. Оказалось, что у брата-беспризорника поминальный день — едва ли не главный в годовом цикле. За несколько недель до первой нашей Пасхи мы ощутили возрастающее напряжение во взглядах и словах подопечных:

— Тетя Оля, а можно будет в поминальный день тетю на кладбище провести? — спросил Чудик с необычайно жалобным, как мы поначалу думали от тоски по тете, выражением лица.

— Давно она умерла? — искренне поинтересовалась Ольга.

— Год назад, она мне была дороже матери родной, — почти вытирая слезу, произнес Чудик.

— А у меня друг, тетя Оль, недалеко от Чудиковской тетки похоронен, — присоединился к разговору Баз, — мы с ним вдвоем в Старый Крым прошвырнемся?

— А шо, я разве пахана не проводаю? — внезапно оживился Чух, — жаль батяню! Конечно, съезжу на могилку в поминальный день.

Внезапный порыв родственных чувств, охвативший «Республику», выявил, что у каждого нашего подопечного даже из других городов есть кто-то, похороненный в Мариуполе. Голос совести потомков и святой долг перед предками мощным импульсом прокатился по сердцам и комнатам. И только жуткая картина возвращающихся с кладбища с огромными мешками пасок пилигримов внесла ясность в

Непедагогическая поэма

головы сотрудников. Сгибаясь под ношами, благодарные потомки волокли снедь, собранную с могил. Некоторые несли по два мешка, напоминая издали навьюченных верблюдов. В ответ на укоры воспитателей подопечные настаивали на своем святом праве помянуть предков. Далеко за полночь можно было слышать в наших первых комнатах не очень печальное, но очень христианское «Царство им Небесное».

Это была первая весна и первые уроки, которые нам преподали наши ребята.

Глава

5

БЛИН... на ФИГ... достали И КИТОВОЕ ПОБОЙЩЕ

Радость человеку — благотворительность его.

Притчи 19:22

Потихонечку на орбите зарождавшейся «Республики Пилигрим» появлялись новые колоритные личности. Многие подростки просто проходили через нас транзитом, возвращаясь в интернат, семью или на улицу. Однако, некоторые, в силу особо сложных и запутанных историй, оседали в нашем государстве надолго. Вспоминаю свой первый диалог со Спартаком возле гастролирующего цирка:

— Привет, мужик!

— Здорово, на фиг, коль не шутишь.

— Че такой серьезный? Траур у тебя по ком? — поинтересовался я, разглядывая строго сдвинутые брови подростка.

— Да блин, на фиг, достали! — выпалил Спартак скороговоркой, — в цирк вот тот козел, на фиг, не пускает, блин!

— Ты где такой роскошный русский выучил? Отличник, небось, в подвальной академии?

Непедагогическая поэма

— Не, я самоучка! Самородок! А вы, пастор, что ли из этой вашей богадельни «Пилигрим»?

— Он самый, а ты догадливый! Тебя к нормальной жизни не тянет?

— Она у меня и так нормальная, только в цирк, блин, не пускают! Подожду, на фиг, синим пламенем!

— Потушат... — возразил я, оценивая организованность сотрудников цирка. — А вот морду набьют, это точно.

— Ладно, пусть живут, на фиг, — впервые улыбнувшись и оторвав взгляд от циркового шатра, посмотрел на меня Спартак. Сквозь расступившиеся брови засветилась милейшая, хоть и очень чумазная мордашка. — Я подумаю, может, и прийду к вам.

— Давай, Сократ, думай, да сильно не задумывайся, — порекомендовал я. — Дорогу-то знаешь?

— Найду. Я, блин, толковый!

Через несколько дней Спартак, встретив нашего сотрудника, в очередной раз пригласившего его в «Пилигрим», решил сдаваться. Купив палку колбасы и цветы на честно «пробитые» у мариупольцев деньги, он отправился в приют с четкой целью — менять образ жизни.

— А я, между прочим, песню про Бога знаю! — ошарашил Спартак, очевидно решив продемонстрировать уровень своей религиозной грамотности. — Хотите спою?

— А ну, давай, псалмопевец! Запевай! — поддержал воспитатель.

— «Все мы — бабы-стервы... Милый, Бог с тобой...» — затянул громким голосом Спартак популярный в те времена шлягер, размахивая букетом и колбасой, как дирижерской палочкой. Под этот «псалом» мальчишка шел менять жизнь в нашу «Республику».

* * *

— Подайте, дяденька, Христа ради! — подскакивая на старых костылях к окнам машин, твердил Маугли, — кушать хочется, дайте что-нибудь.

Блин... на фиг... достали

— Бог подаст, — бросала значительная часть водителей, не подозревая пророческого значения этого стандартного на Руси варианта отказа.

— Что с ногой-то? — спрашивали более сочувственно настроенные люди, дожидаясь зеленого света.

— Инвалид я с детства! — бессовестно, но профессионально врал пацан. Подставляя протянутую к окну руку, он уже подсчитывал в уме дневную выручку.

Как и многие беспризорники, Маугли прекрасно освоил «высшую математику» в денежном выражении. Однако, в свои почти 13 он не мог ни читать, ни писать и с трудом отличал буквы алфавита. Несколько лет на улице и ни одного дня в школе — так выглядело его образование к тому моменту.

Услышав о «Пилигриме», парень, промышлявший попрошайничеством, а при удобном случае не брезговавший и воровством, пошел искать приют. Окончательно определившись с выбором, Маугли подарил бомжам оружие производства — костыли и отправился к нам.

Спартак и Маугли стали столпами нашей «Республики». Только спустя полтора года мы смогли добиться сквозь все бюрократические препоны признания их существования на белом свете. Запутанные истории с пропавшей без вести родней оказались лабиринтом, в котором бесплодно бродили наши сотрудники долгое время. И вот, наконец, после многочисленных совещаний было найдено решение. Судмедэксперт выдал справку, подтверждающую существование на белом свете сих биологических особей мужского пола. В ней также было указано, что ребятам около 13 лет, что зовут их по собственным словам так-то. Необходимо признать, что из всех данных, зафиксированных в этом историческом документе, только пол подростков не вызывал сомнения. Все остальные графы, заполненные медиками, можно было бы смело завершить вопросительным знаком.

На основании этих исторических документов Спартак и Маугли получили первый официальный документ — Свидетельство о рождении.

Первые пилигримы не всегда попадали к нам мирным путем. Случались и более напряженные истории. Кит, один из беспризорных авторитетов, благодаря своему телосложению, пришел однажды в «Пилигрим» и сбросил с себя вшивую и рваную подвальную униформу. К тому моменту Кит прожил на улице практически 10 лет, не считая коротких «отпусков» в интернате, где он «отдыхал» от своих «трудовых» будней. Переодевшись в собранные церковью обновки, он вновь отправился на столь любимый перекресток у «штуки». Набравшись клея вперемешку с винцом, Кит вспомнил о своем оставленном в «Пилигриме» тряпье и пожаловался местным пацанам.

— Эти лохи в «Пилике» у меня одежду отобрали... Все, в чем был, козлы! Вшивое, говорят. Небось, выстирают и в «секонд хенд» загонят.

— Ты че, Кит, в натуре? Так мы ща бутыль высушим и пойдем, объясним им политику партии.

Выпившая компания ввалилась в «Пилигрим», где на тот момент дежурили Григорий Иванович и Ольга. Завязалась серьезная потасовка.

— Пастор! — ворвался в мой дом Киндер, прервав ужин с тещей и тестем. — Там тетю Олю убивают! Я в окно удрал и сразу к вам.

Перепугав гостившую у меня родню, я рванул из-за стола, отцепив огромную, найденную с пацанами в водном походе догину Линду. От моего дома до центра около 100 метров, и уже через полминуты мы оказались на входе в наше здание. Выбегавший на свою беду из дверей местный пацан попал первым под мою, мягко говоря, «раздачу». Ворвавшись в коридор, я понял, что успел вовремя. Молодчики, серьезно подвыпившие и решившие защитить честь тряпья «обиженного» нами Кита с деревяшками в руках

Блин... на фиг... достали

обступили Ольгу и Григория Ивановича, за плечами которого было несколько ходок в тюрьму и 25 лет на наркотиках. Я осознал, что еще пару минут и Гриша мог бы сорваться. Ольга к тому моменту уже была вне себя и, когда я дал знак, не без удовольствия присоединилась к укладыванию на пол новоявленных донкихотов. Через полминуты ситуация была взята под контроль. «Борцы за справедливость» лежали на полу с руками за головой, а Линда, грозный характер которой был всем нам хорошо известен, с устрашающим видом стояла над головами поверженных. Переговоры с заступниками Кита длились недолго и привели к их депортации из помещения. Протрезвевшие от неожиданного поворота событий, местные герои ретировались, принеся свои извинения в ответ на отбой вызова милицейского наряда. В завершение необычного общения ребята даже обещали прийти на следующий день в церковь.

Киту было категорически запрещено появляться в «Пилигриме», и только спустя полтора года, пьяный в стельку, он ввалился к нам в морозный январский вечер. Это была его последняя пьянка. Вопреки моему скептицизму, Кит стал частью нашей пилигримовской семьи.

В нашем государстве появлялось и росло «ядро». Решая свои, порой весьма не простые проблемы, ребята сближались. Формировалась команда, настоящая, интересная, потрясающая команда.

Глава

6

Четвертая добавка, Тихоня, Киндер и Алка

Давать охотно – значит больше, чем давать много.

Блаженный Августин

Шаг за шагом мы продвигались вперед. На первом этаже в нашем полностью разваленном здании стал оживать уголок из нескольких комнат. В выбитых дверных проемах появились одеяла. В раскученных оконных рамах была прибита пленка, с помощью которой отчасти решалась проблема сквозняков. Одним словом, у нас ребятам стало чуть лучше, чем в люках.

Тетя Оля приволокла первую печку, и, подключив оборудование к газовому баллону, мы наладили наше кухонное производство. Собираемые в церкви продукты в рамках объявленного нами проекта «Килограмм милосердия» стали основой рациона первых пилигримов. Идя на служение в «Церковь Добрых Перемен», люди приносили с собой, кто пару килограммов крупы, кто муки, кто сахара. Пятидесятническая церковь «Благодать», узнав о собравшихся под

Четвертая добавка

нашу крышу беспризорниках, произвела сбор продуктов, и нам перепало немало консервации. Просто добрые люди, неизвестно откуда прослышав о зарождавшемся детском центре, приносили сумки с продуктами, а иногда просто подбрасывали деньги. На всю жизнь запомню огромного по размерам мужчину, который подошел ко мне после воскресной службы и передал огромный пакет с умопомрачительной по тем временам суммой в 3000 гривен. Александр Глушко стал первым спонсором нашей «Республики» и в последствии не раз поддерживал в особо трудную минуту. Пожертвованный братом Вячеславом холодильник стал святыней, к которой всегда был повышенный и вовсе не теоретический интерес. Вокруг него роем крутились ребята и, как назойливые мухи, не поддавались уговорам держаться от кухни подальше. Пацаны приходили с улицы не с аппетитом, а в состоянии, которое в русском языке называют «жор».

— Тетя Оля, дай немного добавочки, — затанул свою ежедневную челобитную Комар.

— Не дам, Комар, не пищи!

— Че, вам супа жалко? Я на улице лучше хавал, чем в «Пилике»!

— Не ври, Комар, ты на улице, как космонавт, из тюбика клеем питался.

— А вы знаете, как я на чебуречную наезжал? По 10 штук за раз глотал!

— Ага, и было это аж один раз, — вмешался Чудик в разговор, — когда мы пьяного в порту труханули.

— Ну дайте, тетя Оль! — перешел Комар ко второму куплету, полностью игнорируя аргументы Чудика.

— Не наглей, дорогой. Четвертая добавка — это уже диагноз. Тебе надо записаться к психиатру на курс освобождения от пищевой зависимости.

— Не четвертая, а третья! — протестовал пацан, делая обиженное лицо.

Чепедагогическая поэма

— Четвертая, Комарик! Сто пудов, четвертая! Это порция для хорошего коня, а не для Комара, — подвела итог Ольга, дав понять, что челобитная категорически отклонена.

Церковь привела к тому времени десятки субботников, в результате чего территория, заваленная хламом, и, по сути, бывшая неофициальной свалкой в центре города, стала преображаться. С помощью городских властей мы вывезли несколько десятков грузовиков с мусором. Пацаны вместе с прихожанами очищали коридоры и комнаты, в которых местные подростки до нашего появления жгли костры. Работы хватало на всех. Стал формироваться первый распорядок дня, в котором наряду с трудовым временем были многочисленные походы на море, поездки во взрослый реабилитационный центр в село Червоное, небольшие импровизированные уроки грамматики и математические ребусы.

Большинство ребят многие годы только теоретически числились в школах, появляясь в районе сентября просто от скуки и исчезая до мая в подвальных «заботах». Полное отсутствие документов у ребят и наше абсолютное неведение о том, как начать распутывать эти юридически запутанные «клубки», ставили перед нами немало проблем. Первые слухи о том, что в разрушенном здании, выкупленном церковью, собираются беспризорники, докатились до Службы по делам детей, гороно и санстанции. Теперь уже мы не знали, что делать с нашей гвардией. Ребята приходили, ой, какие непростые!

— У нас еще одна девочка появилась, — проинформировал я работников отдела образования о прибывшей к нашему государству Тихоне, — она в вашем районе числится.

— Да что вы говорите! Есть же Бог на свете! — собрав всех своих сотрудников, провозгласила женщина. Вы не представляете, что мы тут с ней пережили, это не Тихоня, а катастрофа какая-то. Нас за ее приключения здесь со света сживали, ну, дай Бог, чтобы прижилась, а то ведь совсем

Четвертая добавка

пропадет девчонка. У нее есть брат, на год старше, ничего о нем не знаете?

— Он тоже на «подходе». Появлялся уже у нас, но пока бегаёт туда-обратно. Молитесь за нас, может, и с ним что получится. Оторванный он, этот Киндер, в каждую историю встречается, боюсь, один из первых кандидатов в Каменск на малолетнюю зону.

— Если появится, дайте нам знать. У них ведь мать сидит. Как ее упрятали, она еще ни разу их не видела, а мы толком не знаем, где они находятся. В доме у них какой-то притон, а о нем только слухи не очень хорошие от милиции.

Через некоторое время Киндер тоже прибил к нашему пилигримовскому кораблю, и хоть с переменным успехом, но пошел на подъем. Позже мы разыскали их маму, сидевшую за убийство собственной матери, и отправились на свидание. Тот день я четко помню из-за особой неловкости, которую испытывали все: и мать, и дети, и руководство зоны, и я. К тому моменту ребята не видели мать уже три года. Она пыталась хоть что-то узнать о том, где ребята находятся, но все было бесполезно. Числившись за интернатами, Тихоня и Киндер кочевали по подвалам и чердакам, зарабатывая на жизнь как могли. Воровство, наркотики и прочие составляющие беспризорной жизни — вот все, что было в их биографии за те годы, пока они не очутились у нас. Но в тот день уже прижившиеся, похорошевшие и относительно неплохо приодетые, они поехали со мной на свидание к маме. Как описать встречу матери с детьми спустя три с половиной года разлуки? Не война, не стихийное бедствие — обыкновенная беда, ворвавшаяся в их судьбы, разделила, поломала жизнь; казалось, не собрать и не склеить эту рассыпавшуюся семью. Позже мама Киндера и Тихони, отсидев шесть лет, вышла на свободу. Долгое время она находилась на лечении в тубдиспансере. Когда позволяло самочувствие, бывала на служениях в церкви, а мы старались по мере возможностей поддерживать ее и надеялись, что здоровье

этой еще молодой женщины восстановится. Однако спустя пару лет она все-таки умерла от замучившего ее туберкулеза. Для меня это был первый и, как оказалось, далеко не последний опыт похорон родителей моих приемных детей.

Алка стала еще одной из первых девчонок в «Пилигриме». Она тоже на протяжении трех лет не видела свою мать. Стоит ли перечислять те проблемы, через которые ей пришлось пройти за несколько лет бродяжничества? Последний раз она училась во втором классе и, оказавшись у нас, также пошла на подъем по жизни. Спустя три года Алка появилась в родном селе и встретила с матерью. Говорят, что мать, несмотря на серьезные проблемы с алкоголем, бегала по селу от радости и кричала всем о том, что дочь жива, что с ней все в порядке. Мать Алки прошла реабилитацию в одном из наших Центров для взрослых «Преображение», однако через время, оставив церковь, вновь «сорвалась». Спустя несколько лет женщину опять привезли в наш реабилитационный центр, где она и закончила свой грустный жизненный путь.

Следует отметить, что история «Пилигрима» тесно связана с Приазовским реабилитационным монастырем «Преображение». Открыв его за два года до начала работы с беспризорниками, мы не понимали тогда, что проблема наркомании касается не только взрослых. Однако, начав реабилитационное служение, мы вдруг ясно увидели эту проблему здесь. Дети естественным путем втягиваются в водоворот родительских трудностей. Проваливающаяся в наркоомут душа отца или матери засасывает за собой и тех, для кого они должны были стать опорой. Поэтому, работая со взрослыми, мы волей-неволей столкнулись и с бедами детей.

Аленка, рожденная матерью-наркоманкой, планировавшей закончить жизнь самоубийством во время беременности, стала, что называется, «дочерью полка». Сегодня девочка обрела семью. Галина удочерила ее, но страшно подумать, что

Четвертая добавка

бы могло произойти, если бы молодая мамаша не оказалась в реабилитационном центре к моменту родов. Вполне возможно, судя по моральному облику матери, что новорожденная могла быть выброшена на свалку, как это и случилось с еще одной девочкой, нашедшей мать среди прихожан «Церкви Добрых Перемен».

Женщина, родившая Анюту, выбросила новорожденную в туалетную яму на верную погибель. Обнаружив к утру умершую от потери крови мать, соседи и прибывшая на место происшествия милиция, по следам крови добрались к туалету, куда был выброшен плод. Милиционер крючком багра собирался достать тело младенца. Однако, подоспевший вовремя сосед, разломав деревянный настил туалета, спрыгнул в яму и достал еще живую девочку, которая первые часы своей земной жизни проплакала в туалетной грязи. Невероятно, но факт: девочка жива и абсолютно здорова. Сестра Ольга, услышавшая на служении в нашей церкви об этой трагедии, стала усиленно молиться, посещая девочку в реанимации. Вопреки прогнозам врачей, ребенок остался жив. Об этой истории не раз писали газеты, и снимались телевизионные программы.

Добрые перемены в судьбах детей и родителей с самого начала «Пилигрима» были наиболее мощным стимулом, дававшим нам силы преодолевать все проблемы, недостатка в которых, к сожалению, у нас не было.

Глава

7

Ночное происшествие

Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе.

Иова 33:15

С того момента, как ребята собрались под крышей церковного здания, пролетело больше полгода. Наступил сентябрь, посвежели ночи, а перед нами неотвратимо встал вопрос о нашей неспособности продолжать эту работу. К тому моменту я влез в приличные долги при практически полном отсутствии спонсоров. Полтора десятка пацанов, прижившихся у нас и ничего не желающих слышать о возвращении в свои интернаты и семьи, — такова была та сентябрьская реальность. Это был тупик.

По утрам, приближаясь к разрушенному церковному зданию, мы все чаще слышали кашель ребят от сквозняков и остывающих за ночь стен. Дальше так не могло продолжаться. Чтобы «Республика» выжила, должно было произойти чудо!

Ночное происшествие

Вечером с 24-го на 25-е сентября 2000 года я лег спать рано. После непростого дня, пребывая в глубокой депрессии, я рухнул на постель и сразу вырубился. Около полуночи я вскочил с постели в поту и разбудил жену:

— Лена, Лена, — бормотал я спросонья, теребя ее за плечо. — Лена, Господь только что говорил ко мне!

— Ты уверен? — не открывая глаз, произнесла моя возлюбленная.

— Это было о «Пилигриме»! Я слышал голос, говоривший: «Это мои дети, и я дам все необходимое для их дома!» — волнуясь и сбиваясь, рассказывал я о том, что произошло в моем полусне, полуобмороке...

— Ну и чего ты волнуешься? — еще больше ошарашила меня жена, — Господь сказал — значит, даст! Спи! — подвела она итог, перевернувшись на другой бок и подчеркивая свою веру, мгновенно заснула.

Я еще очень долго не мог прийти в себя. Для меня было совершенно ясно, что произошедшее только что имело неземной характер. Мое служение священника на протяжении уже многих лет давало мне право говорить о том, что это действительно был не просто сон. Являясь человеком впечатлительным, я не сразу успокоился. Однако, будучи приличным соней, через час с небольшим я все же склонил голову и задремал.

«Это мои дети, и я дам все необходимое для их дома!» — спустя некоторое время прозвучало вновь в моем сердце.

На этот раз, вскочив с постели, я склонил колени и приходил в себя уже в молитве. Мое понимание того, что это был голос Божий, уже не подвергалось никаким сомнениям. Я молился пред Богом, благодаря Его за укрепление словом. Во мне зарождалась вера, что за сказанным последует Его поддержка, и мы «прорвемся» в работе с беспризорниками, преодолев критический рубеж.

Непедагогическая поэма

Около трех часов ночи я успокоился и вновь смог уснуть. От переполнявших меня в ту ночь чувств я сильно вымотался, поэтому сразу же задремал.

«Это мои дети, и я дам все необходимое для их дома!» — прозвучало в третий раз в ту ночь. Поднявшись, я уже не испытывал ни страха, ни сомнений. Во мне росла уверенность в Божьем водительстве.

По натуре я совсем не мистик. Даже наоборот, друзья, знающие меня, часто и, как мне кажется, весьма справедливо упрекают меня в излишнем рационализме. Однако, произошедшее в ту ночь было настолько очевидным, что не вызывало у меня никаких богословских вопросов. А продолжение истории оказалось таким увлекательным, что убедило бы любого современного Фому.

На пять часов утра у меня была назначена «молитвенная зорька» с группой служителей церкви. Добравшись на место сбора, я рассказал сотрудникам о том, что пережил в эту ночь, и выразил уверенность в том, что Бог в ближайшее время сделает нечто и поддержит нас в непростом деле, за которое мы дерзнули взяться, создав «Пилигрим».

Перед началом молитвы я прочитал из Святого Писания слова апостола Павла:

«А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь» (Ефесянам 3: 20, 21).

В истинности этих слов мне пришлось убедиться уже через три дня.

Глава 8

**ВЛАДИМИР
СЕМЕНОВИЧ,
ЛЮДВИГ
НИКОЛАЕВИЧ,
ФЕДОР
АНДРЕЕВИЧ
И НАШЕ
МАЛОВЕРИЕ**

— Вот это молодец! — сказал заведующий губернским народным образованием. — Действуй, дело святое!
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

— **Л**юдвиг Николаевич, мы тут совсем запутались, самим не выкарабкаться, — перебарывая стеснение, сказал я и положил на стол к секретарю правления комбината имени Ильича свое ходатайственное письмо.

В моем мировоззрении существовало четкое кредо: «Блаженнее давать!» Позиция просителя противоречила моим взглядам и богословским принципам. Успокаивало лишь то, что мы действительно делали все, что могли, и даже значительно больше, чем позволял наш трещащий по швам церковный бюджет. Несколько десятков наркоманов, на тот момент проходящих реабилитацию в Червоном, содержались полностью за счет нашей «Церкви Добрых Перемен». К сентябрю полтора десятка беспризорников пригласили в здании, как нам тогда казалось, будущего храма.

— Что там, пастор, правда, что у вас двенадцатилетние наркоманы собрались? — отложив огромную кипу бумаг в сторону, с искренним и совсем не чиновничьим интересом спросил Людвиг Николаевич.

— К сожалению, есть и такие, — подтвердил я, — но публика, правда, совсем оторванная. Это те, кто уже нигде не вписался, а многие действительно хорошо на иглу подсели. Одного малого тетушка уколола, когда ему было 10 лет, решила, что парню надо в жизни все попробовать.

— Вот стерва! Как таких земля носит? Почему же Господь не поразит вот таких? А, пастор?

— Сложный это вопрос, требует богословского диспута и уж точно не пятиминутного, — кивнул я в сторону двери, за которой, как обычно, стояла большая очередь просителей.

— Значит так, пастор, вопрос этот достаточно серьезный, поэтому те трубы и несколько кубов леса, которые ты у нас просишь, тебе не помогут решить проблему. Завтра утром постараемся вместе переговорить с Владимиром Семеновичем. Для него эта тема расплодившихся беспризорников совсем не чужая. Попробуем с ним встретиться. Подходи утром, к половине седьмого.

Кто такой Владимир Семенович Бойко в нашем городе знают все. Далеко за пределами Мариуполя имя Героя Украины, генерального директора самого крупного в стране Металлургического комбината имени Ильича хорошо известно. Аудиенция с этим человеком, учитывая его необычную доступность, желанна для просителей со всей Украины. Уже на следующее утро я входил в его кабинет, произнеся тихонечко на пороге библейскую молитву: «Господи, сердца начальствующих в Твоих руках!»

— Владимир Семенович, пацаны тут беспризорные прибились у меня к церкви... Мы сами, что можем, — делаем, но вот выдохлись окончательно. Если можете, то подсобите, — пытаюсь скрыть свое волнение, произнес я, — мы выкупили

здание под строительство храма, а они его стали понемногу оккупировать, вылезая из подвалов.

— Да, это беда нынче, как после войны какой... Клеем дышащих я не раз видел, а что, правда, наркотиком колются в таком возрасте? — прищурившись, как от боли, спросил директор комбината.

— Колются, заразы, — подтвердил я, — причем одной иглой по кругу, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы к ним в подвалы регулярно лазим с теми из них, кто уже завязал, и пытаемся по одному «вырвать» остальных.

— Неужели получается? — как бы испытывая мои слова пронизывающим взглядом, спросил Бойко.

— А вы приезжайте, посмотрите, уже около пятнадцати выудили мы из подвальной стихии. Даст Бог и тех, кто еще числится в «детях подземелья», тоже вытащим.

Владимир Семенович резким движением взял ручку и что-то написал на моем ходатайстве с просьбой о выделении нескольких кубов леса и нескольких десятков метров трубы для системы отопления.

— Давай, пастор! Делай свое святое дело! Вместе мы эти темные силы победим! — подвел итог разговора директор комбината имени Ильича, пожимая мне руку.

Людвиг Николаевич Мирошниченко, проводивший к двери, глянув на еще не прочитанное мной резюме, улыбнулся и сказал секретарю:

— Проводите пастора к Лысаку.

Воспользовавшись паузой, я бросил взгляд на надпись, сделанную Владимиром Семеновичем. Она гласила: «Сделать все, что в наших силах».

— Дадут трубы! — мысленно обрадовался я, следуя за секретарем по коридору, — и, наверняка, леса хотя бы половину, но дадут! На пару комнат этого нам хватит! К холодам будут пацаны с окнами и теплом!

Непедагогическая поэма

* * *

Уже через час во двор церковного здания въехали несколько машин. Во главе с Федором Андреевичем Лысаком, на тот момент заместителем директора комбината по быту и капитальному строительству, к нам во двор приехала целая делегация.

— А вы кто? — накинулись пацаны на Федора Андреевича, уже ощупывая, а также испытывая на прочность антикрыло, заглядывая в салон и проверяя подкачку колес.

— Дед Пихто! — откликнулся он в ответ. — Привет, орлы! А ну, показывайте, как вы тут устроились?

— Классно! — кричали наперебой Сега, Киндер, Марио и Баз, — вот, уже не колемся, завязали! — горделиво объявил Малой, показывая свои едва затянувшиеся от укулов руки.

— Не понял, это у тебя что такое? — остановив всеобщий балаган, спросил Лысак.

— Да наркоман он, дядя! — Марио развеял сомнения оторопевшего Федора Андреевича, — но уже второй месяц, как не колетса!

— А сколько же тебе лет, сынок?

— Уже тринадцать почти! — слегка обиженно констатировал Малой.

— Это он мелкий, потому что клеем завтракал, обедал и закусывал! — со знанием дела выпалил Комар.

— И давно ты с этой гадостью связался?

— Да год назад меня Вирус подсадил! Но я теперь уже все, — еще раз, как будто убеждая самого себя, заявил Малой, — а то чуть руку не потерял, показал он на огромный заживающий шрам, — загноилась сильно от эфедрина. Хорошо, дядя Гриша меня из подвала вытащил и к врачам отволок, а то сдох бы, как Кузя.

— И как вам здесь живется? — приходя в себя от увиденного, продолжил Федор Андреевич.

— Здорово! — хором закричали ребята, демонстрируя свои кровати, стоящие прямо на цементном полу, и обшарпанные стены, завешанные плакатами и наклейками.

— Разве это здорово? — бросил Федор Андреевич, разворачиваясь и, как свойственно нам, мужчинам, пытаясь отвести повлажневшие глаза. — Будет здорово! — отчеканил он.

Следующие полчаса специалисты, прибывшие вместе с заместителем директора, бегали по зданию, ныряли в подвал и забирались на крышу. Произнося и записывая малопонятные неспециалисту формулировки, они замеряли, осматривали и высчитывали что-то в своих блокнотах. В сопровождении Федора Андреевича эта делегация многократно обошла здание, а мы с нашим дьяконом Юрием Андреевичем поочередно бегали в укромное место, чтобы никто не видел наших слез. Это были слезы радости и благодарности Богу, а также людям, которых Он послал нам на помощь.

— Столярка сто процентов, канализация сто процентов, штукатурка сто процентов, крыша сто процентов, водопровод сто процентов... — звучали со всех сторон резюме специалистов-сметчиков.

— Какой вы хотите забор? — ошарашил нас вопросом Федор Андреевич.

— Да нас и этот устраивает, — оробев и окончательно растерявшись от переполнявших чувств, пробурчал я, — только подлатаем немного.

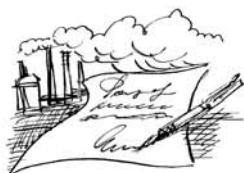
Юрий Андреевич в этот момент незаметно наступил мне на ногу, как бы останавливая мое маловерие. В процессе разговора мы стояли у разваленных остатков забора из сетки-рабицы тридцатилетней давности.

— А что, неужели можно и на забор рассчитывать? — робко спросил наш дьякон-хозяйственник, — мы ведь не просили.

— Я же сказал, что будет здорово! — улыбнулся Лысак.

Непедагогическая поэма

Уже на следующий день на территорию «Пилигрима» прибыли строители. До 60-ти человек в день работали на полной реконструкции, затеянной ильичевцами. Это был их ответ на нашу просьбу о нескольких кубах леса и 30-ти метрах трубы. Закипела работа, и на наших глазах развалины стали превращаться в дворец для бывших беспризорников.

Глава

9

Стартовый материал или проблемы этической эволюции

Пустые коробки наших домов, десяток «дачек» вместо кроватей, топор и лопата в качестве инструмента и полдесятка воспитанников, категорически отрицавших не только нашу педагогику, но и всю человеческую культуру...

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Чтобы понять специфику работы созданного нами детского центра, необходимо уяснить качество того «стартового» человеческого «материала», с которым мы начинали работать. Всю историю нашего центра и практически каждого отдельно взятого подростка можно проиллюстрировать стандартной схемой из учебника биологии. Когда вы проходили теорию эволюции в школе, то не могли не запомнить картину, на которой обезьяна

Непедагогическая поэма

поэтапно превращается в разгибающегося петикантропа, которого, в свою очередь, сменяет заросший древний человек с дубинкой. Последняя особь на этой схеме изображает нас с вами, современных людей. Поставьте под этой картиной надпись «Эволюция воспитанников в “Пилигриме”» — и у вас будет хоть и теоретическая, но весьма ясная иллюстрация о процессах, происходящих в «Республике».

Большинство обывателей, сталкивающихся с беспризорниками на городских перекрестках, даже не подозревают, насколько запущены взгляды последних на жизнь. Их подвальный образ бытия проецируется и, безусловно, определяет мышление. Вот с этим, пещерным менталитетом, ребята, в основном, и попадают к нам.

Четко помню день, когда я впервые спустился в канализационный люк, превращенный пацанами в свое жилище. Это был настоящий шок для меня. Несмотря на то, что сам я рос в семье, где из-за господства «зеленого змея» с порядком, мягко говоря, не сложилось, я был потрясен до глубины души увиденным. С детства я привык к понятию «хаос», поскольку он торжествовал в родительском доме. Однако то, с чем я столкнулся в жизни наших ребят, превзошло все мои мрачные ожидания. В том первом жилище хронических бродяжек, в котором я оказался, была приблизительно следующая картина. Прямо на сырой земле, из которой выступала влага, местами скапливаясь до размера небольших луж, лежали три пацана и две девчонки. Голова одурманенного наркотиками Пахи находилась прямо посередине между недопитой бутылкой водки, несколькими грязными шприцами и кучей кала. Вот в таком своеобразном «ореоле» этот пацан врезался мне в память, вероятно, на всю жизнь.

— Подъем, компания! — скомандовал Григорий Иванович, который привел меня в этот оригинальный «коттедж», — идем мыться и кушать.

Стартовый материал

— У... — прохрипела в ответ Штучка, развеяв мои сомнения в том, что данная сцена состоит не из восковых фигур, а из реальных подростков. — У... — мычала она в ответ, не проявляя, кроме этого звука, никаких признаков жизни.

— Але! Подъем! — продолжал безуспешно командовать Гриша. — Доброе утро, господа бомжи, воры и тунеядцы! Кушать подано! Садитесь жрать, пожалуйста! — пытался пробудить сознание накачанной наркотиками братвы Григорий Иванович.

— А, это вы, дядь Гриша! А и пастора притащили! Здравствуйте! — приподняв голову из своего «нимба», проявил приветливость Паха. — Что, хавать принесли? Это хорошо! — утратив всякий интерес к нам, как к гостям, Паха сосредоточил все свое внимание на кульке в руках у Галины.

— Не, мужики, ресторан переезжает в «Пилигрим», — остановил я запланированную нами раздачу пищи, — из-за антисанитарных условий, — аргументировал я, указав на свежую кучу в десяти сантиметрах от головы Пахи.

Через полчаса эту бригаду уже драяли воспитатели, сбрывая слипшиеся волосы, а еще через двадцать минут приходящие в себя малолетние наркоманы глотали приготовленный специально для них завтрак.

С подвальной этикой и канализационной эстетикой, несмотря на наши педагогические усилия, оказалось тяжело совладать. Намного проще было выдрать ребят от грязи, чем «прочистить» их представления о нормах поведения. Традиционный вопрос к воспитаннику, не закрывшему за собой входную дверь: «Ты что, в пещере вырос?» — явно не звучал в «Пилигриме», поскольку со многими из наших граждан было именно так. Правила пользования кроватями и даже унитазами с немалыми интеллектуальными боями вбивались нами в мышление ребят. Столь простое дело, как освоение канализационных технологий, на поверку оказалось весьма сложным и длительным процессом. На всю жизнь я

Педагогическая поэма

запомнил картину, развернувшуюся на моих глазах в туалете. Один из недавно поступивших воспитанников центра стоит у унитаза с явным вопросом в глазах, изучая конструкцию системы смыва. Без моей помощи этот десятилетний парнишка так и не смог разобраться в новой сантехнике, установленной ильичевцами во время реконструкции здания. Всю свою сознательную жизнь он провел в подвале и посадках, а при вселении в новое здание нуждался в спецкурсе на тему «Правила пользования унитазом».

Однажды утром возмущенный Юрий Андреевич пришел ко мне, так сказать, с вещественным доказательством, как он по-библейски выразился, «мерзости запустения». В специальной коробке он принес шапку, в которую кто-то из пацанов сходил, как говорится, «по-большому». Ленясь пройти в туалет, проснувшись ночью, пацан нашел «гениальный» выход. Взяв шапку соседа, он сделал свое черное дело и, как положено по подвальным меркам «цивилизованному» человеку, выбросил шапку в окно.

— Тревога! — заорал я нечеловеческим голосом. — Строится всем! Равняйся! Смирно! — скомандовал я, почувствовав, что во мне просыпается старшина пожарной охраны московского гарнизона. — Равнение налево! Вносите!

— Вот, отворачиваясь от шапки, проговорил Юрий Андреевич. — Вот оно ваше странноликое лохообразие! — как всегда очень эмоционально, преуспевая в неожиданных словообразованиях и постукивая кулаком по своему колону, восклицал наш дьякон.

— Полное, я бы сказал, лохобыкообразие! — передергивая популярные в подростковой среде понятия и перемешивая их с библейской терминологией, начал дьякон свою проповедь.

— Чье? — твердым голосом спросил я.

— Чье? — повторил я после продолжительного молчания, указывая на шапку с содержимым, распространяющим соответствующее зловоние.

Стартовый материал

Гробовая тишина и сморщенные носы были единственным ответом на мой вопрос.

— Кто? — продолжал я настойчиво...

— Хорошо. Будем проводить следственный эксперимент. Строимся в колонну по одному, подходим и внимательно смотрим, может, кто узнает свое. Если визуально не опознаем, будем по запаху идентифицировать, — разозлился я, произнеся эти слова грозным, не оставляющим ни малейших сомнений в искренности моих намерений, голосом.

— Это Фокс, пастор. Это его происшествие. Пусть сам и убирает теперь, — наконец, раскололся Чух.

— Фокс остается, остальные свободны, — распорядился я, размышляя о том, как наказать пацана, настолько оторванного от жизни.

Подобных историй у нас собралась целая коллекция. Однажды пацан по кличке Ксерокс, которому было лень выйти «до ветру», опорожнился в целлофановый кулек и, аккуратно завязав его, выбросил в окно. На рассвете этот необычный флаг устрашающе реял на близлежащем дереве и смотрелся не менее грозно, чем Веселый Роджер в средневековые времена.

Степень оторванности попадавших к нам ребят от всех общепринятых моральных норм можно иллюстрировать бесконечным количеством примеров. Однажды милицией были задержаны бывавшие у нас до этого пару раз полдня девятилетние пацаны по прозвищу Шланг и Швыдкий. Эта парочка, как принято у беспризорников нашего города, при задержании немедленно отрапортовала милиции о том, что, дескать, они наши, пилигримовские, и, стало быть, арестовывать их не имеют право, а следует незамедлительно вернуть их в «дом родной». Задержаны они были за то, что на местном кладбище устроили состязание по количеству сломанных памятников на могилах. В результате этого «спортивного вандализма» было разрушено 31 надгробие. Одна местная газета, не разобравшись, проинформировала

Непедагогическая поэма

общественность о том, что, дескать, вытворяют воспитанники «Пилигрима».

Однажды на Новый год мы решили порадовать ребят, подарив каждому весьма популярные по нынешним временам новогодние петарды. Естественно, перед этим была прочитана лекция о правилах пользования этими пиротехническими достижениями современности. Однако наши Кулибины никогда не брезговали экспериментами. В ту новогоднюю ночь, видимо, в качестве подарка дьякону-хозяйственнику Юрию Андреевичу, Кэн поджег петарду и бросил ее в унитаз. Мы были очень довольны экспериментом, учитывая тот факт, что все воспитанники остались живы, а осколками разнесенного вдребезги санузла никого не убило и даже серьезно не ранило.

Надо сказать, что эксперименты вообще полюбились пилигримам. Возможно, после многолетнего сидения в подвалах, в них так нестандартно просыпались дремавшие таланты. Они проводили опыты на всем, включая себя. Как-то Чудик услышал о том, что газы, выходящие из биологического существа, огнеопасны. Эта мысль, как и весь окружающий мир, тотчас подверглась глубочайшему сомнению и нуждалась, с его точки зрения, в экспериментальном подтверждении. После хорошего приема пищи, одним из ингредиентов которой в тот день был горох, Чудик решил, что пробил час развеять еще один научный миф.

— Поджигай! — отдал он команду своему ассистенту Киндеру, приняв предварительно соответствующую позу.

— От, зараза, спички отсырели! — шкрябал помощник по влажной стороне спичечного коробка.

— Ну, что ты там?

— Ща, потерпи маленько, — утешал Киндер.

— А... а... раздался ночью вопль Чудика, раскатистым эхом накрывая квартал. — А...а, блин, туши! — орал он от страха.

Стартовый материал

Эксперимент в некотором смысле удался. Несмотря на оплавившиеся плавки и побочные проблемы, возникшие в связи с этим у нашего героя, общий результат можно считать положительным, поскольку с тех пор Чудик начал хотя бы некоторые истины бытия принимать на веру и перестал сомневаться во всем.

С таким непростым человеческим «материалом» мы начинали работу. Поэтому сегодня особенно приятно наблюдать, хоть и растянутую во времени, но реальную эволюцию нравов и поступков граждан нашей «Республики».

Глава 10

**«У вас в
церкви есть
святые!»**

*Илия был человек, подобный нам, и молитвою
помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя
на землю три года и шесть месяцев.*

Иакова 5:17

Реконструкция, начатая ильичевцами, шла быстро. Ребята, проживавшие в разваленном здании, выехали в пустой частный дом всего в пятидесяти метрах от стройки. Хозяева, выкупившие у цыган небольшую развалюху по нашему переулку, планировали начать восстановление лишь на следующий сезон, поэтому отдали его нам для зимовки.

Когда строители приступили к работе, один из опытных мастеров выразил свои сомнения по поводу возможности капитального строительства столь серьезного масштаба в осенне-зимний период.

— Да, влипли мы с «Пилигримом», — опытным взглядом оценивая наши развалины, заявил руководитель одного из направлений реконструкции. — Увязнем мы здесь

«У вас в церкви есть святые!»

по уши в грязи. Вот-вот начнется сезон осенних дождей, и вся работа станет, как минимум, до весны.

— Дядя, а мы будем молиться, чтобы Бог дал хорошую погоду, чтобы вы к дождям успели все закончить! — ошарашил своим оптимизмом Марио.

— Нет, сынок, тут молись-не молись, а попали мы серьезно, — ухмыльнулся профессионал, понимая, что в начале октября затевать капитальное строительство, мягко говоря, не лучшая идея.

— Ничего, Бог все может! — провозгласил Марио улыбающемуся прорабу.

— Ну-ну! — не став переубеждать пацана, кивнул тот.

Ситуация была таковой, что внутренние работы в здании, в котором крыша была похожа на сито, действительно были игрой ва-банк. К тому же полная замена внешних коммуникаций требовала серьезных земляных работ на территории, из-за чего весь наш двор превратился бы в месиво при первом же дожде. Но произошло нечто необычное в тот сезон! Начиная с 27-го сентября, когда строители прибыли на наш объект, и по 24-е декабря в Мариуполе лишь один раз прошел дождь! Причем случилось это в выходной день, в субботу, а к понедельнику все просохло, не приостановив, таким образом, работы ни на один час. Синоптики хором говорили о том, что за всю историю нашего города никогда не происходило ничего подобного. Такой теплой и сухой осени, а также зимы, начавшейся без единого дождя, никто из старожилов не мог вспомнить. Это было чудо для нас и для строителей.

— Юрий Андреевич, — позвал нашего дьякона тот же мастер, который ухмылялся Марио в ответ на его детскую веру в Божье всемогущество, — Юрий Андреевич, знаешь, а я теперь верю, что Бог есть! И еще я уверен, что у вас в церкви есть святые! — ошарашил строитель.

— Это с чего ты к такому выводу пришел? — поинтересовался наш хозяйственник.

Непедагогическая поэма

— Когда вы мне в сентябре говорили о том, что будете молиться о теплой осени, я про себя думал, что вы — чудаки еще те! Но теперь должен признать, что за десятки лет моей строительной практики я ничего подобного не видел! У вас в церкви определенно есть святые! — с каким-то сакральным восторгом провозгласил мастер.

То, что произошло с атмосферными процессами, действительно было огромным чудом для нас. И за этим, сверхъестественным изменением в обычном порядке вещей, безусловно, была молитва многих людей и великая Божья милость к нам. Христиане в церкви и некоторые пилигримы просили Бога о том, чтобы Он дал хорошую погоду и остановил нежелательные тогда дожди.

На всю жизнь я запомню день, когда в пять утра, собравшись с командой служителей на «молитвенную зорьку», мы склонили колени.

— Господи, останови этот дождевой фронт, надвигающийся на нас! — со слезами на глазах молился рядом со мной Юрий Андреевич. — Пошли, Боже, контрфронт, сделай что-нибудь, Ты ведь видишь все наше положение, и Ты ведь все можешь! — твердил наш дьякон, лучше других понимая к каким чудовищным последствиям приведет ливень при нашей недоделанной крыше и почти завершенных внутренних работах на втором этаже.

— Господи, да будет воля Твоя, — более сдержанно и с куда меньшей степенью веры молился я рядом с Юрой.

— Господи, подними контрфронт, сделай чудо, останови эти шквальные дожди, надвигающиеся на нас! — не умолкал дьякон.

Признаюсь, я совсем не был уверен в теологической корректности подобной просьбы к Богу. К тому моменту Создателем уже была отменена дождливая осень, но молиться о том, чтобы ради нашей стройки и декабрь прошел без осадков, мне казалось дерзостью перед Всевышним. Я, конечно, хорошо был знаком со сказкой «Двенадцать

«У вас в церкви есть святые!»

месяцев», которые ради спасения падчерицы от прихоти мачехи изменили обычный ход природных явлений. Мне казалось, что не совсем правильно настаивать на подобных переменах пред лицом Творца. Однако, мы все паниковали не на шутку, поскольку огромные ливни, как бы прорвав нашу молитвенную оборону, затопливали Западную и Центральную Украину, приближаясь к нашим краям.

Вечером в тот же день я с замирающим сердцем, как при решающем пенальти на чемпионате мира, прильнул к экрану. Метеосводка началась с запада и повергла меня в шок.

— Шквальные дожди, сильный ветер и ливни, — с раздражающе спокойным лицом провозглашала телеведущая Руслана Пысанка.

— Тихо! — заорал я на резвящихся у меня на шее детей, добавляя звук телевизионной «лентайкой». — Тихо!

— Сильные дожди на территории всей Украины! — продолжала улыбаться ведущая, подводя указку к Донбассу. — Только в Донецком регионе повышенное атмосферное давление приводит к созданию контрфронта! — как мне показалось, слегка подмигнув мне с экрана, заявила она.

Мои глаза стали влажными, а к горлу подступил ком. На следующий день мы узнали, что дождевой фронт не добрался к нам всего лишь на 60 километров. Заведи я дневник наблюдений над природой, убежден — ни мне, ни моим внукам не выпадет больше такой осени, чтобы с 27-го сентября по 24-е декабря прошел один легкий дождь в выходной день.

Накануне католического Рождества, я поднялся на новенькую крышу церковного здания, осмотрел полностью законченные ильичевцами капитальные работы на внешней территории и произнес:

— Успели! Слава Тебе, Господи!

— Смотри, пастор, снег! — закричал Марио, тыча пальцем в небо на мокрые падающие хлопья. — Первый снег! — продолжал он кричать, скача по двору, где уже были уложены все трубы, электрические кабели, и зарыты все траншеи.

Глава

11

«Мой Бог — мой руки», или, дядька, не ругайся!

Люди безумные хулят имя Твое.

Псалом 73:18

Со строителями, трудившимися на реконструкции дворца бывших беспризорников, у нас сложились замечательные отношения. Пилигримы часто принимали участие в подсобных работах. Никакие меры по технике безопасности не могли укротить их трудовой энтузиазм. Расхаживая по стройке, ребята уже планировали, где будет чья комната, и порой не на шутку конфликтовали из-за разногласий по данному вопросу.

Каменщики, штукатуры и слесари, идя на работу, приносили с собой что-то сладкое для ребят, а иногда и просто подбрасывали нашим копеечку на мороженое. Часто рабочие приглашали детвору к себе в гости, а иногда, согласовав

«Мой Бог — мой руки»

предварительно с нами, даже брали некоторых на выходные к себе домой.

Вспоминая спустя несколько лет сердечное отношение со стороны строительного коллектива, хочется еще раз поблагодарить всех, кто работал на этой эпохальной для «Республики Пилигрим» стройке. Работа кипела и быстрыми темпами продвигалась к намеченному сроку. Бывали дни, когда на объекте находилось до 80-ти человек. Под шум многочисленной строительной техники разваленное здание быстро преображалось.

Не обходилось и без проблем. В самый разгар строительства мы получили официальное письмо от санстанции с требованием прекратить реконструкцию из-за того, что проектная документация не была согласована с органами государственного санитарного надзора. Данное решение, как водится, было растиражировано в нескольких экземплярах и отправлено в соответствующие структуры. Так начались наши первые бои с чиновниками.

Это сегодня мы поднаторели в сражениях на бюрократических полях, поэтому не сильно переживаем, получив очередное, оторванное от жизни распоряжение какой-либо структуры, но тогда это постановление было для нас, как гром среди ясного неба.

Мало кого впечатляли мои аргументы о том, что проектная документация подвалов, в которых годами жили ребята до того, как пришли к нам, никогда никем не утверждалась.

— Все должно соответствовать прописанным в законе нормам, — слышал я в ответ на свое недоумение по данному вопросу.

— Но это же нереальные нормы, они ведь не исполняются практически ни в одной семье! — искренне возмущался я.

— Так написано! — неслось мне в ответ нечто, веющее ортодоксальным догматическим средневековьем.

Непедагогическая поэма

— Но ведь так не бывает! — протестовали наши дьяконы, — Это невозможно! — настаивали они, тыча в чертежи, которые не хотели утверждать чиновники.

— Не подпишем! — звучало вновь и вновь из разных кабинетов.

Напряжение возрастало. Получив очередное письмо о необходимости прекратить строительство ввиду того, что не все нормы соблюдены и не подписаны проектные документы, мы собрались на совещание.

— Что будем делать с этими бумагами? — спросил Федор Андреевич собравшихся на планерку руководителей разных подразделений, принимавших участие в восстановлении здания.

— Да ну их! — бросил один из начальников, — писатели! Больше ничего не умеют, как писаниной заниматься! Когда пацаны сдыхают по подвалам, никаких бумаг никто ни от кого не требует, а как люди взялись за доброе дело, то их кабинетные крысы живьем съесть готовы! Я считаю, что надо продолжать стройку!

— Наше дело строить, а их дело бумаги писать! — высказал свое мнение кто-то из прорабов.

— В мусорное ведро эту бумагу и работаем дальше! — предложил он. Пацаны уже три месяца ютятся в домике, по три человека на кровати спят, новые с улицы подтягиваются, а там все битком забито. Строить надо, а не перепиской заниматься! В ведро это все!

— Вам легко говорить, а решения мне принимать, с меня спрашивать будут, — улыбаясь и не без интереса поглядывая на мусорную корзину в углу, подвел итог Федор Андреевич.

— Ладно, по местам! Работаем дальше, а там будет видно!

Благодарение Богу, тот конфликт был исчерпан. Мы встретились с руководителем городской санстанции Георгием Николаевичем Гусаковым. Надо отдать должное этому человеку: его распоряжения сняли напряжение, а работа по восстановлению здания продолжалась дальше без помех.

Были в процессе нашего строительства и неожиданные драматические истории. Так однажды представитель одной из многочисленных фирм-подрядчиков, устанавливая какую-то аппаратуру, разорался матом на не поддававшуюся монтажу деталь. Его изысканная брань раскатистым эхом наполнила здание, и наши пацаны, осваивавшие тогда русский язык в его классическом, а не подвальном варианте, сделали ему замечание:

— Эй, дядька, не матерись — это грех! — уверенным тоном осадил Чух разгорячившегося работягу.

— Чего? А ну пошел! — взорвался на пацана мужик, продолжая извергать отборнейший мат.

— Смотри, мужик, язык отсохнет! — пригрозил Комар, пытаясь остановить разгорячившегося дядьку. — Здесь не ругаются!

— Щас кувалдометром башку проломлю! Пошел вон, наставник вшивый! — продолжал изрыгать ругательства этот горе-строитель.

— Что тут происходит? — вмешался прибывший на место происшествия дьякон. — Чего шумим?

— Дядь Артем, тут мужик какой-то нервный, матерится, как бешеный. Чух ему замечание толковое сделал, а он его послал и погонялово навесил. Вшивый, говорит.

— Пожалуйста, мужчина, давайте постараемся без мата! — обратился к строителю наш администратор. — Это, во-первых, дом Божий, во-вторых, детский дом, у нас здесь не принято ругаться, и к этому уважительно относятся все строители.

— Да пошли вы все! Плевать мне и на ваш Божий дом, и на вашего Бога! — брызгая слюной, продолжал орать мужчина. — Я сам себе Бог! Понял?

— Да я как-то и не против, если ты, правда, так думаешь, но советую тебе быть осторожнее с подобными заявлениями и не только здесь, а вообще, по жизни, — твердым тоном выдал рекомендацию Артем:

Непедагогическая поэма

— Веришь ты в это или нет, но рукам твоим силу Господь дает — побоялся бы или хотя бы постеснялся Бога и людей! А с матом точно надо немедленно прекратить!

— Хорош мне здесь религиозную чушь молоть! — продолжал, матерясь, излагать свою догматику этот работяга. — Мой Бог — мои руки! Вот моя вера! А маты — это просто мой профессиональный рабочий язык!

— Ладно, филолог, остынь и убавь громкости на твоём динамике, — отворачиваясь и давая понять, что диспут о вере закончен, подвел итог Артем. — Но с богохульством, чисто по-человечески, совету поаккуратней!

Поутихший представитель какой-то подрядившейся у ильичевцев организации, слегка успокоившись, заканчивал свою работу.

На утро в офис поднялся начальник фирмы, от которой выполнял заказ этот человек, и озадачил наших дьяконов вопросом:

— Вы вчера ничего странного не заметили с тем слесарем, что монтировал у вас оборудование по нашему заказу? — спросил он.

— Да, в общем, ничего, если не считать жуткого безобразного мата вперемешку с богохульством, которым он поливал весь «Пилигрим». Едва успокоили, — ответил Юрий Андреевич. — Так дорогой нельзя... совсем нельзя. Это не то что не по-божески, а даже не по-людски! — искренне возмущался наш старший дьякон.

— Знаете, очень странно, но этот мужик пришел вчера домой, сел у телевизора и без всякого признака болезни умер! — ошарашил наших служителей представитель фирмы.

Глава

12

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ ИЛИ ВСЕМ МИРОМ

*Зарабатывайте все, что
можно заработать,
и раздавайте все, что можно раздать.
Народная мудрость*

В самый разгар строительства нам позвонили из горисполкома и порадовали новостью.

— Юрий Юрьевич планирует к вам завтра заехать, — сообщил заместитель мэра, — хочет посмотреть на вашу работу, с ребятами пообщаться.

На следующий день в районе обеда городской глава приехал к нам в «Республику». Его заместитель, Любомир Павлович Палий, который уже бывал у нас и хорошо знал о той работе, которую мы начали с беспризорной братвой, приехал вместе с мэром и взял на себя роль некоего экскурсовода.

— Ну что, орелики, как вы тут обустроились? — спросил Юрий Юрьевич собравшуюся вокруг него детвору. — Нравится дом, который вам строят?

— Хорош! — с улыбкой до ушей констатировал Марио. — Фазенда целая получается!

Непедагогическая поэма

— Марио, ты бестолковый! — встрял в разговор неугомонный Спартак. — Фазенда — это дача для огородников, а у нас приют!

— Ну вот, ты, например, как на улице оказался? — прервал филологический спор мэр Мариуполя, обратившись к Марио.

— Ну, у меня мамка пьет сильно, и я стал линять из дома, не учился, бродил несколько лет, на клей, конечно, и на всякую гадость подсел, а теперь, вот, решил жизнь менять. — С лицом, не оставляющим сомнений в решимости, отчеканил пацан.

— И давно ты здесь, в «Пилигриме»? — поинтересовался Любомир Павлович, — как сюда попал?

— Ну, церковь приносила нам покусать в подвалы, и мы общались, а потом решили, что пора нам завязывать с наркотиками, и мы пришли, попросились сюда, тогда нас приняли. Я еще чуть в тюрьму не угодил, так теперь вообще рад вдвойне, что обошлось, — опять растянулся в улыбке Марио.

— Ну и что ж ты такого натворил? — спросил Юрий Юрьевич.

— Да там это, бабулю убили, а я едва не влип в эту историю, то друзей моих посадили, а со мной все обошлось.

— И что, не убегаешь из приюта?

— Да пару раз уходил, но как-то улица уже сильно не прет. Да и на гитаре начал учиться. Может, музыкантом крутым стану! — почему-то прищутив глаза, сказал пилигрим.

— Чем мы можем помочь? — закончив диалог с Марио, обратился мэр ко мне. — Как видишь, пастор? Что город может сделать, чтобы поддержать ваш почин?

— Ох, и озадачили вы меня, — растерялся я, — чего-чего, а нужд у нас хватает.

— Давайте так. Вы тут подумайте и письмо на мое имя напишите о том, в чем есть особая нужда. Будем по мере

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ ИЛИ ВСЕМ МИРОМ

возможностей сотрудничать. И всех наших специалистов из Службы по делам детей, из гороно, кто еще к этому относится, давайте привлекать. Дело вы доброе затеяли, будем помогать! — подвел итог разговора Юрий Хотлубей, прощаясь и, как-то по-особенному нежно потрепав кудри пацанам, сел в машину.

С тех пор у нас завязалось хорошее сотрудничество со всеми городскими структурами, а дело, затеянное нами, стало приобретать более ощутимые юридические формы. Вместе с представителями разных государственных служб мы начали систематизировать работу. Таким образом, частная инициатива при поддержке и развитии церкви перешла на новую стадию — экспериментального детского учреждения.

На сессии городского совета было принято чрезвычайно важное для нас решение об оплате коммунальных платежей за наше здание из бюджета города Мариуполя. Это сняло с нас большую часть нагрузки, позволив сконцентрировать свои усилия на внутреннем обустройстве зарождавшегося центра.

Надо отдать должное нашему городскому руководству, не оставшемуся в стороне от проблемы, за которую мы дерзнули взяться. С советских времен в головы наших чиновников была вбита мысль о том, что сотрудничество государства с церковью, а тем более с евангельской, невозможно ни при каких условиях. Мировой опыт, где львиная доля социальных проектов осуществляется христианскими организациями и всесторонне поддерживается государством, совершенно отсутствовал в постсоветском мышлении. Мне знакомы многие случаи, когда задуманные церковью благотворительные служения наталкивались на умышленное противостояние со стороны властей и порой просто останавливались из-за этого. Руководство Мариуполя, заняв позицию поддерживать «Республику Пилигрим»,

безусловно, оказало нам, помимо материальной, немалую моральную поддержку.

К сожалению, средневековые сектантские взгляды о возможности сотрудничества госструктур только с той или иной религиозной конфессией все еще популярны во многих правящих головах. Я благодарен Богу, что подобной проблемы не существует в нашем городе. Добро, как и зло, по-моему глубококому убеждению, чуждо всякой конфессиональной принадлежности. Я уверен, что стратегия цивилизованной страны, в которой сотрудничество со всеми христианскими деноминациями в добрых делах общепринято, является единственно здравым курсом для нашего государства. В этом смысле Мариуполь является хорошим примером, где многоконфессиональное и многонациональное население, объединяя свои ресурсы, трудится на благо города, решая острые, злободневные проблемы.

Однако столкнулись мы и с обратной стороной сотрудничества. Однажды, обратившись к одному из руководителей городских предприятий с пустяковой просьбой относительно приюта, мы получили отказ со следующим комментарием:

— Я помогаю только церкви моего патриархата, все остальные в моих глазах — сектанты, — гордо заявил этот руководитель, демонстрируя свое невежество и бесчеловечность.

— Мы тут собрали вам вещи от нашего прихода, — позвонив в офис, сказала женщина-католичка, — немного, но уж как могли, — извинялась она. — Община у нас небольшая, но мы узнали о той работе, которую вы проводите с беспризорниками, и решили, как можем, поучаствовать.

— Пастор, тут у нас один бизнесмен из церкви на открытие вашего центра хочет подарок сделать, — встретившись со мной, обрадовал православный священник

киевского патриархата. — В чем вы особенно нуждаетесь? Чем он мог бы вам помочь?

— Брат Геннадий, у нас есть немного мебели, не новой, но в приличном состоянии, — придя на наше служение, сказал пастор одной баптистской общины. — Как бы ее вам перевезти?

— У меня есть хороший дизайнер, — посмотрев на наш главный зал при подготовке к открытию, сказала Ирина Викторовна Сопарова, хозяйка похоронной фирмы «Скорбота» в Мариуполе, — я попрошу, чтобы мои девочки помогли вам все красиво оформить, и все материалы бесплатно выделю.

— Каждый месяц ваш сотрудник может получать у нас необходимые моющие средства, — порадовал моего заместителя Игорь Владимирович Венецкий, руководитель частного предприятия «Каррера» в нашем городе. Уже на протяжении нескольких лет это решение благословляет нас, давая возможность драить пацанов и их быстропахнущую одежду.

Вот так, как говорится, всем миром, мы готовились к официальному началу работы «Республики Пилигрим».

А под стук и лязг стройки к нам приходили все новые и новые ребята.

— Пастор, там в центре города в подвале Шустрик помнит, — сообщил нам один из пришедших с улицы ребят, — свернулся в клубок и лежит. Я покажу, где это...

— Быстренько пару крепких хлопцев с воспитателем туда, — распорядился я, — если совсем плохой, то сразу в больницу.

Через сорок минут нам привезли пацана с огромными растрепанными волосами, по размеру в два раза превышавшими диаметр головы. Выглядел Шустрик действительно плохо. Переодевая его, мы обнаружили, что все тело подростка было изъедено вшами, мальчик весь горел от жара.

Непедагогическая поэма

— Ты откуда? — спросил Артем, — местный или путешественник? Давно по подвалам?

— Из Горловки я, — откашливаясь, слабым голосом пробурчал Шустрик. — Мамка пьет, отец пропал без вести. Жил с бабушкой и чухнул к морю. Брожу уже где-то год!

— «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел»... Известная история... Ладно, давай подлечимся, затем пообщаемся, — распорядился наш дьякон. — Подстригите его по-быстрому, а то пацана «бурундуки» скоро съедят заживо, вымойте и срочно в больницу.

Подсаженные малолетки

И вот свершилось: я не удержался на педагогическом канате. Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей, Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Чем дальше мы втягивались в работу с подвалами, тем более ужасная картина открывалась нам. Передо мной со всей очевидностью предстал факт существования целого народа — хронических беспризорников. Оказалось, что мальчики, просящие на перекрестках, — лишь вершина айсберга, осевшего в городских подвалах. Как в хорошем муравейнике, здесь существует четкая организация труда, кастовый принцип и разработаны неофициальные, но весьма жесткие служебные обязанности. Задача малолеток и просто не сильно рослых пацанов — шнырять. Они в определенное время дня выползают на

людные перекрестки, рынки, заводские проходные или па-сутся в подземном переходе. Те, кто постарше, вообще не вылазят в это время из своих нор. Чуть позже, когда собранной малолетками суммы хватает на наркоту, за дело берутся более взрослые. Они идут к барыгам за наркотиками, а по дороге в аптеке докупают все необходимые принадлежности, как они выражаются, «дела».

Затем, приготовив все по несложным технологиям, начинается долгожданная процедура. Недолгий «приход», и вся канитель запускается по кругу. В течение дня этот круговорот осуществляется несколько раз. В темное время суток стартует криминальная часть истории. Здесь уже при делах в основном те, кто постарше. Малолетки выполняют роль разведчиков, стоят на шухере, а за основную работу берутся поднаторевшие «старики».

Естественно, у младших, практикующих только с клеем и недопитыми бутылками, возникает желание войти в круг «избранных», сидящих на игле. Да и старшие, со своей стороны, заинтересованы в том, чтобы новые малолетки втягивались по-серьезному, поскольку без них попрошайническая часть системы терпит немалый урон. Подавать крепчающему, рослому подростку особо не спешат — им нужны коротышки и хилячки, на которых куда проще клюет народ.

Разорвать эту цепь оказалось не так-то просто. Официальные методики, практиковавшиеся в постсоветское время, продемонстрировали свою полную неспособность справиться с данной проблемой. Доказать факт втягивания несовершеннолетнего на иглу весьма сложно, учитывая специфику нашего приболевшего псевдолиберализмом судебного права. Уколовшийся двенадцатилетка не может быть свидетелем в суде. А если бы даже и мог, то одна его фраза: «Я попросил его, и он меня уколол», — практически перечеркивает, с точки зрения нынешнего законодательства, сам факт преступления. Закрытые приемники-распределители, которые в советское время были местом, куда

Подсаженные малолетки

доставляли подростков-бродяг, перестали принимать несовершеннолетних без решения суда. А добиться подобного решения, как мы выяснили, практически невозможно. Вот и получается, что на наших глазах разворачивается трагедия, в которой малолетки становятся наркозависимыми с помощью абсолютно безнаказанных подвальных старожилов.

Попытки разрубить этот непростой узел официальными методиками также доказали свою малоэффективность. Задержанного в подвале подростка перед тем, как оформить в приют, по всем действующим правилам необходимо направить в больницу для стационарного прохождения полного медицинского обследования. Это, как мне кажется, весьма справедливое требование санстанции, перечеркивает всю схему, лишая ее смысла в работе с беспризорниками. Привезенный в отделение пацан, как только уходили представители милиции или СДД, тут же, пожелав врачам успехов в оздоровлении масс, отправляется восвояси. Обжегшиеся не раз врачи, понимая всю бессмысленность данных «обследований», зачастую прямо задавали подросткам вопрос: «Будешь убегать?» Получив положительный ответ, благо-разумно эскортировали его на улицу, не позволяя прихватить сумочку какой-нибудь медсестры или замечтавшегося пациента.

Раскусив эту систему, мы поняли, что здесь нужен новый подход, и стали экспериментировать.

— Так, слушаем меня внимательно, — говорил я опытным шестнадцатилетним наркоманам, — если сами выбрали колоться и подыхать, — дело ваше, но узнаю, что малолетку подсадили — головы поотрываю, — пытался я запугать стариков.

— Не, мы никого из малых не тронем, — уверяли меня более опытные беспризорники.

— А если они сами просят? — лукаво интересовался Вирус. — Шо мне, отказывать?

Непедагогическая поэма

— Если узнаю, что кого-то уколол, сниму пасторскую робу и, как простой мужик, с тобой, дорогой, буду разбираться.

— Я тебе не советую с пастором связываться, — ухмыльнулся Мавпа, — он — борец, говорят, чемпионом был каким-то. Он тебе, Вирус, тыкву на раз оторвет, — продолжал парень свою бесплатную консультацию.

— У него не тыква, а балда! — ржал Паха, зажимая рукой гноящуюся от укулов рану на вене.

— А ты не умничай! Пошли к врачу отволочем, а то окочуришься здесь к утру, — посоветовал пришедший со мной Киндер

— А я, может, и хочу лапти откинуть, надоело все! — стиснув зубы, буркнул Паха.

— Ну и дурак! — разворачиваясь к выходу, закончил свою проповедь Киндер, — пойдемте, пастор, хотят, пусть сдыхают...

— Смотрите, насчет малолеток я вас предупредил! — повторил я, — а ты, «откидыватель лаптей», не балуйся, от этой заразы ты можешь за сутки помереть! Помнишь, с Кузей как получилось? Смотри — досидишься!

— Подождите! — уже на выходе из подвала донесся нам вслед голос Пахи, — я с вами!

Однако, несмотря на все наши уговоры и угрозы, процесс подсаживания младших пацанов на иглу продолжался, хоть и не так открыто, как это было до нашего вторжения в подвальный «этнос». Однажды воспитатели Вася Шупеня и Саша Субботин, вернувшись из очередного ночного рейда, привезли двух десятилетних подростков, завели их ко мне, показали свежeproколотые дыры на их венах.

— Кто колот? — спросил я мальчонку, едва сдерживаясь от переполнявшего меня гнева.

— Это Вирус с Гришей! Только вы, пастор, им не говорите, они нам сказали, если проболтаемся — порежут, — прокомментировал второй.

Подсаженные малолетки

— Кололи всех одной иглой? — с тенью надежды уточнял Вася.

— Да, — подтвердил пацан, — они сказали: «Хотите попробовать настоящий “приход”, не то что от клея вашего позорного?» Ну мы и сказали, что хотим! А то они бы нас девчонками обзывали трусливыми...

— Вася, со мной. Саня, займись пацанами, мы скоро, — уже на ходу бросил я, понимая, что перестал себя контролировать.

Через полчаса со слезами на глазах пинками под зад я выгонял из подвала Гришу и Вируса.

— Не надо пастор! — орал Вирус, — они сами попросили! — пытался он апеллировать ко мне.

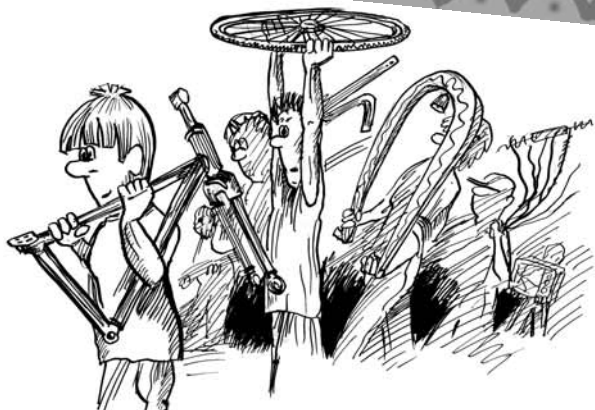
— Поубиваю, сволочи! Скоты, гады! — орал я, совершенно не пасторским набором слов, — нелюди! Подонки!

— Вася, ведите их в «Пилигрим», — остановившись, попросил я, понимая, что если не успокоюсь, то действительно натворю лишних дел.

Затем был долгий диспут с этими почти мужиками. Утром я отвез их в милицию, объяснив ситуацию, но по уже указанным выше причинам сотрудникам УВД оставалось, как и мне, пригрозить и просто отпустить эту парочку.

Только спустя полгода, когда я привез Гришу в отделение после того, как он инициировал ограбление и сексуальное унижение пацана, его посадили, доведя дело до суда. Вирус на протяжении двух лет продолжал подсаживать на иглу малолеток, пока не угодил за решетку, погорев все-таки на одной из сотен краж, совершенных им за это время.

Дьявольская цепь рвалась тяжело, но мы твердо решили предпринять все, чтобы разорвать ее полностью, выдергивая пацанов из этого черного омута.

Официальное открытие и операция «Исход»

Пусть первым уроком ребенка будет повиновение – тогда вторым может стать то, что ты считаешь необходимым.

Бенджамин Франклин

Последние дни перед открытием нашего здания были наполнены особым волнением. Приглашение гостей, за ключительные штрихи строителей, а также подготовка к переезду ребят из переполненного частного дома в наше новое здание — все это создавало особую атмосферу волнения у самих ребят и у всех сотрудников церкви.

В обед, при огромном стечении народа, при массе телекамер и высокопоставленных официальных гостей была разрезана ленточка, прозвучали торжественные слова, и «Республика Пилигрим» легально обрела свою территорию. Но

Официальное открытие

уже через несколько часов наше новоявленное государство понесло потери. К вечеру вселившиеся в новый дом подростки разбили два окна и сломали один замок. Операция по переселению приюта из разваленного частного дома в только что отстроенный дворец получила кодовое библейское название «Исход» и, несмотря на издержки, по общему мнению коллектива центра, прошла с минимальными потерями. Отдельные фрагменты этого «великого переселения беспризорного народа» явно напоминали эпизоды татаро-монгольского нашествия из исторических кинолент, но к вечеру все поутихло, осталась только радость, огромная радость. Мы вселились в новый дом!!!

Еще накануне, на особенном Совете «Республики», посвященном приближающемуся празднику, было решено не переезжать в комнаты до торжественной церемонии. Мудрость этого решения мы осознали лишь тогда, когда после отъезда гостей и журналистов, уже обжившиеся добром пацаны всеми правдами и неправдами волокли разную дребедень в новые комнаты. Деревяшки, банки, запчасти от несуществующих в природе, по моему твердому убеждению, механизмов, старые разбитые аквариумы, чемоданы с коллекциями абсолютной ерунды — все это перетаскивалось в наш новый дом, вопреки требованию воспитателей брать только личные вещи и не тянуть с собой всякую всячину.

— Это вовсе не лишнее! — орал обиженный Кот, упираясь и не желая отдать вилку от мопеда, как утверждал наш эксперт Юрий Андреевич, модели времен Куликовской битвы.

— Я технически развиваюсь, — настаивал наш юный механик, — это мое практическое самообразование.

— Это твое душевное захламление и теоретическое обезображивание, — противостоял ему наш старейшина,

Непедагогическая поэма

пытаясь остановить передислоцирование свалки в отремонтированное помещение.

— Тетя Оля, а можно нам голубятню с территории дома в «Пилигрим» забрать? — не отставая, ныл возле воспитателя Миха. — Можно?

— Это же не голубятня, а дом на курьих ножках! Куда его здесь?

— Вы не любите пернатых, а это грех! — переходя к теологическим аргументам, гундосил наш птицевод, не отставая со своей просьбой.

— Пастор, разрешите нам перевезти голубятню, мы обязуемся ее чистить и птиц дисциплинировать, — добравшись ко мне, требовал Миха на пару с Котом.

— Нет, мужики, голубей, собак и белых медведей с собой не тащим! — оборонялся я, как мог. Эти звери занесены в «Красную книгу», а пилигримам запрещено подходить к ним ближе ста километров, — апелировал я к неким постановлениям.

Однако, все мои решения по поводу животноводческого комплекса разбивались, наталкиваясь на особую любовь к ним некоторых воспитанников.

— Я в приют без собаки не пойду! — заявил Дылда. — Она мне, как мать родная. Жили с ней здесь и в приют с ней! — ультимативным тоном информировал Василия подросток.

— Пастор, что делать? Он с этим псом носится, а без него ни в какую. Может, возьмем с собакой?

— Ладно, давай добро, только селите псину на заднем дворе, а не в комнате. Меня уже допекли с этими котами и хорьками. Сил нет! — плакался я.

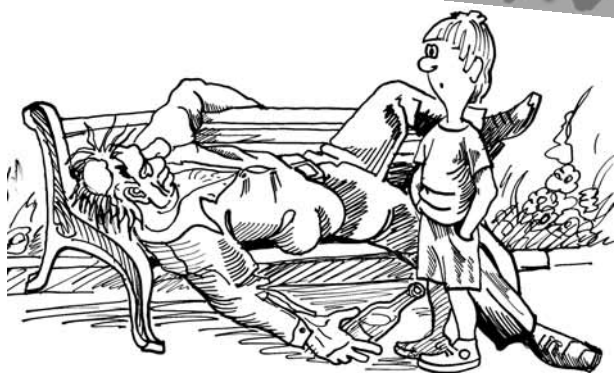
Надо признать, что при посещении санстанцией нашего заведения происходило какое-то чудо. Количество котов и всякой твари на квадратный метр, обычно достаточно плотное в «Пилигриме», резко снижалось, поэтому все, как правило, обходилось.

Официальное открытие

После того, как ребята перетащили свой скарб в новые комнаты, наступила первая ночь в нашем государстве. Она тоже имела исторический характер. Перевозбужденные праздничным событием подростки не подавали ни малейшего признака сонливости даже тогда, когда на часах стрелки приблизились к полуночи!!! Каждому хотелось поуютней устроиться в своих апартаментах и продемонстрировать достоинства своего жилища соседям!!! Делегации от комнат подпольно посещали друг друга до рассвета с неофициальными дружескими визитами, несмотря на мои запреты и лекции на тему «О важности здорового сна в подростковом возрасте».

В первую ночь мне не суждено было добраться домой, поскольку ночная «дипломатическая» активность в «Республике» однозначно требовала моего присутствия. Это была тяжелая, но одна из самых счастливых ночей в моей жизни.

Новые лица, пилигримовская «лафа» и судьбы родителей

Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием.

Малахии 4:5-6

Наше государство росло как в хозяйственном, так и в демографическом отношении. Новые ребята появлялись в «Пилигриме», а затем приглашали один за другим и своих уличных друзей. Подростки приходили с самыми разными судьбами, и большинство из них, конечно же, оказались сложными.

Фил прибыл к нам из больницы. Мальчик попал туда с часоткой, прожив длительное время в притоне у знакомых

отца, который бомжевал и повсюду тягал за собой десятилетнего пацана. Потихоньку мальчишка стал бродягой, застарая от грязи. Купаться в лачугах, где он ночевал с отцом, было негде. Часотка, покрыв все тело, стала причиной, по которой его доставили в больницу.

— Пойдем со мной. Тебе дадут там другого отца, — пробурчал Филу его батька, когда при выписке из отделения стал вопрос о дальнейшей судьбе мальчика.

Эту фразу и сегодня, спустя несколько лет, хорошо помнит крепчающий с каждым днем подросток. Поскольку процессы, связанные с лишением родительских прав и определением в интернат, весьма сложны и порой очень длительны, решено было временно пристроить мальчика к нам. Так он и прижился в «Пилигриме», став частью нашей семьи и отказавшись, когда решалась его дальнейшая судьба, уходить из «Республики».

Брат с сестрой, Миха и Таха, после смерти отца оказались в очень затруднительном положении. Мама ребят имела психические проблемы, поэтому часто лежала в больнице. Таха первая пришла в «Пилик» и, познакомившись с Дианой, дочкой одной из наших первых воспитательниц, вернулась домой звать Миху в наше, только что созданное государство.

Оба подростка к тому времени уже хорошо влились в беспризорную городскую братву, проводя много времени в общении с босотой со всеми вытекающими отсюда криминальными последствиями. Там же, на улице, они и познакомились с дядей Гришей, который приносил и раздавал еду бродягам.

— Миха! Я теперь верующая! А это — моя новая подруга! — заявила Таха, знакомя брата с Дианой.

— Чего? Монашка, что ли?! — воскликнул брат. — Ты совсем поехала! — хохотал пацан. — Попадья! Боговерующая!!! Ох, держите меня! А подружка у тебя очень даже ничего, — поздоровался Миха, перейдя на вежливый тон.

После того как детвора прижилась в «Пилигриме», мы забрали их маму, выписавшуюся в очередной раз из больницы, в реабилитационный центр для взрослых. В лачуге, где она жила, из-за долгов было отключено отопление и обрублено электричество. Тетя Люба, поправившись, стала помогать на кухне в «Пилигриме» и под присмотром нескольких сестер поселилась в доме моих родителей. Через некоторое время у нее обнаружили онкологическое заболевание. Так, под кровом церкви, она и закончила свою земную жизнь.

Начав работу с детьми, мы также стали служить их родителям. Мама Марио, бывшая циркачка, ходившая, как говорят, когда-то с персональной охраной, спившись окончательно, тоже закончила свою земную жизнь под нашим присмотром. Мы забрали ее во взрослый реабцентр, откуда она через некоторое время ушла. Вторично из разрушенной квартиры мы отвезли эту женщину в центр, когда ее самочувствие резко ухудшилось. Там служители ухаживали за ней, оказывая необходимую медицинскую помощь. Через несколько недель она умерла. Радует, что мама Марио «финишировала» на этой земле по-человечески, в окружении людей, заботящихся о ней и вместе с ней молящихся.

Отец Марио много лет назад начал бродяжничать и, став хроническим алкоголиком, превратился в бомжа. Во время одного из рейдов мы обнаружили труп бродяги прямо в центре города. Всего лишь в двухстах метрах от горисполкома, на трубах теплопровода, в месте, где обычно греются беспризорники, мы нашли двух мужчин. Первый оказался мертвым, а прижавшись к нему спал второй — просто пьяный. Вызвав милицию, мы сняли это жуткое зрелище на видеокамеру. Когда, добравшись за полночь в «Пилигрим», мы рассказали увиденное, ко мне подошел Марио.

Новые лица

— Можно посмотреть съемку об этих бомжах?
— Зачем она тебе нужна, еще и на ночь глядя? — удивился я его просьбе.

— Батю уже никто нигде давно не встречал, — опустив глаза, произнес Марио, — а вдруг это он?

Следующие десять минут были полны драматического ожидания. Все ребята как-то притихли, и мы, открутив пленку на камере, искали фрагмент, на котором был заснят умерший бомж.

— Не он, — облегченно вздохнул Марио. — Слава Богу! Не он!

Отца Сеги я забрал из его разрушенного и загаженного до невероятного состояния дома. Он, алкоголик с огромным стажем, был весь изъеден вшами, а от тряпья, в которое был одет, шел невыносимый запах. Мы его вымыли, переодели, подстригли и тоже отвезли в реабилитационный центр. Однако при прохождении медосмотра у Сегиного отца обнаружили туберкулез, и мы оформили его в тубдиспансер. В больницу он приехал, будучи впервые за многие годы в чистом белье, неплохой одежде и с великолепно выбритым лицом. Перед этим он первый раз в жизни начал молиться Богу и мечтать о добрых переменах в своей судьбе. К сожалению, его время на этой земле уже подходило к концу...

— Привет, Сега! Садись, — сказал я, пригласив пацана в кабинет.

— Пастор, если вы за мое поведение вчера после отбоя, то я...

— Старик, батя умер! — произнес я четко, глядя прямо в глаза своему подопечному. Без лишних вступлений, не веря в необходимость в подобных ситуациях долгих подготовительных фраз, я взял парня за плечи. — Сегодня похороны. Поедем вместе.

Через три часа мы провели короткую службу, всего при нескольких родных покойного. У гроба также стояли ребята из «Пилигрима», приехавшие со мной поддержать Сегу.

Непедагогическая поэма

— Ну вот! Теперь, мужик, мы с тобой оба сироты! — хлопав Сегу по плечу, с грустью произнес я.

— Пастор, Господь сказал, что не оставил нас сиротами, — утешил меня Сега, уже достаточно хорошо разбираясь в Библии.

Муха, малыш лет восьми, попал к нам, когда его отец-наркоман поступил на реабилитацию в «Преображение». Поначалу чиновники требовали, чтобы мать-алкоголичка забрала его к себе, но мы воспротивились этому. На данный момент его мама тоже находится в реабцентре, идя по следам отца, который уже стал на ноги, устроился на работу и сейчас поддерживает супругу на пути добрых перемен в ее жизни.

Мы пытаемся вести работу со многими родителями и родственниками наших воспитанников, поскольку считаем, что беспризорность — проблема комплексная, и решать ее лучше всего, оказывая помощь всем, кому она необходима.

— Можно к вам в «Пилигрим»? — басом обратился ко мне Дан.

Мы стояли у центральных ворот в наш центр, и я не сразу понял, что имеет в виду этот молодой человек. Оглядев его с головы до ног, я отметил странное сочетание противоречий в его внешнем виде. С одной стороны, умный взгляд и крепкая, сложенная мускулатура, с другой — босые и очень грязные ноги.

— Тебе сколько лет? — поинтересовался я.

— Скоро шестнадцать, — шалопинским голосом выпалил парень.

— Ну заходи, коль не шутишь, — неуверенным голосом произнес я.

Дан стал одним из лидеров в «Пилигриме». Это лидерство не основывалось только на крепком телосложении, хотя последнее, безусловно, в подростковой среде дополнительный и достаточно веский аргумент.

Новые лица

Уйдя из дома, где не ладилось с отчимом и изрядно выпивала мать, этот парень побродил вдоволь по мариупольским подвалам и решил покончить с беспризорной жизнью. Узнав от друзей о нашем центре, в критический момент Дан решился и пришел к нам.

* * *

Белый, житель одного из многочисленных донбасских городков, приехал в Мариуполь на море. Поссорившись дома с бабушкой, парень подался в компанию, живущую по принципу «ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету». Отправившись на мариупольские курорты, он еще по дороге от одного бывавшего у нас беспризорника услышал о «Пилигриме».

— Там такая лафа! — убеждал его приятель. — Можно прийти, переодеться, похавать и потом круто прикинутым отвалить!

— Та ты шо! — не веря такой счастливой перспективе, усомнился Белый.

Концессионеры прибыли в «Пилигрим» с четким планом. Они рассчитывали, сменив одежду и перекусив, отчалить в поисках новых приключений. Задумка их удалась, но у Господа был свой, встречный план.

Свою мать Белый не знал от рождения, так как она его бросила. Отец, поочередно отсидев пять и девять лет, недавно пошел на третью ходку. Воспитывала его бабушка по отцовской линии. Пацан жил в подъездах около полутора лет, связавшись с крайне неблагонадежной компанией.

В одном из рейдов мы снова встретили Белого. На этот раз, переодевшись, он не стал возвращаться на улицу. Подросток пошел на восстановление, это было очевидно для нас. Несколько пропущенных школьных классов он лихо «проскочил» за один год, относительно успешно заканчивая школу при «Пилигриме».

Однако не все ребята успевали дойти до нас, да и мы порой слишком поздно появлялись в их жизни.

Непедагогическая поэма

— Змей, может, хватит бродяжничать? — спросил Монгол своего подвального дружка. — Слышал про «Пилигрим»? Пошли туда сдаваться!

— Да, слышал! Пацаны говорят, что там нормально живет, — утвердительно кивнул подросток. — Давай, Монгол, завтра пойдем туда? Надоело все это!

В этот вечер в подвале группка семейных пацанов, требуя от Змея денег, стала его избивать. Монгол вовремя унес ноги, а Змей скончался от побоев. «Завтра» для него оказалось слишком поздно.

Судьбы ребят ручейками сливались в историю «Республики». Граждане нашего государства редко вспоминают эти истории. Наверное, это даже к лучшему...

Экспериментальная работа

– У меня главным результатом чтения педагогических книг была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в руках моих никакой науки нет, что теорию нужно извлекать из всей суммы явлений, происходивших на моих глазах. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не просто книжные формулы, которые я все равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

«Республика Пилигрим» — это, конечно же, эксперимент. Во времена исторических переломных событий, в которые довелось нам с вами жить, общество просто обязано смело экспериментировать, чтобы добиться оптимального решения тех или иных проблем. То, что делал Антон Макаренко, в свое время, безусловно, было творческим поиском, поскольку эпоха ставила перед ним

Непедагогическая поэма

проблемы, которые нельзя было решить с помощью старых методик и педагогических подходов. Он творил, пробовал, разочаровывался и радовался, находя те принципы, которые успешно работали. С самого начала нашей работы, спустившись в первые подвалы, мы приступили к поиску, который, конечно же, продолжается и по сей день. Однако, благодаря тому, что мы не связаны жесткими канонами, регламентирующими нашу благотворительную деятельность, мы могли смело пробовать и шаг за шагом находили те методики, которые срабатывают в нынешнее время с нашим специфическим контингентом.

В беседе с одним из руководителей государственного приюта я услышал печальную правду, с которой не могу не согласиться.

— Пастор, я вам завидую, — сказал этот замечательный человек, для которого работа с детьми — не просто служебная обязанность, но дело, которому он отдал все свое сердце.

— В каком смысле?

— Вы находитесь в особом положении, просто делаете доброе дело, поэтому к вам не могут предъявить тех претензий, которыми меня буквально душат. Я ничего не могу, я ни на что не имею права, я все должен согласовывать по сто раз, никаких экспериментов.

Прекрасно понимая этого человека, скажу о том, что действительно печалит. Костность наших чиновничьих структур, их механическая добродетель сплошь и рядом доходят до полного абсурда. Увы, но мы не раз с этим сталкивались и вынуждены были искать непростые решения.

— Привет, красавец! Чей будешь? — после очередного рейда, анкетируя доставленного подростка, спросила наш главный бумажный эксперт Елена Константиновна.

— Интернатовский я, — пробурчал Артист, — если приедут с интерната, я от них убегу!

— И много ты уже набегал?

— 83 раза! Немало!

Экспериментальная работа

— Ого! — не сдержала эмоций уже привыкшая к самым разнообразным историям Елена Константиновна. — В книгу Гиннеса надо звонить, там 100 долларов обещают за рекорды. И чего ж тебе не живется по-человечески?

— Мое дело — как хочу, так и живу, — с оскалом проговорил Артист. — Если вызовите за мной интернат, я и от вас убегу, и подожгу, на фиг! Всех подожгу!

— Что нам делать с этим кадром? — поинтересовалась Константиновна у представителей СДД. — Очевидно, что пацан в интернат не вернется, может, оставим у нас, вдруг приживется. Я в интернат звонила, они тремя руками за то, чтобы Артист у нас остался, но боятся, что их жалобами завалят и прокуратуру на них натравят.

— Передавайте в интернат! — звучало в ответ справедливое, с точки зрения бумаг, и совершенно безумное, по сути, требование. — Ничего не знаем, передавайте в интернат, иначе жалоба в прокуратуру пойдет уже на вас!

— Приезжайте, забирайте, — сдавались иногда мы, вызывая представителей, за которыми официально числился хронический бродяга.

Чаше всего приехавшая из интерната за десятки километров машина уезжала ни с чем. Еще на подъезде к «Пилигриму» какой-нибудь зоркий глаз усекал интернатовский бобик, и по пацанячей почте немедленно разносилась весть о том, что едут кого-то забирать. С тыльной стороны «Пилигрима» по этому несанкционированному сигналу начиналось десантирование через окна второго этажа всех потенциальных репатриантов, которые не хотели возвращаться в интернаты, поэтому разбегались кто куда. Слава Богу, что после исчезновения бобика большинство пацанов возвращалось обратно, но проблема оставалась нерешенной, а мы не раз получали гневные письма от различных служб о том, что, дескать, прячем «их» детей.

Один из выводов, к которому я пришел, сотрудничая с рядом структур, таков: существует категория чиновников,

Непедагогическая поэма

живущих в некоем своем, оторванном от реалий, виртуальном бумажном мире. Это мир протоколов, заседаний, круглых столов, докладов и отчетов, который сплошь и рядом никак не пересекается с настоящим миром, в котором бродяжничают, колются и часто умирают пацаны и девчонки. Не стану скрывать, что испытываю легкое раздражение, когда из этой своеобразной «матрицы» мира чиновничьих фантазий кто-то, раздвигая бумажные облака бюрократических вымыслов, недоумевая, без особого интереса обращается ко мне: «Что там у вас происходит?»

Я законопослушный гражданин, поэтому учу паству проявлять всестороннее уважение к законам, но при одной чрезвычайно важной оговорке. Однажды Христос сказал, что «не человек для закона, а закон для человека». Сегодня это не просто философское кредо какого-то палестинского проповедника древности — это юридическая норма любого законодательства, от конституций всех стран до распоряжений рядовых чиновников. Хочу напомнить, что все законы и, уж тем более, акты о защите детства имеют определяющую сноску — «во благо ребенка». Исходя из этого, я убежден, что каждая история не должна подгоняться под шаблон распоряжений, а рассматриваться индивидуально и разрешаться с учетом реальной ситуации, но не бумажных, а насущных интересов ребенка и во благо ребенка.

С руководителями многих структур, порой на их страх и риск, мы именно так и выстроили нашу работу. Часто, нарушая виртуальные инструкции, исходя из конкретной ситуации, мы, садясь за стол переговоров вместе с педагогами, психологом и учителями, искали и не раз находили оптимальные варианты. Я с глубоким уважением выражаю слова благодарности тем людям, которые, рискуя вместе со мной, подставляли свои головы под гнев чиновников, но не производили абсурдных действий с живыми людьми просто ради галочек в своих отчетах.

Экспериментальная работа

— Пастор, мы все прекрасно понимаем, — вздыхая, говорил приехавший к нам представитель интерната. — Для всех очевидно, что пацан, убегавший от нас десятки раз, у вас прижился. Это безумие сегодня силой волочь парня к нам, когда он впервые за многие годы сел за парту, бросил бродяжничать и колоться. Но войдите в наше положение. От нас требуют, и никого наши аргументы не интересуют. Просто не знаю, что делать...

— Если считаете нужным, — забирайте, — говорил я, — только силой его впихивать к вам в машину я не стану. Я глубоко убежден, что «срывать» сейчас пацана от нас — преступление, как бы мы с вами его не прикрывали страхом перед контролирующими инстанциями. Если я его к вам сейчас «упакую», он все равно сбежит, но, боюсь, что уже и ко мне после этого не вернется, а осядет в подвале и вернется к игле...

— Забирайте — искренне желаю удачи!

Много раз подобные разговоры проходили в нашем офисе. В большинстве случаев ребята уже через несколько дней возвращались в Мариуполь и, к счастью, часто приходили прямо к нам, минуя подвалы и чердаки. Вспоминаю историю с воспитателем одного интерната, который в подобной ситуации, забрав у нас пацана, привез его в детдом, за которым он числился, и, выполнив сугубо бумажную часть работы, спросил парня в лоб:

— Убежишь?

— Сто процентов! — развеяв остатки сомнений, подтвердил Чух, по ряду причин не прижившийся в интернате и многократно сбежавший до этого.

— Возьми 10 гривен на дорогу, — сказал воспитатель, протянув купюру из своей скудной зарплаты, — но пообещай, что вернешься сразу в «Пилигрим» и будешь человеком!

— Обещаю! — поклялся пацан. — Я ж это, христианин как бы! — усмехнулся сорванец.

— Ну, тогда с Богом! — благословив, пожал руку представитель интерната.

Через несколько часов, улучив момент, парень сиганул в окно и уже на следующий день благополучно прибыл к нам.

К счастью, не все подростки нуждались в подобных исключениях из правил. Большая часть ребят, попадавших к нам, были еще не профессиональными бегунами, а после того, как оказались в «Пилигриме», без особых проблем возвращались в свои интернаты или семьи. Несколько сотен ребят за время нашей работы удалось вернуть родным, с которыми подростки ссорились, поэтому ушли на улицу. Очень многих, убежавших из-за конфликта со сверстниками или просто впервые решивших попробовать, по чем жизнь вне интернатовских стен, мы, вычухав от вшей, вымыв и переодев, отправили, так сказать, по месту прописки. Для многих ребят одного этого «круга блудного сына» было достаточно, чтобы оценить плюсы интернатовского куска хлеба и понять, что улица хороша только издалека. Но с некоторыми, особо сложными пацанами, не на шутку пристрастившимися к подвальной философии, мы просто вынуждены были экспериментировать, перестраивать структуру, переписывать положения и, как говорил Макаренко, «извлекать теорию из всей суммы явлений».

«Бумажная» педагогика И первые сотрудники

— Зачем тебе эта девчонка? Она же ничего не знает.

— Да я именно такую и искал.

Видите ли, мне иногда приходит в голову, что знания сейчас не так важны. Эта самая Лидочка — чистейшее существо, я рассчитываю на нее вроде как на прививку.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Одной из острых проблем в работе, начатой нами, был вопрос кадров. Ни в одном педагогическом институте, при всем моем к ним уважении, не научат тому, как реагировать на дерзкое поведение подростков, которые в свои 13 лет вкусили жизнь по полной.

— Как живете мужики? — поинтересовался один парень, мимоходом заглянувший к нам в «Пилигрим».

— Нормально. Бог помогает! — ошаршил его Малой.

Непедагогическая поэма

— Какой Бог? Ты, хлопец, о чем? В твои ли годы о Боге думать?! Пока молод, надо все в жизни попробовать! — уверенным тоном изложил свою философию наш гость.

— А что, разве есть что-то такое, чего я не пробовал? — ошарашил парня тринадцатилетний воспитанник, снисходительно ухмыльнувшись удивлению молодого человека.

— Если ты чего не попробовал, иди, поброди по жизни, а я свое уже отгулял!

— В каком смысле?

— В самом прямом! — закончил разговор Малой.

Работа с пацанами, познавшими все или почти все в подростковом возрасте, — дело непростое, поэтому требует и нестандартных кадровых решений.

Меня не раз критиковали определенные люди, мол, у вас в центре не хватает профессионалов. К сожалению, обычно под «профессионализмом» эти люди подразумевают умение писать отчеты в вышестоящие инстанции и правильно составлять воспитательные планы для разного рода проверок. Я не открою секрет ни для одного педагога, констатируя тот факт, что у любого воспитателя детского учреждения или учителя в школе так называемая «профессиональная писанина» забирает много времени. На написание характеристик, планов, программ и перспективных стратегий уходит почти все время современных педработников, практически лишая их возможности заниматься непосредственно с детьми. Зайдите к любому преподавателю в интернате и побеседуйте с ним на эту тему. Перед вами предстанет печальная картина в виде невероятного количества тетрадей, аккуратное ведение которых, с точки зрения вышестоящих чиновников, является чуть ли не основным критерием качества работы в этой столь важной и ответственной профессии.

С большим уважением относясь к профессионалам в любом деле, я вынужден признать, что образовательная

«Бумажная» педагогика

система, скованная бумажной работой, часто малоэффективна, когда оказываешься лицом к лицу с реальностью в виде крайне далекого от бумажного мира подростка. К девочке, переступившей все общепринятые моральные нормы, в тринадцать лет шабашащей на трассе, все эти воспитательные планы не имеют никакого отношения. Может быть, их надо писать, возможно, они кому-то нужны, но начав работу с беспризорниками, мы не то, чтобы не хотели, но просто не могли себе позволить эдакой роскоши — загораться в виртуальном бумажном мире.

Первые сотрудники центра оказались больше папами и мамами для ребят, нежели воспитателями. Работники «Пилигрима» для своих подопечных, скорее, старшие братья и сестры, чем директора и социальные педагоги. Это больше походило на многодетную семью, чем на детский дом. Но кто смеет сказать, что это плохо?

В нашей «Непедагогической поэме» за дело взялись не профессионалы, однако чем дальше мы шли, тем больше я понимал, что это не так уж плохо. Есть вещи, которым не учат, но именно они являются в жизни основными. Никто не может научить дышать, нет необходимости учить есть и уж точно невозможно научить любить. Люди, начавшие эту работу, и те, кто продолжает ее сейчас, возможно, не умеют правильно писать методические планы, но они по-настоящему любят этих чумазых и вшивых ребят! Именно это, а не папки с бумагами является главным!

Первые сотрудники «Пилигрима» не имели ни малейшего представления о «бумажной» педагогике. Они просто лазили по подвалам, общались с детворой, уговаривали, советовали, убеждали и вытягивали детвору из этого дьявольского мира.

Помню, как ко мне привели молодого парня Александра.

— Что умеешь делать? — поинтересовался я.

— Могу копать, — улынувшись, ответил долговязый молодой человек. — Могу, конечно, и не копать, — продолжил

Непедагогическая поэма

он старый анекдот. — Я, пастор, не большой спец в работе, но очень хотел бы вам помогать. Если доверите, — попробую! Буду стараться делать все, что нужно!

Саша стал одним из тех, без кого трудно было представить себе нашу «Республику» в первые годы ее существования. Золотые руки этого бывшего наркомана, хоть и не успевали опережать процесс разрушения здания его жильцами, но сильно его тормозили. Начав с должности сотрудника хозбригады, Александр впоследствии стал работать с детьми. Его объяснительные по поводу тех или иных проступков воспитанников можно считать шедевром педагогического творчества и приводить отдельными главами в этой книге. Звучат они приблизительно так:

«Я глубоко раскаиваюсь и, безусловно, признаю немалую часть своей вины в беззаконии, содеянном моим старым добрым другом и тезкой, господином Шлатгауром! Однако, при всем моем уважении к правилам поведения в нашей “Республике”, прошу принять во внимание тот факт, что указанный товарищ каждым своим шагом и всем своим существом попирает все общепринятые человеческие нормы, что сводит мои попытки предотвратить его злодеяния к практическому нулю!»

Сергей, Стас, Вася, Игорь, начинавшие с хозбригады и вошедшие в эпицентр педагогических процессов, влились в работу «Пилигрима», что называется, с головой, и каждому из них хочется посвятить отдельную главу в этой книге. Наш завхоз — Светлана Александровна, руководитель кухонного производства — Татьяна Васильевна, наши медроботники — Людмила и Ольга, воспитатели — Марина Евгеньевна, Виктория Вахнова и многие другие — все эти люди не побоялись взяться за работу с беспризорниками и стали для них добрым примером.

Быстро втянулась в работу Людмила Николаевна, дом которой, как и квартиры Ольги и Вики, пилигримы

«Бумажная» педагогика

превратили в своеобразную Мекку, совершая паломничества к ним не только по праздникам. Ребята иногда десятками ночевали у воспитателей, воплощая не сложившуюся на бумаге, но реальную на практике идею семейных детских домов.

Все эти люди, присоединяясь к начатому нами проекту, не были профессионалами, но сегодня они мастера своего столь нелегкого дела.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ ИЛИ ПОРЧА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Миром правят из детской. Если в семье нет мира, то судьба сегодняшнего и будущего поколения отдается в руки людей, выросших в атмосфере раздражительности, раздоров и ссор.

Авраам Линкольн

Сегодня страна переживает кризис советской философии. Перефразируя классика, замечу, что недостаточно выйти из коммунизма, надо еще вывести коммунизм из себя. Советская система наряду с «бумажной» педагогикой, оставленной нам в наследство, — подарила гигантские детские дома. При всем моем неуважении к ленинским монументам, огромные интернаты на несколько сотен детей, с моей точки зрения, — наиболее ужасные памятники прошлого. Об этом пока мало кто задумывается, и уж совсем не многие говорят. За периодически появляющимися в СМИ репортажами о том, как тот или иной чиновник посетил интернат и привез подарки, скрывается серьезная проблема. О реальном положении дел в интернатах не принято много писать, но есть важные и трагические факты.

Среди множества проблем здесь, во-первых, наблюдается почти полное отсутствие мужского авторитета, столь необходимого для полноценного воспитания подростков. Подавляющее большинство воспитателей в этих мегаполисах — женщины, причем с несложившимися судьбами. Те немногие мужчины, которые работают в интернатах, как правило, обременены либо бумажной, либо хозяйственной деятельностью и при всем своем желании имеют не так много возможностей непосредственно заниматься детьми.

— Комар, а че ты из интерната бегаешь? Че тебе там не учится, не естся и не спится?

— Скучаю по мужскому коллективу! — ошарашил Евгения Николаевича хронический беженец. У нас там все воспитатели — женщины, даже в футбол не с кем поиграть!

— Так у нас тоже половина женщин, ты же их слушаешься, хотя мяч с ними тоже особо не погоняешь!

— Здесь половина, а у меня в интернате — один мужик на триста человек, которого никогда нет, — все по командировкам! А с училками, хотя там много хороших, как-то не так!

— Ну ты, Комар, прямо мужской шовинист! Это такие мужики, которые женщин недооценивают, — объяснил Евгений Николаевич. — Ты же и мужчин-воспитателей сплошь и рядом слушать не хочешь. Может, проблема все же в тебе, а не в женщинах?

— В «Пилике» вон сколько мужиков, — игнорируя провокационный вопрос, продолжал Комар, — и дядя Вася, и дядя Стас, и дядя Серега, и дядя Саша. Один Юрий Андреевич чего стоит! Здесь интересней! И не сюсюкает никто: «Ой, Витюшенька, маси-пусеньки, люли-пули». Терпеть не могу! — скорчив гримасу, выразил Комар свое отношение к женской педагогике.

В этом необычном диалоге кроется глубокая национальная проблема — безотцовщина. Даже в стандартных, как мы их называем, нормальных семьях отцы теперь завалены работой, а в короткое домашнее время поглощены

«водоворотом» голубого телевизионного экрана. Нехватка мужского авторитета в воспитании подростков — проблема глобальная, порождающая серьезный фундаментальный перекос во всей общественной модели. Библейское заявление: «Отцы, воспитывайте своих детей», — нынче звучит асоциально и противоречит общепринятым нормам. Христианское учение о роли мужского педагогического фактора сегодня нуждается в обновлении и разъяснении. Выражая свое почтение армии женщин, на которую сильным полом сброшена задача воспитания подростков в семьях, в интернатах, мне хочется обратиться к вам, мужчины. Помните о том, что именно наше мужское влияние, наше время, наши отцовские вечера с детворой, наши пасы мяча во дворе, наши путешествия и чудачества судьбоносны для детей и нужны им, как воздух. Увы, сегодня мы наблюдаем повальную безотцовщину даже там, где присутствуем физиологически. Нас нет эмоционально, душевно, если хотите, духовно, и это большая вялотекущая трагедия нашей нации.

Драматичен также факт, являющийся результатом ситуации, указанной выше: очень маленький процент выпускников мегаинтернатов может создать полноценную семью. У большинства ребят просто нет никакой модели для подражания. У них не было примера, поэтому им очень трудно, тем более в мире, провозгласившем псевдосвободу сексуальной революции, создать семью в ее полноценном смысле.

Второй острой проблемой больших детских домов является ранняя сексуальная активность. Недавно мне в частной беседе поведали трагическую историю о том, как в одном из крупных городов женщина, потерявшая дочь, искала девочку 12 лет, чтобы взять ее в семью. Шокирующий элемент этой истории заключается в том, что вместе со специалистами интернатов она не смогла найти среди огромного количества детей девочку, не имевшую сексуального опыта.

Говоря о недостатках в функционировании крупных структур, детских домов и интернатов, я ни в коем случае не ставлю под сомнение посвященность и жертвенность огромного количества сотрудников этих учреждений. Я знаком со многими из них, поэтому испытываю глубокое уважение к тем людям, которые за мизерные зарплаты и под сильным давлением проверок, прокуратур и инструкций, продолжают свое святое дело. Но проблема есть, и она очень серьезна, чтобы общество могло ее долго игнорировать. Количество детей-сирот, остающихся без опеки, стремительно растет. Эту проблему нельзя решить, просто пристраивая корпуса к интернатам и педагогическим институтам. Необходимо изменить систему. Нужно отойти от стандартного мышления и структуры работы с детьми. Идеальный вариант — это передача детей в семьи, но там, где это невозможно, необходимо создавать детские дома семейного типа.

Еще одна сфера, которая в больших интернатовских коллективах нуждается в переменах, — это структура мышления с доминантой на коллектив, а не на индивидуум. Большой социум, по самому своему определению, дает лишь односторонние результаты в работе с детьми. Подросток, теряясь в рядах голов, становится больше цифрой в статотчете, нежели личностью с ярко выраженной индивидуальностью. Конвейерное производство, имея количественные плюсы, никогда не сможет конкурировать с личностной работой.

В Украине в качестве новых европейских технологий был принят совершенно замечательный закон о детских домах семейного типа. Так называемым «родителям – воспитателям», берущим под опеку 5 и больше детей, обеспечивается хорошее финансирование на каждого ребенка, предоставляется жилье, транспорт и заработная плата. При этом для государства стоимость содержания одного ребенка в таком микроинтернате чуть ли не в два раза меньше, чем в обычном большом детском доме. Если бы не один маленький пункт в этом законе, то сегодня детские дома

семейного типа появлялись бы, как грибы, ломая старую систему и невероятным образом укрепляя работу с детьми-сиротами. Однако, к сожалению, это не случайный недосмотр законотворцев: финансирование и решение жилищных вопросов для выпускников этих структур прописано не из областного, как в случае с государственными интернатами, а из районного бюджета. Этот нюанс в законе ставит крест на данной программе, превращая чудесную юридическую инновацию в заведомо обреченный проект. Районные власти не имеют ресурсов для обеспечения деятельности микро-интернатов и совершенно не мотивированы к их созданию. Кроме головной боли, эта перестройка системы не принесет местному чиновнику никаких дивидендов. Даже при всем искреннем желании они не смогут развернуть педагогический корабль с еще советским флагом и направить его против сложившегося в головах у контролирующих органов течения.

По этой причине то, что делаем мы, — это эксперимент, идущий вразрез с налаженными процессами, а мы, как любые первопроходцы или руководители экспериментальных социально-благотворительных проектов, вынуждены преодолевать серьезные трудности.

С момента появления нашего центра мы очень многим людям портим жизнь. Начав доставать пацанов из подвалов, работники «Пилигрима» ухудшили показатели многих структур практически по всем параметрам. Вскрывая преступную жизнь, процветающую в подвалах, и требуя доводить до суда беззакония обнаглевших из-за безнаказанности малолетних рецидивистов, наши сотрудники повышают криминальную статистику. Кривая роста заболеваний среди несовершеннолетних после начала нашей работы с улицей тоже поползла вверх. «Кабинетная» статистика по детской наркомании, столкнувшись с показателями «Республики», была разнесена в пух и прах, поскольку «бумажная» борьба этой структуры

с распространением наркомании среди несовершеннолетних оказалась не столь впечатляющей по сравнению с жуткими подвальными реалиями. Даже такие показатели, как процент вшивости населения, мы полностью опровергли своим социальным проектом. По количеству случаев зафиксированного педикулеза, опять же по нашей инициативе, Жовтневый район Мариуполя лидирует по всей стране, если не в Европе.

— Здравствуйте! Вы к кому? — поинтересовался вахтер у женщины, которая пришла к нам в центр.

— Знаете, мне нужно... Это очень личное, вы только не подумайте... — как-то растерянно стала объяснять она.

— Вы по какому вопросу? — переспросил дежурный, пытаясь внести ясность.

— Понимаете, мне очень неудобно, вы только не подумайте... — продолжала гостя.

— Чем могу вам помочь? — в который раз переспросил наш сотрудник.

— Знаете, только не подумайте ничего... Мне нужны вши, а люди сказали, что их можно найти только в вашем «Пилигриме».

— А... — рассмеялся подскочивший в это время Фокс. — Чего-чего, а вшей у нас завались!

Оказалось, что наша посетительница, поверив в сомнительный, с моей точки зрения, народный рецепт от болезни Боткина, крайне нуждалась в этой экзотической живности. Ей посоветовали самый верный способ — обратиться в «Пилигрим». Как раз в это время к нам прибыла очередная партия беспризорников, поэтому Фокс без всякого труда наковырял в процессе стрижки пару десятков отборных «бурундуков». Не стану утверждать, что эти твари помогают от болезней, но смеялись мы долго и много.

— Пастор, есть идея, — как всегда серьезным тоном, но с озорным взглядом предложил наш воспитатель Александр.

Непедагогическая поэма

— Давайте объявление дадим в газеты: «Вши оптом и в розницу от “Республики Пилигрим”». Чего добру даром проподать?! Товар у нас классный, поставки регулярные, а главное — конкурентов на рынке нет!

Вытаскивая пацанов из подвалов и вызывая скорую помощь к тем, кто находится в критическом состоянии, мы портим показатели отдела здравоохранения. Каждый вызов скорой помощи в наше учреждение — это удар по самим себе в том смысле, что уже завтра об этом будет проинформирована санстанция, а нам быстро предъявят претензии и придут с проверками. Парадокс этой ситуации заключается в том, что когда подросток умрет в подвале от наркотиков и целого букета болезней, никто не придет с проверкой санитарного состояния помещений и не будет писать ни на кого жалобы. Но если мы, вытаскивая детвору, обращаемся за помощью, то портим показатели и подставляем свою голову под очередные проверки с вытекающими из них протокольными последствиями.

— Вы понимаете, какую на себя взяли ответственность? — не раз спрашивали меня представители разных структур, — а если что случится?

— Не представляю! — иронизировал я. — У меня атрофирован страх перед чиновниками! Я в детстве головой ударился, из-за чего в моем мозгу поврежден участок, отвечающий за бюрократофобию!

— Все вам, пастор, шутки. Вы просто не понимаете, во что влазите! Если что случится у вас на территории приюта, — именно вам придется отвечать!

— Все! Запугали вы меня окончательно. Побегал в «Пилигрим» всех разгонять по подвалам, — говорил я с улыбкой на прощание.

Однако, система действительно выстроена так, что смерть пацанов в подвалах остается лишь бумажкой, чаще всего никем никогда не востребованной, но даже болезнь ребенка, которого мы вытянули из подвала, становится головной

Против течения

болью для нас и для целого ряда сотрудников различных госструктур.

Порча показателей, запутанные истории наших ребят, проблемы со всякого рода проверками — все это причины, по которым нас очень невзлюбили в определенных кабинетах. И чего греха таить, вопреки христианским этическим нормам, мы порой отвечали им взаимностью.

Три часа в моем кабинете или «детский апокалипсис»

*Нет страшнее возмездия за безумства и заблуждения, чем
видеть, как собственные дети страдают из-за них.*

Уильям Самнер

— **З**дравствуйте! Мы к вам на минутку, если позволите, — вежливо спросив разрешения, вошла в мой кабинет женщина, держа за руку девочку лет восьми.

— Как моя старшая дочь, — подумал я, рассматривая малышку. Но заглянув в глаза, избегающие встречи со мной, не стал даже мысленно продолжать аллегория.

С ребенком явно происходило что-то серьезное. Девочка то пыталась сесть, то привставала, отводя глаза от меня. Она не фиксировала взгляд ни на предметах, ни на женщине, которая привела ее. Маленькая ручонка сжималась в кулачок и тут же распрямлялась в ладошку, выказывая крайнюю степень напряжения в этом тельце.

Три часа в моем кабинете

— Пожалуйста, заберите ее! У меня, знаете, такие проблемы, такие сложные обстоятельства. Понимаете, так повернулась ситуация, что надо... чтобы как-то... мне надо, ну... стабилизировать положение... Возьмите ее, пожалуйста! — сбиваясь в словах, начала свой монолог посетительница. — Знаете, есть, в общем, повод... Мне нужно принять серьезные решения, чтобы исправить положение... Заберите ее, пожалуйста! — продолжала она, совсем сбив меня с толку.

— Простите. Вы, собственно, кто? — прервав эту вереницу слов, задал я, как оказалось позже, дурацкий вопрос.

— Кто вы? Чья это девочка?

— Как кто? — удивилась женщина. — Я ее мать!

Закрыв глаза и сцепив зубы, как бывает от резкой боли, я весь сжался. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Затем, как после хорошего пропущенного удара в боксе, я откинулся на спинку кресла, возможно, подсознательно пытаясь отвлечься от боли, прострелившей все мое естество. Некоторое время я просто молчал, ошарашенный услышанным заявлением. Потом постарался поднять глаза и посмотреть на ребенка, сидевшего напротив меня. Теперь мне стало понятно ее странное поведение. Передо мной были глаза, в которых рушился мир. Кажется, древние греки представляли себе человека, как микрокосмос, как некую вселенную, живущую в каждом индивидууме. В тот момент на моих глазах рушился мир, весь крохотный мир этого ребенка. У нас, взрослых, мир состоит из тысяч вещей, из множества людей, с которыми мы общаемся, наш опыт жизни, наши контакты, наши географические и социальные перемены. Они сформировали огромный внутренний мир в каждом из нас, но у детей все не так. Кровать, подоконник, мама и рисунок на стене — вот крохотная Вселенная, в которой обитает детская душа. Чтобы передать то, что я пережил в то утро, воспользуюсь этой древнегреческой аллегорией. В двух метрах от меня, в глазах этой девочки разворачивался

«апокалипсис». Прекрасно понимая все, что говорит мать, этот ребенок переживал личный «конец света». Мама по какой-то причине хочет ее отдать куда-то, каким-то людям в какой-то другой мир с иными правилами и совершенно чужими ей персонажами. Я посмотрел на малышку и представил, что моя собственная дочь, приведенная мной в кабинет приюта, слышит подобные слова из уст отца или матери. Безусловно, по своим масштабам подобная трагедия — это полное крушение крошечной детской Вселенной.

— Извините... — приходя в себя после изрядно затянувшейся паузы, выговорил я, — можно девочка побудет с воспитателями несколько минут? Лариса, — пригласил я секретаря, — займи малышку, нам нужно пообщаться.

— Объясните мне, что происходит? Что случилось? Почему вы хотите передать девочку нам?

— Я же говорю вам, — раздраженным тоном продолжала мамаша, — у меня проблемы, жизненные обстоятельства, — совершенно не к месту улыбнулась женщина.

Я стал терять контроль над собой...

— Какие обстоятельства? Господи, что происходит? Вам нечего есть? Может, нужна работа? Или вы заболели? Объясните мне, какие обстоятельства?

— Понимаете, у меня, так сказать, налаживается, можно выразиться, личная жизнь. В данный момент мне нужна определенная свобода... ну, вы понимаете, — продолжала мамаша, напрасно в данном случае надеясь на мою смекалку.

Понадобилось некоторое время, чтобы мы разобрались и выяснили ситуацию. Оказалось, что под жизненными обстоятельствами подразумевались бесконечно сменяющиеся у этой дамы сожители, которых не всегда устраивало соседство с девочкой в однокомнатной квартире. Не смертельная болезнь, не голод, а обычная похоть мамаша была причиной, по которой она решила избавиться от дочери, сдав ее к нам в «Пилигрим». Глаза той девочки я, наверное, никогда

Три часа в моем кабинете

не забуду. С того момента я знаю, как рушится мир. Отражение этого процесса я видел во взгляде восьмилетнего ребенка.

К сожалению, это жуткое зрелище я лицезрел далеко не один раз. Уже через полчаса после того, как мы отправили горе-мамашу в Службу по делам детей, оставив у себя ребенка и отвлекая его от разворачивавшейся на ее глазах трагедии, в дверь моего кабинета снова постучалась беда.

Еще одна женщина с ребенком вошла ко мне, прося о помощи.

— Вы кто? — рефлекторно отстраняясь от повторения шока, уже пережитого в тот день, поинтересовался я.

— Понимаете, у меня несколько месяцев жили квартиранты, торговавшие на рынке. Однажды они без всяких объяснений исчезли, оставив свою дочь у меня. Говорят, что они кого-то подставили на круглую сумму и дали деру. А девочку оставили. Ребенок очень хороший: послушная, спокойная девочка. Она у меня прожила полгода, я все думала, что вернутся родные и заберут ее. Они мне тоже должны денег прилично. Я ждала, что объявятся...

— И теперь вы хотите отдать ее нам? — понимая, к чему идет разговор, спросил я.

— Да. Я не могу больше ее у себя держать. Вот, сказали, что вы можете забрать.

На моих глазах второй раз в течение часа разыгрывалась тяжелая драма. Девочка, брошенная родителями, привыкшая в какой-то степени к женщине, у которой ее оставили, — больше была не нужна ей. В этот раз уже я прятал глаза, избегая взгляда ребенка. Теперь уже моя ладонь то сгибалась в кулак, то нервно распрямлялась на ручке кресла.

— Пишите заявление, — распорядился я. — Оставляйте ребенка и съездите с нашими сотрудниками в райисполком для формальных объяснений. Может быть, и в милицию нужно будет некоторую информацию дать, мы отвезем вас, а вы уже потеряете.

Оставшись один и приходя в себя, я услышал стук в дверь. После приглашения войти ко мне в кабинет ввалилась целая толпа. Двое взрослых и четверо детей, как говорится, мал мала меньше. Старшему было лет четырнадцать, младшим около семи-восьми. В заплаканных глазах всех четверых был какой-то дикий ужас, ошарашивающую причину которого мне вновь предстояло услышать в тот день.

— Простите... Нам нужна ваша помощь, — обратился ко мне мужчина, в сопровождении которого прибыла вся компания.

— Чем могу служить? — на исходе духовных сил поинтересовался я. — Что случилось?

— Давайте выйдем на минутку, если позволите? — попросила меня женщина.

— С удовольствием, — искренне согласился я, понимая, что смотреть в детские глаза в этот день у меня больше нет сил.

— Видите ли, у этих ребят только что повесилась мать. Что-то там с долгами связано. Старший пытался ее еще в агонии снять с петли, но не смог. Мы — соседи. Пока приедут родственники, нам надо пристроить детей. Сами понимаете, ситуация сложная.

— Да, — выдавил я из последних сил, конечно, оставляйте ребят. Только заполните там бумаги. А когда приедут родственники?

— Если честно, мы вообще не уверены, что они приедут, но говорят, что есть у них там кто-то, какой-то дядя. Попытаемся найти и оповестить. Спасибо вам за «Пилигрим»! Если бы не вы, куда бы нам сейчас с ними? — искренне поблагодарила женщина.

— Хорошо. До свиданья.

Эти три истории произошли в моем кабинете в течение трех часов. После того, как воспитатели забрали от меня детвору, отменив все свои запланированные встречи, я

Три часа в моем кабинете

ушел домой. Ничего не объясняя жене, свернувшись в калачик, я нырнул в постель. Это был один из первых дней моей официальной пасторской работы в качестве директора «Пилигрима».

С того дня, с тех трех часов, я не боюсь фильмов-ужасов. Этот жанр кинематографа более не вызывает у меня страха, а мурашки не покрывают мое тело при виде хичкоковских страшилок. С того момента я точно знаю, что самые жуткие вещи таятся в глубине детских глаз. Не Фредди Крюгер, не чудовища в поттеровских фильмах, а родительское предательство является самым страшным кошмаром на нашей планете. Страх перед тем, что отвернется мать, что предаст и бросит семью отец, — вот наибольшая фобия на этой земле. Ребенок, выброшенный за борт кукушкой-мамой и негодяем отцом, — самый большой кошмар из всего происходящего на планете. Смерть родных, их гибель на войне или в авиакатастрофе при всей трагичности не может идти ни в какое сравнение с равнодушием и безразличием, проявляемыми родителями к своему потомству. Величайший грех во Вселенной — сердца мам и пап, отвернувшиеся от своих детей. Это — самая сильная боль в мире. Это — преступление, перед которым блекнут нацистские кошмары XX века. Я уверен, что за эти беззакония всех нас ждет Суд. Спасибо Господу, пославшему Христа в мир для того, чтобы «обратить сердца отцов к детям». Благодаря Его милости сохранены многие семьи, возвращены к детям многие родители, а многим сиротам даровано право говорить самую радостную фразу на земле: «Доброе утро, папа!»

Рейды, «артисты» и рыночные «театры»

В своем докладе о дисциплине я позволил себе усомниться в правильности общепринятых в то время положений, утверждавших, что наказание воспитывает раба, что необходимо дать полный простор творчеству ребенка и что нужно больше всего полагаться на самоорганизацию и самодисциплину.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Одно из самых захватывающих приключений в жизни нашего государства — рейды. В день, когда назначен рейд по улицам, подвалам и притонам, в «Республике» царит особенное оживление. Попасть в ряды спецназовцев, рассекающих по ночному городу, разрабатывающих планы спецопераций и преодолевающих подвальные полосы препятствий, — это привилегия. Цель — поиск и задержание хронических беспризорников, понятна всем участникам этих ночных «рандеву». Дух приключения, основанный

на благородной миссии — найти своих друзей, создает непередаваемую атмосферу этих ночных вылазок. А дефицита приключений в рейдах никогда не было.

Чего только не происходило с нами во время этих выездов. Регулярные проблемы с пьяными мужиками, считающими своим долгом заступиться за «бедного» мальчика, которого забирают в эти «ужасные» приюты, — это только малая часть айсберга. Но даже эти ощущения запоминаются надолго.

— Помогите! Не хочу ни в какой приют! — нарушая ночную тишину, поднял вопль Фикус. — Не хочу! Не пойду! Отстаньте! — продолжал играть на публику подросток, до безобразия нанюхавшийся клея.

— Привет, родной! — поздоровался я с пацаном, который уже не раз бывал у нас. Чего шумишь?

— Не хочу! — продолжал выкрикивать Фикус, вцепившись за витрину прилавка, у которого только что попрощайничал.

— Что вы пристали к малому? — встрял в разговор пьяный мужик. — Отпустите человека!

— Ой, дяденька, — радуясь вмешательству долгожданного ходатая, оживился Фикус. — Помогите! Не хочу в приют!

— А ну, отпустите мальчишку! — активизировался наш хмельной Дон Кихот, пытаясь оттолкнуть ребят взявших Фикуса за руки.

— Мужчина, если у вас есть вопросы, то это ко мне, — сказал я, пытаясь привлечь внимание изрядно косящих глаз.

Пока я дискутировал с выпившим субъектом, Фикус, понимая безвыходность ситуации, с жалобным взглядом побрел в машину в сопровождении наших «спецназовцев».

— Пастор, а Англичанин в «Пилике»? — поинтересовался задержанный. — А на футбол вы меня из интенсивки будете брать?

— Соскучился по футболу?

— Да есть немного...

— Что с тебя толку? Ты только с тюбиком и научился обращаться!

— Ну, возьмете? — продолжал клянчить пацан. — Пастор, а я знаю, где Шланг ночует! Поедем его заберем, а то пропадет! Он там с наркоманами тусуется. Они его на иглу подсадят.

Сдав оборону и смирившись с неизбежностью, подросток тут же приступил к активному участию в рейде. Уже на следующей точке пацан вместе с друзьями, всего лишь пять минут назад подобравшими его самого на улице, приступил к активному розыску своих приятелей. Для людей, которые иногда присоединялись к нашим рейдам, будь то журналисты, милиционеры или просто желающие посмотреть на работу «Пилигрима», такая трансформация казалась неожиданной, но нас она совсем не удивляла. Ребята на улице, даже противясь тому, чтобы их забирали в центр, в глубине души понимали — это выход. Даже те, кто устраивал концерты, играя на публику, потом признавались мне, что побаивались того, а вдруг мы развернемся и уедем, оставив их один на один с клеем, улицей и криминальными проблемами.

Иногда в поисках беспризорников мы проверяем за вечер добрый десяток подвалов и канализационных систем. На всю жизнь я запомнил, как однажды спустился на теплотрассу, где забаррикадировался Вирус. В тот день, находясь в наркотической эйфории, пацан забился метров на семьдесят под землей в узкой колее между трубами и бетонным шурфом. Зазор между трубами и перегородкой был не более 40 сантиметров, поэтому добраться туда на такое расстояние было совсем не просто.

— Вылазь, Вирус! — предложил Сергей Козырьков. — Вылазь, а то сдохнешь, как крыса!

— А я и хочу сдохнуть! — заплетающимся языком отвечал подросток с огромным наркостажем.

— Давай задний ход! — задыхаясь от недостатка кислорода и пыли, поднятой Вирусом, потребовал я. — Выбейся отсюда! Старик, ты же знаешь, что я не отстану, пока тебя на свет Божий из этой норы не вытяну!

— Не вылезу! — ответил мой собеседник, продолжая, как червь, зарываться в подземные щели.

После двух с половиной часов общения под землей Вирус, по-видимому, приходя в себя, дал слабину.

— Пастор, а в интенсивку надолго посадишь? — поинтересовался малолетний наркоман, имея в виду срок в карантинном отделении, предстоящий каждому, приведенному с улицы.

— Я с террористами переговоров не веду! — твердо держал я позицию, понимая, что лед тронулся.

— Пастор, ну пообещай, что я не больше недели буду на карантине, — умолял Вирус.

— Это зависит от того, сколько мы с Серегой еще будем здесь дышать этим крысиным пометом, — заявил я, давая пацану слабую надежду.

После паузы, вызванной то ли раздумьем, то ли очередным «втыканием» от отходящей понемногу дозы, мы услышали долгожданное:

— Иду...

В ночных рейдах у нас бывали самые разные истории. Однажды пьяный мужик достал пистолет и, размахивая им перед носом у нашего воспитателя, минут десять что-то убедительно рассказывал, пока подросевшая милиция не сшибла его с ног и, завалив на землю, не надела наручники, предварительно отлупив его, как в крутых голливудских боевиках.

В одну из ночей Евгению Николаевичу приставили нож в бок, требуя, чтобы он отпустил поднявшего шум пацана. Благо, что наш сотрудник не из робкого десятка, поэтому проблема была быстро решена, а подросток отправился в «Пилигрим».

Непедагогическая поэма

— Были и настоящие профессионалы, устраивавшие при задержании невероятные концерты.

— Ой, тетенька, спасите, меня на органы продадут! — завидев наш отряд, патрулировавший рынок, завопил Артист.

— Та ты шо, — перепугалась доверчивая женщина, заслоняя его грудью. — А ну отстаньте от ребенка, фашисты! — пригрозила она нам.

— Ой, защитите меня! — лукаво выглядывая из-за спины продавщицы, продолжал вопить Артист, привлекая внимание всего рынка.

Подоспевший выпивший охранник рынка начал свою речь с мата в мой адрес, чем только добавил уверенности моим действиям.

— Эй, трюкач! — ты же знаешь, что меня этим «цирком» не прошибешь! Считаю до десяти, и ты мирно отправляешься в машину. Если нет, — сам знаешь, я тебя все равно упакую!

— Придержите их! — понимая, что я не шучу, крикнул подросток тетушке и пьяненькому охраннику и дал деру.

Расталкивая людей, пацан несясь по рынку, роняя на ходу тюбики с клеем из своих карманов. Артиста к тому времени я знал давно и понимал, что если пацан не остановится, то помрет от одурения и «склеивания» мозгов. На протяжении многих лет этот подросток жил на улице, а клей стал его единственным хобби в жизни. Привыкнув к сценам, разыгрываемым им при каждом задержании, я уже ни на что не реагировал и продолжал преследовать парня.

— А бегун из тебя никакой! — констатировал я, хватая запыхавшегося пацана за шкирку. — Что с легкими? Со всем склеились?

— Прости, пастор! — сразу начал сдавать позиции Артист. — Прости за концерт! Я и сам собирался прийти в «Пилик», да как-то все не ладилось.

— Ты меня уже заморил со своими сценами! Я же тебя предупреждал, что еще одно шоу при задержании, — и

наши с тобой дружеские отношения перейдут в другую, официальную плоскость.

— Каюсь! — ухмыльнулся беспризорник. — Как там в «Республике» дела? А Чух с Фоксом у вас?

— Все у меня!

— Ну и слава Богу! А то я думал, может, что случилось, пропали куда-то... Пастор, по дороге «домой» заедем в киоск: мне там клей в долг дали. Я его верну, а то потом «счетчик» включают.

— Ого! — воскликнул Стас Кабанов, видя, как Артист вытаскивает из карманов около десятка тюбиков клея по 250 граммов каждый. — Так это ты еще несколько штук потерял, когда в догонялки с пастором играл!

— Не понял, что значит в долг дали? — поинтересовался я новым явлением. — Это кто у нас «банк» для беспризорных открыл?!

— Да это в киоске у «Алладина» мне дают. Я там на хорошем счету, знают, что деньги верну!

Вернув клей продавцу киоска, я передал ему привет от Артиста и попросил впредь не брать грех на душу, «кредитуя» беспризорников столь необычным сырьем.

Часто в рейдах мы подбирали ребят в глубоком дурмане. Как-то раз я увидев Комара с остекленевшими от наркотика глазами, подошел к нему и спокойно проговорил:

— За мной, в машину!

— О...й!!! — растянул на полминуты Комар.

Затем он, вероятно, попытался убежать, но поскольку ноги абсолютно не слушали центральную нервную систему, получилось нечто странное. Наверное, в мыслях Комар бежал от меня, но на практике он танцевал один из самых оригинальных танцев, которые мне приходилось видеть за всю свою жизнь. Это было что-то среднее между твистом и ламбадой. В то же время его телодвижения напоминали и рок-н-ролл, удивительным образом вобравший в себя

Непедагогическая поэма

некие элементы народных украинских танцев и даже классического балета. Однако по глазам, смотрящим мимо меня, я понимал, что в своем воображении Комар бежит!

По тому, как теплели и веселели его глаза, я догадался, что виртуальный побег показался парню успешным.

— Все, прибежал! — прервав чудо-танец скомандовал я, и взял пацана под руки. — В машину!

Часто бывало так, что в рейдах мы находили детвору в критическом состоянии.

* * *

Надолго запомнилось мне событие, которое чем-то напомнило мне омовение рук Понтия Пилата. Но на этот раз оправдательные речи звучали от медработников, которые, перекладывая друг на друга ответственность, направляли избитого подростка из одной больницы в другую.

Около 17.00 мы извлекли парня по прозвищу Фродо из подвала. Сама процедура заняла не менее 40 минут, поскольку невозможно было вынести его на руках из-за того, что при малейшем прикосновении он испытывал сильную боль. В результате, кое-как расположив его на старой двери, преодолевая метр за метром, нам удалось вытащить Фродо во двор.

За несколько дней до этого несовершеннолетний был избит на улице; являясь хроническим наркоманом, он только усугубил свое положение, когда принял наркотики. В последнем действии парень приложил особые усилия, пытаясь так избавиться от боли. Через пять суток после драки парень попросил своего подвального собрата сообщить в «Пилигрим» о месте своего нахождения, взывая о помощи. К этому моменту его состояние было критическим: он уже не мог не только встать на ноги, но и просто шевелиться.

Мытарства по больницам, начавшись вечером, закончились в 12 часов ночи. Шесть раз нас направляли из одного

медицинского учреждения в другое, ссылаясь на то, что это не их профиль: подросток не подходит по возрастной категории, еще по чему-то, что казалось медикам важным. Отправляя парня из одной больницы в другую, ему не сделали ни одного обезболивающего укола и не дали ни одной таблетки. Несколько раз в процессе этих мытарств медработники, дававшие некогда клятву Гиппократа, делились своими философскими рассуждениями по поводу судьбы парня. Один из медиков высказал мнение, что, мол, будь его воля, он бы этих наркоманов уничтожал, как ненужный и вредный элемент общества. При этом подростковый возраст парня ничуть не смущал этого доктора.

С горем пополам и со скандалом, который я устроил в шестой по счету больнице, парня приняли. Это случилось только тогда, когда я пообещал отвезти пацана среди ночи к начальнику горздравотдела, который не раз поддерживал нас в работе «Пилигрима» и обещал помогать во всех ситуациях. Только после этого в приемной шестой по счету больницы нехотя оформили подростка в отделение! Каково же было удивление служителей, проведавших Фродо утром, когда они узнали, что в течение ночи подростку так и не дали обезболивающего!

Спустя три недели мы забрали Фродо из больницы. Обеспечив пацана в течение этого времени медикаментами и продуктами, мы забрали его в «Республику». Еще через неделю, под руки со своими друзьями, Фродо стал потихонечку ступать на ноги, прогуливаясь по коридорам.

В тот день черствость и жестокость медицинской машины, именуемой в официальном порядке «системой здравоохранения» в очередной раз произвели на меня не самое приятное впечатление. Конституционные права по охране здоровья и бесплатной медицинской помощи, упомянутые нами в процессе «хождения по больничным мукам», вызывали ироническую ухмылку на лицах медработников. Будем надеяться,

что Бог даст всем нам лучшие времена, когда подобный бес-предел со стороны людей в белых халатах просто окажется невозможным!!!

Собираясь в рейд, мы по договоренности с милицейским руководством города часто берем с собой сотрудников патрульно-постовой службы или криминальной милиции. Однако чаще, получив оперативную информацию о том, где находится тот или иной подросток, мы выезжаем самостоятельно. Иногда нам самим приходилось разыгрывать милицейские спектакли.

— Кто там? — прозвучал голос со специфической интонацией из-за дверей наркопритона.

— Открываем! Милиция! — скомандовал я.

За несколько минут до нашего появления по этому адресу нам сообщили, что в этой квартире находится умиравший от наркотиков четырнадцатилетний Фуцик. Якобы наркоманы, проживающие здесь, отсылают его утром попрошайничать, а на собранные несовершеннолетним деньги колются сами и обслуживают его.

— Первый, прием! Это «альфа»! — произнес по рации Кит, имитируя переговоры милиционеров. — Считаю до пяти и вышибай дверь!

— «Альфа», «альфа», вас понял! — подыгрывая, ответил я. — Раз, два...

Дверь мгновенно открылась. Войдя в эту квартиру и обнаружив следы пребывания Фуцика, мы поняли, что информация оказалась достоверной. Ему в этом притоне постелили тряпье в ванной. Однако сам подросток был в это время на «заработках», поэтому нам удалось «задержать» его только через несколько дней.

Иногда в рейдах мы наблюдали и драматические картинки. Недавно в одном подвале мы снова обнаружили труп. Это были останки наркомана, умершего и изъеденного крысами. Печально и пророчески смотрелась пачка

Рейды, «артисты» и рыночные «театры»

«недобитых» им наркотиков в пяти сантиметрах от обгрызанной руки. Вызвав милицию, как всегда в таких случаях, мы показали место «находки» и выслушали сомнения в целесообразности доставать оттуда тело. Только тот факт, что мы уже ввели в курс дела средства массовой информации, заставил сотрудников спецподразделения все же выполнить свою весьма неприятную работу.

ПОХОДНЫЕ КОСТРЫ И КИТОВЫЕ ПОЛЕТЫ

Летам мы ездили в вадные походы где болишие пороги, где очен глубокая вада, и сильное тичение, где чирипахи и арлы, пастар Генадий Викторович идед эту чарипах, как она сидела, на древе, а я видел ка садятся на брег два аиста и еще мы видиле бобра. Это было так классно даже в некоторых местах было романтично.

***Из письма четырнадцатилетнего Маугли другу
(грамматика сохранена)***

В первый год существования нашей «Республики» было решено одну за одной покорять реки. «Дерзкие по замыслу и блестящие по выполнению», — так охарактеризовал Юрий Андреевич наши летние туристические вылазки. Покорение Кальмиуса в прекрасных местах с небольшими порогами и даже с мини-водопадом, путешествия по Северскому Донцу открыли нашу личную туристическую летопись. На стареньком оборудовании

Походные костры

церковного турклуба, на автомобильных камерах и, вообще, кто на чем горазд — «мы сделали», по выражению пилигримов, эти реки! Облазив близлежащие скалы и песчано-глиняные карьеры, вдоволь напрыгавшись с многометровых деревьев, пацаны приклеили на свои кровати звездочки по количеству походов, совершенных ими лично. В перспективных планах наших воспитанников — чуть ли не все реки бывшего СССР, а некоторые по вере записали в них покорение Рейна, Миссисипи, Иордана.

Перегруженные до отказа церковные микроавтобусы медленно двигались от Мариуполя в сторону очередной намеченной нами реки. Шокируя постовых ГАИ, обнаруживающих плотно набитых в машины пацанов, мы продвигались к местам наших славных походов.

— Пастор, а долго нам еще ехать? — на первом же километре начал ныть Тоха.

— А сколько километров? — вторил ему Шустрик.

— А мы едем на восток или на запад? — как всегда влез очень любопытный Спартак. — А здесь война была?

— Едем на север, война была, ехать далеко и очень долго, воевали наши с фашистами, танки использовались, в основном, Т-34, ядерное оружие не употреблялось, — предваряя вопросы Спартак, начинал читать лекцию Андрей Япрах. — Если еще раз кто-то спросит, далеко ли нам ехать, — пойдет пешком!

— Дядя Андрей, а в этой реке какие рыбы водятся? — не обращая внимания на попытки водителя сосредоточиться на дороге, поинтересовался Спартак.

— Дядя Андрей, а яхта, она большая по длине? — вклинился в поток вопросов Шланг.

— Большая, — впадая в состояние нервозности, отвечал всем по очереди водитель.

— Скажите, а что больше — бухта или яхта? — озадачил Шланг.

— Чего? — переспросил Андрей, отключив от неожиданного вопроса «автоответчик». — Я всех умоляю немедленно замолчать! — напрасно взывал он к своим пассажирам.

Увы, процесс познания мира, однажды начавшись у выбравшихся из подвалов ребят, был необратим, порой подрывая интеллектуальную и, вообще, душевную «крышу» воспитателей.

Удивляли также успехи наших подопечных в теологии. Однажды вечером у костра мы затеяли библейскую викторину. Приз в виде банки сгущенного молока на четвертые сутки похода значительно вырос в цене. Для каждого из наших путешественников он был не менее желанным, чем кубок мира для спортсмена, отправлявшегося на чемпионат. Синяя этикетка на банке пленяла сердца и умы ребят и мотивировала к активному участию в конкурсе на знание Писания. Цель затеянной нами игры была весьма проста. Необходимо было вспоминать места из Библии, где говорится о радости. Тот, кто вспоминал последним, — получал этот вожаденный презент и пировал на глазах у проигравших.

«Увидев же звезду, волхвы возрадовались радостью весьма великою», — уверенно вступил в бой знаток Библии Марио.

— «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям», — четко процитировав Писание, парировал Сега.

— «Плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера», — отчеканила Барби, по праву конкурируя с нашими «мэтрами» богословия.

Через пятнадцать минут знатоки подвыдохлись, и цитаты следовали уже не с такой частотой, заставляя меня, как рефери, начинать отсчет: — Раз... два...

— Павел это... писал: «Умножьте мою радость ...» — не сдавался в тяжелой борьбе Марио.

Походные костры

— Раз... два... — загибая пальцы, грозно произнес я.

— «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь», — выпалил Сега, боясь потерять заветный приз.

— Два... Два с половиной, два на ниточке... — взял я самую высокую в моем голосовом диапазоне ноту.

— Два на сопельке... — подсказал Тоха.

— И... и...

— Пастор, я знаю! — оглядев выдохшихся конкурентов, произнес пришедший к нам всего пару недель назад, и, наверняка, ни разу еще не державший в руках Библию, Киря. Гробовая тишина повисла над нашим станом. Ребята удивленно повернули головы в сторону неожиданно нарисовавшегося на тот момент главного претендента на сгущенку: «Пастор, Библия учит, — с очень серьезным лицом начал Киря свою проповедь, — ну, в целом, учит, если кто не грешит, тот ибо... чаще радуется!»

Серьезный вид Кири в момент произнесения этой концептуально здоровой речи подкосил всю компанию! Несмотря на то, что приз достался Сеге, Киря получил дополнительный приз в виде печенья за теологически выверенную, хоть и не озвученную подобным образом в Библии христианскую доктрину.

— Второй тур! — объявил председатель нашего церковного турклуба Анатолий Волошин. Делаем то же самое, но со словами «плачь» или «слезы».

— «Иов плакал пред Господом», — рванул со старта Марио.

— «Сердце мудрых — в доме плача», — не уступал Сега.

— Раз... два... — через некоторое время начал отсчет Анатолий. — На веревочке, на сопельке...

— У меня есть! — ошарашив всех в критический момент, вновь поднял руку Киря.

— Ну и что там у тебя? — уже настороженно поинтересовался Толик.

Непедагогическая поэма

— Я бы сказал так, что Писание нас всех, грешных, учит, что, если кто как бы грешит, то потом непременно после всего плачет!

Взрывной волной хохота накрыло нашу поляну. Пацаны в истерике валялись на траве, держась за животы от смеха. Посреди всеобщего гогота сидел невозмутимый и слегка обиженный Кирия.

— А чё, я разве неправильно что сказал? — искренне удивлялся он.

— Все в порядке! В целом, мысль здравая и догматически верная! Напрасно только ее в Библию не вписали! — заметил я.

— В послание от Кири! — ржал на весь лес Баз, катаясь по земле.

Хохоту в походах всегда было достаточно. В течение дня, преодолевая десятки преград, проходя по реке через пороги, переворачиваясь на наших плавсредствах, мы имели незабываемые переживания.

— Первый, пошел! — скомандовал Комар, приготовившемуся сигануть с обрыва Маугли. После великолепного прыжка, он отдал приказ Киндеру: — Второй, пошел!

Один за одним пацаны с разбега прыгали в воду с прекрасного обрыва высотой около трех метров, пролетая над метровой полосой пляжа и сразу оказываясь в глубокой водяной яме Северского Донца.

— Кит, пошел! — дал Комар очередную команду на старт. Вдруг перед нашими глазами развернулось невероятное зрелище. Кит, прилично поправившийся за время пребывания в «Республике», начал уверенно набирать скорость, приближаясь к обрыву. Однако метра за три до края откоса по непонятным причинам он включил тормозную систему, выдвинув вперед ноги и пытаясь преодолеть инерционную скорость, несущую его вперед. В тот день Киту не удалось нарушить законы физики. Мы стали свидетелями невероятной серии кульбитов. Убежден, что если бы этот полет

Походные костры

был зафиксирован на видеопленку, то мы могли бы взять все призы в популярной программе «Сам себе режиссер». Даже в классических фильмах Чаплина падения не выглядели столь впечатляющими, как в тот день у Кита. Он не падал — он летал! Потеряв в процессе полета всякую ориентацию во времени и пространстве, Кит лихорадочно вращал руками. Вероятно, он пытался задержать теперь уже силу земного притяжения, неизбежно приближавшую момент его посадки. Не долетев до воды с полметра, наш гимнаст, растянувшись всем телом, шлепнулся на песок.

— Живой? — не на шутку перепугавшись, бросились мы к приземлившемуся Киту. — Целый?

— Все в порядке! — поднимаясь, как ни в чем не бывало, заверил нас несостоявшийся прыгун.

Прошло минут пятнадцать, и в очереди к обрыву опять появился Кит.

— Дорогой, ты понял, что натворил в прошлый раз?

— Все понял! Ща прыгну высший класс!

— Внимание! Кит, пошел!

Рванув с низкого старта, парень приближался к обрыву. Его взгляд и движения тела были уверенными. Постепенно набирая скорость, он двигался вперед.

— Кит, не тормози! — крикнул кто-то из толпы.

— Чего? — обернувшись на голос, спросил пацан, обмякнув и тотчас рефлекторно включив систему экстренного торможения. Однако «критическая точка» была уже позади, и мы во второй раз стали свидетелями акробатического художественного падения. Надо отдать Киту должное: при всей драматичности происходящего он падал очень впечатляюще. Как профессиональный фигурист даже в падении должен держать улыбку, так и наш «атлет», кубарем катясь с горки, озарил всех сиянием своей физиономии. На этот раз до воды он не долетел всего где-то тридцать сантиметров.

Непедагогическая поэма

— Я буду прыгать! — по прошествии часа сделал официальное заявление Кит, мгновенно привлекая внимание всех участников похода.

— Сперва ты мне сдашь теорию! — требовал воспитатель Александр.

Получив несколько инструкций, выслушав массу советов, Кит все-таки оказался на линии старта.

— Не тормози, главное, не тормози! Это все, что тебе надо сделать. Просто не тормози! — орали Киту все хором.

— Пошел! — разнесся над рекой боевой клич.

— Давай! Давай! — орали ребята со всех сторон в ритм каждому шагу ускоряющегося Кита. «Точка принятия решений», до которой каждый пилот на взлетно-посадочной полосе должен определиться с вопросом «взлетать или не взлетать?», уже была позади. Все складывалось благополучно. Но вдруг, в последнюю секунду, некое сомнение мелькнуло в уме и тут же отразилось на лице Кита. Это было начало конца. Третья «ходка» оказалась наиболее впечатляющей. Хореографы, наверняка, оценили бы ее высшими похвалами. С каждым прыжком, постепенно прогрессируя в достижении цели, Кит возрастал в артистизме. Это был шедевр в категории «свободное падение». Надо признать, что до того дня я не считал прыжки в воду искусством, теперь же я глубоко убежден, что и в этом, казалось, простом занятии, можно достигнуть совершенства. Это был именно совершенный прыжок в смысле эстетики, однако точка приземления все же не дотягивала полтора метра до запланированной. На сей раз падение произошло в воду, громким шлепком засвидетельствовав этот, хоть и не окончательный успех Кита. На глубине около сорока сантиметров он приводнился со специфическим звуком.

— Через пятнадцать минут начнет всплывать рыба, — не без основания предположил Баз, подтверждая мощность удара по воде.

Походные костры

— Кит — он Кит и есть! — приходя в себя от хохота, орал Комар. Пастор, ему океан, а не Донец нужен!

Ближе к вечеру Кит все же добился результата. Освоив хореографию полета в первые три попытки, он, преодолев внутренний барьер, успешно оторвался от земли и на этот раз, долетев до глубины, ушел под воду.

Немало было в походах и всяких «специфических» трудностей. Одна из сфер, доставлявших нам немалые проблемы, — зелень недозревших плодовых деревьев. Все предупреждения об опасности поедания в это время года кислятины, не порозовевшей еще ни с одного бока, были проигнорированы. Пацаны пожирали все, что видели.

— Останови, дядя Женья! — просил Спартак.

— Что там?

— Зелень назад просится, — с бледным лицом, мгновенно убеждающим в искренности, пробурчал пацан.

— Дядя Женья, я тоже по этому же вопросу, — через пять минут взмолился Фикус.

— Говорили же вам, вот, бестолковые! — плакался Евгений Николаевич, в очередной раз останавливая всю колонну и давая возможность вернуть природе то, что было не в должный срок у нее взято.

— Опять, мне опять надо! — по прошествии семи минут вновь застонал Спартак.

— Не, мужики, так не пойдет! — определился наш замдиректора.

— Открыть окна! Пострадавших от скудоумия пересадить к свежему воздуху. Освобождение кишечника производить через ротовую полость за борт, не выходя из нашего корабля и не нарушая движения каравана! — распорядился Евгений Николаевич.

Рассекая просторы, по дороге двигалась колонна машин, из иллюминаторов которой, свесившись по бокам, торчали объевшиеся зелени ребята. Надеемся, что урок диетологии, полученный ими тогда, пошел впрок.

Глава

22

БИТВА ЗА ШКОЛЬНУЮ ПАРТУ

*Надпись на парте: «К 12-ти годам люди
становятся невыносимыми».*

Неизвестный автор

Большим шагом в работе центра стало открытие сети вспомогательных классов. Ребята, у которых за спиной по несколько пропущенных лет в школе, сели за парты и стали наверстывать упущенное. В некоторых случаях четырнадцатилетние подростки впервые в жизни слышали школьный звонок и тяжело привыкали к его смысловой «нагрузке».

Однако школьный вопрос не разрешился сам собой. Работа с данной категорией детей, как я уже говорил, не имеет аналогов. Собрав детвору с улиц, мы не знали даже, с какой стороны подойти к решению этого непростого вопроса.

— Сдайте их в обычную школу! — бросали мне некоторые чиновники.

— Только при одном условии, — настаивал я, — при письменном свидетельстве о том, что за все, происходящее

Битва за школьную парту

на территории школы, я не несу никакой ответственности. Дайте бумагу, и я напишу на данную тему официальное заявление.

— Почему вы так принципиально ставите вопрос? — удивлялись представители в различных кабинетах.

— По одной простой причине! Вы не понимаете, о какой категории детей идет речь. Они, в лучшем случае, просто не станут учиться, а в худшем — натворят такого, что это эхом и в вашем кабинете аукнется. Как вы себе представляете в обычной школе тринадцатилетнего пацана, прожившего в подвалах с шести лет и не знающего даже алфавита?

Спор зашел в тупик, и здесь мы вновь нашли понимание со стороны мэра Мариуполя и городского руководства. Решением сессии горисполкома было принято распоряжение об открытии специальных классов при общеобразовательной школе именно для работы с гражданами «Республики».

В том, что этот экспериментальный проект заработал, преодолев массу бюрократических препон, есть огромная заслуга Инны Олеговны Рогозян, на тот момент директора общеобразовательной школы. Зная пилигримов и имея реальную картину обо всем происходящем в «Республике», эта смелая женщина подставила свои плечи под грудую проблем, и, вопреки скептицизму некоторых коллег, 1 сентября 2001 года при «Пилигриме» начался учебный процесс.

Открытие школьного сезона развеяло все сомнения в том, что собранная нами категория готова была учиться в обычных классах. С первого же учебного дня началась настоящая война педколлектива центра с воспитанниками, совершенно не разделяющими взглядов авторов Конституции Украины об обязательном и всеобщем среднем образовании в Украине. Ребята, прижившиеся у нас, с колоссальным трудом усаживались воспитателями за парты. Но, в конце концов, как говорил автор перестройки: «Процесс пошел!»

Непедагогическая поэма

Сегодня, когда мы уже имеем четыре выпуска, когда первые ребята, закончившие школу, являются выпускниками училища, мы можем смело сказать, что эксперимент удался! Дипломы в руках подростков, проживших по несколько лет на улице, мне кажутся особенно значимыми. Их последний звонок звучит для меня особенно громко. Выпускной вечер пилигримов, при всей скромности наших возможностей, для меня, как и для всех педагогов, дороже, чем праздник у обычных детей. Грамоты в их руках на торжественной церемонии, посвященной окончанию школы, смотрятся, как минимум, пальмовыми ветвями фестиваля в Каннах. Каждый подросток, окончивший школу при «Пилигриме», — это наша «специфическая» радость, особенно, если мы помним, в каком педагогически и житейски запущенном состоянии они к нам прибывали.

* * *

Шумная компания нетрезвой молодежи прогуливалась вдоль моря. Доносились пошлые шутки и нецензурные выражения. Были там и две несовершеннолетние девочки. Судя по выражению их лиц, они были не в восторге от своих спутников. К этой компании подошли наши сотрудники, совершающие рейд по ночному Мариуполю с целью поиска беспризорных детей.

Задав несколько вопросов девочкам, служители поняли, что те не по доброй воле находятся в этой нетрезвой компании. Их доставили в центр. Евгений Николаевич стал задавать им вопросы. Одну из девочек звали Катя, другую — Наташа. Им было по четырнадцать лет. Проживали они в неполных семьях в Приморском районе.

— Распишитесь вот здесь, — попросил Евгений Николаевич, заполнив анкеты со слов поступивших.

Подошла Катя, поставила подпись, а Наташа стоит, мнется, к столу не подходит.

— Я не умею писать, — покраснев, призналась девчонка, — и читать тоже.

Битва за школьную парту

Этот факт очень удивил нас, поскольку девочка была опрятно одета. По ее словам, жила она с мамой, но в школу никогда не ходила. Евгений Николаевич решил сам отвезти Наташу домой, чтобы посмотреть, как и с кем на самом деле она живет.

Старый район города, застроенный пятиэтажными гостинками... На третьем этаже одной из них Наташа указала на свою квартиру. Дверь, если ее можно так назвать, была полувыбита, вместо замка — черная дыра. Войдя в малюсенький коридор гостинки, Наташа с моим заместителем сразу же наступили на какой-то мусор. Когда девочка включила свет, в глаза бросилась жуткая картина. Стены комнаты поросли мхом черного цвета. На полу — груды хлама. Огромное количество тараканов зашевелилось под нашими ногами. Подняв глаза на обшарпанный маленький холодильник, Евгений Николаевич увидел двух крыс, больших и серых, которые не спеша, явно пренебрежительно ведя себя по отношению к незванным гостям, спрыгнули вниз и величавой походкой ушли в свои норы в стене.

Мама и бабушка Наташи спали на рваном матрасе прямо на полу. Возле их ног лежали остатки ужина. Запах в комнате стоял ужасный. Проснувшаяся мать мутным взглядом посмотрела на дочь со спутником. Наверное, они не вызвали в ней никаких эмоций, так как она тут же завалилась на свое прежнее место. Разговаривать с ней было бесполезно.

— Поедешь в «Пилигрим»? — спросил Наташу Евгений.

— Поеду, — ответила она, отворачивая глаза от пьяной матери и бабушки.

Так Наташа стала воспитанницей нашего центра и начала обучение в школе. Мама написала заявление, что не возражает против проживания дочери в «Республике Пилигрим». За короткое время девочка освоила программу с первого по пятый классы. Она научилась читать и писать. Превратилась из замкнутой и неразговорчивой в дружелюбную и общительную девушку.

Марио сел за парту, имея за плечами уже несколько пропущенных школьных лет. Алка, попав к нам в свои почти пятнадцать, училась последний раз во втором классе, да и то — символически. В головах Маугли и Спартака понятие «школа» было далеко от них самих. Если и мечтали они когда-то об образовании, то эти мечты, по возможности своего воплощения, были где-то в одном ряду с желаниями попутешествовать на космическом корабле! Но, благодаря усилению многих добрых людей, посланных нам Богом, ребята наверстали упущенное, часто за один год проходя программу двух или даже трех классов.

Аркадий Владимирович Лунин, на тот момент инспектор Службы по делам детей, отвечая за работу «Пилигрима», оказался одним из тех людей, кто помог нам в период становления нашего сотрудничества со школой. Будучи докой в бумажных вопросах, этот человек проявил удивительное мужество, добиваясь решения многих вопросов сквозь непреодолимые для простого смертного бюрократические «джунгли».

Любовь Анатольевна Ларионова, завуч, непосредственно возглавившая работу сети вспомогательных классов при «Пилигриме», конечно же, заслуживает отдельного тома в этой книге. Чего только стоило ей собрать коллектив для работы с нашим контингентом. Сначала преподаватели и слышать ничего не хотели о том, чтобы читать свой предмет у нас. Однако один за другим, преодолевая порой совершенно оправданный страх, собрались замечательные учителя. Без их участия мы имели бы не такие радостные результаты. Вместе с нашими воспитателями эти люди вложили не просто вычитанные часы, но все свои сердца в работу с пилигримами. Они так же, как и штатные сотрудники центра, послужили ко многим добрым переменам, случившимся в сердцах ребят.

Алла Григорьевна, наша школьная медсестра, уже ушедшая в вечность, хлопотала о многих вопросах одновременно.

Битва за школьную парту

Алевтина Петровна — психолог, проводившая бесчисленные беседы с детворой; новый директор школы — Елена Александровна Вареник, не испугавшаяся грозных писем, обрушившихся на нее из виртуального чиновничьего мира в связи с запутанными историями пилигримов, — всем вам еще раз огромное спасибо за то, что вы делаете, участвуя в судьбах теперь уже наших с вами детей.

Любовь Анатольевна, Кронштадт и блоги Спартака

*Лучшее в мире образование — полученное
в борьбе за кусок хлеба.*

Уэнделл Филипс

Когда Любовь Анатольевна впервые перешагнула порог «Пилигрима», он показался ей унылым и мрачным, со специфическим запахом карантинного отдела вперемешку с рыбным супом. По коридору бегали любопытные мальчишки. С таким, достаточно унылым чувством завуч школы, мобилизованная для работы с нашими воспитанниками, вошла несколько лет тому назад в наспех оборудованный, но вполне пригодный для работы класс. На приветствие учителя послышалось недружное «здрaсте». Любовь Анатольевна оглядела своих разновозрастных учеников. Перед ее глазами предстала впечатляющая картина. В 8 классе рядом с четырнадцатилетними сидели

почти восемнадцатилетние парни. Многие из них с трудом читали и не могли переписать готовый текст с доски. Педагог, не успев сказать, что будет учить их черчению, оказалась под перекрестным огнем вопросов.

— А вы к нам надолго?

— А почему вы решили прийти к нам работать? Где вы учились?

— Принесете ли вы нам что-нибудь вкусное?

— А у вас дети есть?

— А сколько вам лет?

За первый урок в тот день ребята не очень далеко углубились в развитие чертежной мысли. Пацаны не умели пользоваться ни линейкой, ни циркулем и очень нервничали, когда что-то не получалось. Зато с каким победным видом они в тот день протягивали тетрадки с неумело вычерченными рамками. Каждый надеялся получить не менее 10 баллов. Новому преподавателю пришлось долго объяснять, за что какой балл ставится. В классе послышался ропот.

— Братья! Учитель лучше знает, сколько вы заслуживаете! Давайте уважать его!

Завуч с удивлением посмотрела на парнишку с красивыми чертами лица и приятным голосом. Это был Марио. Так Любовь Анатольевна познакомилась с первым президентом «Республики Пилигрим».

На перерыве учитель попросила дежурного вымыть тряпку и вытереть доску. Ученик по кличке Малой лениво побрел к умывальнику. Через минуту он появился в классе, волоча за собой тряпку и оставляя мокрые следы.

— Ты почему не отжал тряпку? — спросила она.

— Так вы же просили ее только вымыть! — невозмутимо ответил пилигрим.

В этот же день нашему завучу предстояло знакомство с довольно яркой личностью — Чудиком.

Непедагогическая поэма

— Учительница! Дайте 50 копеек! — нараспев произнес он.

— Меня зовут Любовь Анатольевна, — произнесла женщина. Скажи, что тебе нужно, и я куплю тебе это.

— Учительница! — не реагируя на ее слова, повторил Чудик, — мне нужен клей, чтобы заклеить ботинки!

— Я куплю тебе клей, а ты запомни, пожалуйста, что меня зовут Любовь Анатольевна.

— Хорошо, учительница!

Долго и упорно Чудик не хотел засорять свою память именем преподавателя. Наконец, она не выдержала и сказала:

— С сегодняшнего дня я буду называть тебя просто «мальчиком».

Под конец учебного дня Чудик с торжественным видом вошел в класс и сказал: «Я знаю, как вас зовут! Любовь Анатольевна!»

Оказавшись верной слову, Любовь Анатольевна проявила заботу об обуви Чудика и купила долгожданный клей.

— Откуда у детей «Момент»? — поднял на планерке вопрос Евгений Николаевич. — Вы посмотрите, что делается? У нас, что называется, резвятся подростки с шариками из клея в носу!

Это был первый урок, преподнесенный нашему завучу пилигримами. Дальше начались не совсем обычные школьные будни. Для ребят, выросших на улице, школьные рамки казались слишком тесными. А высидеть 45 минут урока для многих было просто пыткой. Мы терпеливо приучали наших воспитанников к порядку. Прошел месяц. Любовь Анатольевна с удовольствием вела урок в пятом классе, отмечая высокую активность наших «почемучек». Вдруг открылась дверь, и на пороге появился Спартак с утюгом в руке.

— Любовь Анатольевна! Можно я тут у вас блох погоною, а то у нас в комнате розетка не работает!

Урок был прерван взрывом хохота, хотя возможность «погонять блох» любимцу всего коллектива Спартаку так и не представилась.

Повышенный интерес Спартака к истории, а особенно, к истории Второй мировой войны хорошо известен всему коллективу «Республики». Независимо от того, на каком уроке он присутствовал, подросток взрывался эмоциями, переводя обсуждение на военно-историческую ретроспективу. Однажды Спартак с деловым видом спросил у преподавателя черчения:

— Любовь Анатольевна, скажите, что больше Кронштадт или Перл-Харбор?

К счастью, пока преподаватель собирался с мыслями, он сам ответил:

— Я думаю, Кронштадт!

Порой пилигримы, сами того не подозревая, устраивали преподавателям настоящий экзамен. Учитель русского языка и столь нужной нашим воспитанникам этики Оксана Викторовна Павлова рассказывала, как однажды перед ней сел Спартак, листал учебник истории, задавая вопросы буквально по каждой странице. По глубокому убеждению ребят — учителя должны знать все!

В первый год работы педколлектив никак не мог понять, куда же девается мел? Каждое утро учителя решали проблему обеспечения мелом, пока не выяснилось, что его съедают ученики! Преподавателям пришлось проводить нелегкую разъяснительную работу, втолковывая ребятам, что кальций, хоть и полезен, но не в таких дозах.

Школьный проект при «Пилигриме» развивался и начал давать свои первые добрые плоды. Учителя привыкали к ребятам и вместе с коллективом «Республики» становились для них не просто преподавателями. Алефтина Меланчик, наш психолог, для многих не просто педагог, но и настоящий друг. Оксана Георгиевна Земченко, преподаватель

Непедагогическая поэма

физики и математики, также проводит с ребятами куда больше положенного по расписанию времени. Тамара Ивановна Новикова, преподаватель трудов, проявляющий особенное упорство, изготавливая с ребятами различные поделки, постоянно опровергает убеждения некоторых, что у пилигримов, дескать, «руки не из того места выросли». Елена Александровна Вареник, директор школы № 18, защищает нас от чиновников, которые порой совершенно не понимают проблемы, возникающие в учебном процессе с бывшими беспризорниками. Все эти и многие другие люди — Божий дар в изрядно запущенные, с точки зрения педагогики, судьбы наших пацанов. Без вклада этих преподавателей добрые перемены в жизни ребят для меня лично кажутся невозможными.

«Бюрократическая ВДНХ»

Идите и делайте; вы всегда успеете оправдаться позже.
Грейс Хоптер

На втором году работы нашего центра возникла юридическая проблема. Часть подростков, которые прижились у нас и ни в какую не хотели идти в интернаты, просто «зависли» в отношении своего статуса. Тогда в нашей «Республике» появился «Совет семьи» из воспитанников, для которых я являюсь опекуном.

Барби привели к нам сотрудники Службы по делам детей после смерти ее бабушки. Мама девочки была наркоманкой со стажем и на тот момент сидела в тюрьме. По нашей задумке, Барби должна была побыть у нас некоторое время, пока ее оформят в интернат. Однако вопрос лишения родительских прав затянулся. За это время Барби сильно привязалась к ребятам и к нашему коллективу. На вопрос:

«Как быть дальше?» — девочка однозначно ответила, что в интернат не пойдет и хочет остаться в нашем центре.

Миля появилась у нас после того, как посадили ее отца. Мама девочки к тому времени превратилась в алкоголичку и не могла управлять семейством. Миля стала прогуливать школу и потянула за собой младшую сестру Кристину. Каждый раз, прогуливая уроки, Миля придумывала невероятные истории и очень неумело лгала, запутываясь в своих фантастических алиби. Позже Миля рассказывала, что когда ее привели в «Пилигрим», она была глубоко убеждена: слово «пастор» происходит от слова «паста». Увидев меня на каком-то мероприятии в мантии священника, она почему-то подумала, что здесь, наверняка, сильно бьют.

Кристину мы передали в мариупольский центр опеки для детей из-за возраста: девочке тогда было всего 6 лет. Уже из этого центра ребенка усыновила одна американская семья. Побыв некоторое время у нас в центре, Кристина, спросив разрешения, стала называть меня «папой».

Пэппи тоже привели к нам работники СДД. Чернявая девочка с пронзительными не по возрасту глазами жила у бабушки. Отца убили в какой-то потасовке. Отношения с матерью не ладились из-за ее нового сожителя. Последний периодически избивал девочку, которая часто давала повод своим развязным поведением.

Кэн попал к нам после смерти матери. Подросток жил с отцом, но отношения у них не сложились. На мальчишку сильно влиял брат и отнюдь не всегда в лучшую сторону. Воровство стало стилем жизни пацана, основным способом профинансировать свои увеселительные программы. Даже после того, как Кэн прижился у нас, появление этого родственника становилось причиной затяжных побегов. К моменту поступления в «Пилигрим» парень ни одного года не отучился в школе и только здесь, шаг за шагом, стал осваивать грамоту.

Баз вырвался из семьи еще в семь лет, начав свое автономное странствие по жизни. Оставив дом, в котором царствовал «зеленый змей», мальчишка стал жить, где придется, кочуя по мариупольским подворотням. В один из рейдов его также подобрали наши сотрудники. С тех пор жизнь парня стала вращаться вокруг нашей «Республики». Периодически сбегая и возвращаясь к бродяжничеству, он все чаще сам стал приходить к нам, а его жизнь постепенно наладилась.

Баз, Мили, Марио, Кэн, Пэппи, Барби, Маугли и Спартак, Шустрик и Сега, Фил и Тихоня — вся эта «пестрая» команда была оформлена мной под опеку. Надо сказать, что после этого момента я особенно остро прочувствовал, насколько плохо работает постсоветская система в данной сфере. С момента оформления опекунов над этими ребятами мне часто предъявляли совершенно неожиданные, а иногда просто абсурдные претензии.

Как сотрудники «Пилигрима», так и чиновники понимали, что реалии в жизни «Республики» не всегда соответствует законодательству, но и законы в данной сфере порой вообще не пересекаются с подвальной жизнью беспризорников.

— Пастор, что делать? — спрашивал меня в очередной раз сотрудник Службы по делам детей, — новый закон вышел. В вашем домике по нормам не хватает квадратных метров для оформления Спартака под опеку.

— А как насчет квадратных метров в подвале, где он все детство провел? Не помните, как там у него с квадратурой обстановочка была? — иронизировал я. Нужно направить этих законотворцев замеры произвести.

— Какие есть варианты? Может, в интернат его отдадим? — улыбался я, прекрасно понимая утопичность этого предложения.

— Издеваетесь, Геннадий Викторович? — понимающе вздыхал инспектор СДД. — Кто ж его возьмет, с его-то историей и без свидетельства о рождении на четырнадцатом году жизни?

— Хорошо. Тут вдруг меня осенило. Есть один вариант! Насколько я понимаю, нам нужны квадратные метры для ваших различных проверок?

— Правильно понимаете, пастор!

— Давайте бумагу и ручку, сейчас мы все организуем!

Через пять минут из-под моего пера вышел один из юридических «шедевров» под кодовым названием «Привет, бюрократии!». Документ подобного рода действительно мог бы украсить «музей шедевров юридического творчества» даже в эпоху развитого социализма! «Я, пастор Геннадий Мохненко, обязуюсь предоставить гражданину Геннадию Мохненко жилплощадь в необходимых размерах для проживания его подопечного. Дата и подпись».

— Годится? — улыбался я, глядя на многозначительное покачивание головой сотрудника райисполкома.

— А что у нас есть другие варианты? — вздохнул он, упакывая документ в тоненькое из-за своей запущенности личное дело Спартака. — Пастор, но у нас еще одна проблема. У вас зарплата не позволяет брать десятого ребенка под опеку. Как здесь нам выкрутиться?

— Точно так же! — усмехнулся я вновь. — Давайте еще лист бумаги.

«Я, президент Благотворительного фонда «Пилигрим», пастор Геннадий Мохненко, обязуюсь предоставить гражданину Геннадию Мохненко материальную помощь в необходимых размерах для проживания его подопечного...»

— Пастор, ну вы даете! — вздохнул толковый чиновник, подшивая еще один «перл» в папку моего без пяти минут приемного сынишки. — Чертова бюрократия! Чем они только думают, когда свои законы пишут? Как будто на другой планете живут! — разгорячился инспектор.

* * *

Но вышеперечисленные претензии оказались не самыми абсурдными. Однажды, во время очередной проверки того,

«Бюрократическая ВДНХ»

как я выполняю обязанности опекуна, мне предъявили потрясающее, на мой взгляд, обвинение. Сославшись на то, что я до сих пор не оформил детям пенсии и опекунские пособия, мне заявили о том, что я не защищаю права детей! При этом никто не упомянул тот факт, что эти жалкие гроши, которые полагаются мне по закону, я просто-напросто не могу получить из-за «чугунных» бюрократических стен. Полностью игнорируя свои обязанности, чиновники умудрились предъявить мне обвинения! «Ох, уж этот нерадивый опекун! Детские пенсии, аж по 60 гривен, не получает у государства! Стало быть, о детях не заботится!» Печальная ирония во всей этой истории заключается в том, что к тому времени уже второй год нанятый мной сотрудник «Пилигрима» ходил по кабинетам, выстаивая огромные очереди, но все никак не мог до конца решить проблему по оформлению этих нищенских пособий на моих подопечных! В очередной раз представители государства обвинили меня в невыполнении своих же обязанностей! А это они делают профессионально!

Я очень люблю свою страну и верю, что мышление людей в кабинетах непременно изменится, а они начнут инвестировать свою трудовую энергию в реальную помощь и поддержку.

Обвинив меня, проверяющая инстанция предложила рассмотреть вопрос о снятии с меня, «нерадивого опекуна», ответственности за моих подопечных! В личных беседах чиновники говорили мне: «Пастор, мы понимаем, что это безумие, но и вы поймите нас, мы не хотим терять рабочее место!»

В те дни я находился на грани нервного срыва. В моей голове уже был четкий план, что я буду делать, если государственная «машина» своим уродливым чиновничьим прессом решит проехаться по моим подопечным. Но прежде чем предпринять контрнаступление, я решил обо всем уведомить мэра нашего города. Юрий Юрьевич, будучи опытным руководителем, улыбнулся и дал мне добрый совет:

Непедагогическая поэма

— Пастор, а что ты хотел? Тебя и будут клевать все, кому не лень. Причина этому одна. То, что ты делаешь, еще не прописано в законах, которые далеко не всегда успевают за реалиями нашей жизни.

— Юрий Юрьевич, меня просто заваливают этими виртуальными требованиями. Совершенно не дают работать! Детьми некогда заниматься — только писаниной и хождениями по кабинетам, — жаловался я.

— Не сдавайся, пастор! Еще раз спасибо за то, что ты взялся за нелегкое дело! — улыбался наш городской глава, обещая свою поддержку в боях с чиновничьим бюрократизмом.

Благодарение Богу, этот постыдный наезд на нас, по выражению Маугли, «был отбит». Пацаны, узнав о том, что их хотят забрать и снять с меня обязанности опекуна, во-первых, расхохотались, а во-вторых, были настроены на серьезные разборки с чиновниками.

— Где они были, когда я в подвале жил? — совершенно логично подвел итог Спартак на семейном совете, — а теперь бумаги пишут, Пушкины, блин!

* * *

Таким образом, аккуратно и радикально обходя юридические «риффы», мне под опеку оформляли тех ребят, у которых в нашей системе не было других шансов. Чтобы прижившимся в «Пилигриме» ребятам дать хоть какой-то шанс вырваться из беспризорной жизни, мы шли на самые нестандартные меры.

— Пастор, возьмите Швыдкого под опеку, пожалуйста! Пропадает мальчишка от наркотиков!

— Понимаю, что пропадает. Но ему не опека нужна сейчас, а закрытая наркоклиника. Он же уже четыре года «в системе». Думаю, он долго не протянет.

— Да нет у нас никакой закрытой системы! Мы его с вами уже сколько раз отвозили в наркологию? «Пилигрим» для

него — единственный шанс! Он же в интернате и минуты не выдержит! Да и не примут его туда, — констатировал руководитель СДД печальный факт.

Оформив опеку над этим мальчишкой, я прекрасно понимал, что наш шанс на успех, мягко говоря, не велик. Но я также осознавал, что это единственный шанс, который у него есть. Мальчишка с ВИЧ-инфекцией в последней стадии в свои четырнадцать лет, с многолетней наркозависимостью был в критическом состоянии.

— Привет, родненький! — попытался я подбодрить умирающего в реанимации подростка. — Не поддаваться скорбям!

— Не, пастор, сдохну я, — выплевывая куски легких в тазик с кровью, ответил Швыдкой. — Прости меня за все! Прости за непослушание, за побеги, прости, что кололся...

— Так юноша, отставить ныть! Побольше оптимизма! Мы с тобой еще повоюем! — перебил я исповедь пацана.

— Нет, — пытаюсь улыбнуться, остановил меня мальчишка, я, как Баз и Балу, уже отвоевал. — Пастор, спасибо! — с трудом приподняв голову над тазиком и посмотрев мне прямо в глаза, произнес пацан. — Передай от меня всем воспитателям, всем в церкви, всем пиликам — это лучшее, что у меня было! Передай всей детворе, чтобы не повторяли моих ошибок, — сквозь кашель, сплевывая кровь, попросил он. — Пастор, я помолюсь...

За годы моего пасторского служения мне довелось проходить через многие рвущие сердце моменты и, вне всякого сомнения, тот вечер в реанимации входит в их грустное число. Возвращаясь той ночью домой, я, честно говоря, задумался о возможной смене профессии.

— Господи, прости меня и прими мою благодарность! — склонив голову на руки, начал молитву Швыдкой. В тот вечер мальчишка-наркоман вел меня, пастора, в молитве. Благодаря Бога за все доброе в своей жизни, Артур умер от СПИДа где-то через час.

Хороший гроб или что такое утренник

*Там, где солнце встает до рассвета,
В океанах купаются зори,
Где-то там много яркого света.
И совсем нет печали, и горя.*

*Там укрылось веселое детство,
Навсегда распрощавшись со мною,
Обернулось и мило, с кокетством,
Подмигнуло, махнуло рукою...*

Татьяна Велк-Углова «Детство»

- **Д**оброе утро, пастор!
- Самое что ни на есть доброе! — потрепав по плечу, поприветствовал я Мавпу.
- Ну как, приходишь в себя, чудо гороховое? — поинтересовался я, взяв парня за руку и рассматривая его дырки на венах.
- Потихонечку... Я уже думал, не выкарабкаюсь. Сегодня первый день, как встал прогуляться.

— Хорошо, хоть откачали, успели, — улыбнулась подошедшая Ольга Владимировна. — Ну что, мой родной, подлечимся и опять в подвал?

— Ни за что! Скажи наркотику «нет»! — сделав серьезное лицо, продекларировал наш агитатор, шатающийся от измотавших его подвальных походов.

Родная мать и псевдоотец, бросив парня еще дошкольником, умчались куда-то в сторону севера за проклятым «длинным рублем». Бабушка Мавпы умерла, затем развалился и домик-сарайчик. Так и пошел парень по миру приблизительно с шести лет. Клей, а затем и наркотик стали нормой, а со временем эфедриновый дурман оказался для него смыслом жизни. Дважды парня спасали от смерти работники центра, вытаскивая еле живого из подвала, откачивая и ставя его на ноги. Однако, немного придя в себя, парень вновь срывался и возвращался на улицу.

— Завтра идем на утренник! — объявила воспитательница пилигримам радостную весть.

— Ес! Вау! Аллилуйя! — закричали пацаны изо всех углов, предвкушая не только веселье, но и соответствующие рождественские сладости.

— Тетя Оля, — среди всеобщего ликования раздался вопрос Мавпы, — а что такое утренник?

— Серега, хорош издеваться, — бросила Ольга, — некогда мне сейчас с твоими подколками.

— Я серьезно, — обиженно отвернувшись, буркнул тринадцатилетний Мавпа.

— Подожди, ты что, правда, не знаешь слова утренник? — повернув к себе этого «сына подземелья» и внимательно посмотрев ему в глаза, спросила воспитательница.

— Не знаю!

— Вы спросите, что такое барбитура? — засмеялся Чудик, — он вам целую лекцию прочитает.

— А что такое барбитура?

— Да гадость это большая у наркоманов! — расхохотался Чудик, радуясь тому, что шутка удалась.

Во время этой необычной беседы, став невольным слушателем диалога, рядом находился один из служителей Центра «Преображение». На глазах у него, судимого несколько раз, имевшего за плечами пятнадцать лет наркотиков, выступили слезы.

— Ну вы, пацаны, даете... — приходя в себя, выговорил он, — видел я всякое, но чтобы на четырнадцатом году подросток не знал слова «утренник», такого в мои времена точно не было. Это уж совсем, пацаны, плохо дело!

Как мы выяснили в тот день, Сергей действительно ни разу в жизни не был ни на одном утреннике, ни на одном карнавале. Он ни разу не посетил новогоднюю сказку в театре и никогда не присутствовал на праздничной елке. С самого детства его уделом стал подвал и наркотики.

На следующее утро, приодевшись, насколько позволили наши секондхендовские запасы, воспитанники отправились на самое настоящее новогоднее шоу. Радости не было предела, а когда время дошло до раздачи подарков, веселье, как всегда в таких случаях, перемешалось с некоторой степенью напряжения из-за страха, что кому-то чего-то не хватит. Среди пилигримов, выигрывающих одну за одной викторины, особенно радостно было смотреть на Сергея. Стесняясь принимать активное участие в конкурсах, он все больше терся у стены, бережно держа в руках свой первый в жизни новогодний подарок. Это было первое Рождество в его нелегкой судьбе, это был первый Новый год, встреченный человечески, а вечером того же дня был праздничный стол; впервые парень слушал и, как мог, подпевал «Тихую ночь». К сожалению, этот первый праздник стал в его жизни последним...

— Пастор, плохие новости, — прибежав ко мне домой, сообщил Чух. — Мавпа умер... Только что нам сообщил пацан, прибывший с улицы.

— Где? — приходя в себя после продолжительного молчания, задал я, как всегда в таких случаях, не очень важный вопрос.

— Я еще ничего толком не знаю. Пацан говорит, что ему Вирус сказал, он якобы с ним кололся и видел, как Мавпа откинулся.

— Тащите мне сюда этого информатора! — распорядился я.

— Есть! — отчеканил Чух и убежал в «Пилигрим».

— Как просто, как естественно они воспринимают такую жуткую новость, — подумал я, смотря на несущегося вприпрыжку пацана.

Через десять минут мы выясняли неприятные подробности. Находясь неделю в отъезде со всем «Пилигримом», мы не делали ни одного рейда по подвалам, а именно в эти дни развернулась драма, главным героем которой стал Мавпа. Отойдя от наркотика и убежав от нас в очередной раз, он опять вернулся к эфедрину и уже несколько дней не вставал, расположившись в лесопосадке. Всего лишь в тридцати метрах от частных домов, в тридцати шагах от обычной человеческой жизни, среди кучи мусора этот подросток заканчивал свою горемычную жизнь. Пара его «друзей» приносили и кололи ему наркотики даже тогда, когда он уже не вставал, вероятно, полагая, что этим помогают уменьшить боль.

— Мавпа, ну не ной! Страшно ты как-то ноешь, — пытаюсь утешить, говорил Вирус Сергею, вкалывая дозу только что купленного у барыг эфедрина.

— Вирус, отволоки меня в «Пилигрим», — стонал Мавпа.

— Да уехали они все, никого там нет. Не трюнди, щас полегчает! — успокаивал «наркоколлега». Я, помнишь, какой был месяц назад, ты ведь тоже думал, что кони двину, а я вот, видишь, как огурчик!

— Че ты там бурчишь? — прислушиваясь к бреду Мавпы, поинтересовался Вирус. — Молишься, что ли? Ну ты даешь!

Под стоны вперемешку с молитвой Серега заканчивал свой короткий и своеобразный жизненный путь. Когда через пару часов он умер, Вирус дал деру, а только через несколько дней, боясь проблем с милицией, передал через пацана нам эту новость.

Когда я с Артемом поехал в морг на опознание, дело оказалось совсем не легким. Среди обезображенных тел в отделе для бомжей мы не без труда нашли труп Мавпы. Парень начал гнить еще заживо. Прележав на улице в разгар летней жары трое суток, тело профессионального эфедринщика, пропитанного химией, мгновенно начало разлагаться. В общем, зрелище было жуткое.

Договорившись с сотрудниками морга и выполнив все необходимые в таком случае формальности, мы подтвердили, что у пацана нет никаких родственников, поэтому нам разрешили организовать похороны. Как всегда выручила фирма «Скорбота».

— Ирина Викторовна, нам бы гробик попроще, — обратились мы к директору этой похоронной компании, поведав историю Сергея.

— Возьмите вот этот, — указав на достаточно приличный вариант, сказала она, — у пацана жизни не было нормальной, пусть хоть в землю по-человечески ляжет.

Похороны были короткими. Речь у гроба Мавпы как-то не сильно у меня клеилась. Это больше был разговор, особенно с теми, кто пришел с улицы специально на это мероприятие. Некоторые ребята после похорон и скромных поминок, организованных нами, остались в «Пилигриме» и обещали, как когда-то Серега, поумнеть и окончательно завязать.

Проклятие городским наркоторговцам и их покровителям

Проклят, кто тайно убивает ближнего своего! И весь народ скажет: аминь. Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную! И весь народ скажет: аминь.

Второзаконие 27: 24-25

После смерти Мавпы я взорвался. Этот внутренний протест выплеснулся на бумагу и стал первой полосой нашей городской газеты «Мариуполь Христианский». Данную публикацию один из чиновников прокомментировал следующим образом:

— Пастор, зачем вам неприятности? Неужели вы не понимаете, что это слишком серьезно?

— Не серьезней, чем смерти сотен пацанов и девчонок! — возможно, немного резковато ответил я.

— Нам еще вашей смерти не хватает, вы бы о семье подумали, о своих детях!

— В этом смысле все дети мои, — бросил я напоследок, явно не разделяющему резкого тона публикации работнику госаппарата.

Ниже текст статьи приводится без сокращений:

ПРОКЛЯТИЕ ГОРОДСКИМ НАРКОТОРГОВЦАМ И ИХ ПОКРОВИТЕЛЯМ...

АНАФЕМА

Извините за то, что слово «проклятие» режет слух. Если хотите, я заменю его на более благозвучное церковное — АНАФЕМА. Смысл от этого не меняется, но звучит как-то мягче. И дело здесь вовсе не во мне и не в моих изрядно затронутых вами и вашим черным бизнесом чувствах. Понятие «проклятие», в соответствии с Библейской трактовкой, имеет в своей основе проблемы, возникающие у человека со стороны Господа Бога, когда наше сердце, уклоняясь от Божьих путей, выбирает стези зла.

Проклятие — самоопределение человека. Проклятие — результат нашего выбора и причина всех наших невзгод. Оно не снимается массами бабушек-шептух или их более респектабельных коллег-экстрасенсов, парапсихологов и психотерапевтов. Оно не отговаривается старинными колдовскими методиками или ультрасовременными медицинскими технологиями. Проклятие — это печать позора в глазах Бога и людей. Это штамп, выжженный на руинах вашей совести, горем матерей и отцов, дети которых посажены вами и вашими «шестерками» на иглу. Это «черная метка» в вашей судьбе, помеченная слезами детей, чьи родители умирают в наркодурмане. Проклятие — это рельсы, по которым ваша собственная жизнь и жизнь ваших детей будет скатываться вниз, до полного провала

Проклятие наркоторговцам

судьбы. Проклятие — это источник тех бед, которые приходят в вашу жизнь, господа наркодельцы. И эти беды умножатся в детях ваших, ибо сказано в Слове Божьем: «Ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня» (Исход 20:5).

БУМЕРАНГОВЫЙ ПРИНЦИП ЗЛА

Вполне возможно, что вам удастся избежать карающей руки милицейской, ибо она зачастую нечиста. Щедро подкармливая чиновников с буквами «МВД» на погонах и откупаясь от людей, усевшихся в сверхприбыльных по нынешним временам креслах отделов по борьбе с наркоторговлей, вы ничем не сможете откупиться от гнева Творца неба и земли. Он видит зло, творимое вами, и «Господь же посмеется над ними, ибо видит, что приходит день их» (Псалом 36:13).

Зло непременно вернется к вам. Это его свойство. Оно отыщет вас на ваших виллах и фазендах. Оно достигнет на экзотических островах и мировых курортах. Оно не даст вам и вашим детям покоя. За кровь пацанов и взрослых, сколотых вами, с вас взыщется. Образование, купленное эфедрино-маковыми барышами вашим детям жизнью Сережки Шнуркованюка (парнишка прожил всю сознательную жизнь в наркотумане и умер недавно на свалке), не пойдет им впрок. Посеянное умножится и будет пожато вами и вашими потомками! Библия говорит: «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю» (Осии 8:7).

ПОКРОВИТЕЛЯМ НАРКОДЕЛЬЦОВ

И вам, позорящим мундир, потрошащим карманы наркоманам и лобызаяющим запачканные кровью пацанов руки наркодельцов... Вам желаю успехов на поприще «показухи

Непедагогическая поэма

в борьбе с наркоторговлей». Одной рукой задерживая очередного еле живого наркомана, а другой беря взятки и охраняя его «кормильца», спите спокойно! Не вы же, в конце концов, источник зла! Вы лишь «невинный винтик» в этой дьявольской машине, перемалывающей человеческие судьбы, и вы правы, говоря, что «кому больше дано, с того больше спросится»! Это действительно Божий принцип. Но есть и еще один: «Каждому воздастся по делам его» (Римлянам 2:6), и вам его тоже не избежать. И ничего, что без этой вашей «шестереночки» «наркотическая мануфактурная человекоурубка» не может работать... Такова система, и, вообще, вы правы, оперативный контроль и поддержание наркоточек вам необходимы для эффективной борьбы с преступностью. Жаль только, что это подобно поддержанию борьбы с курением со стороны производителей табака, а посему, в основном, декларативно.

НЕ ХОДИТЕ В ЦЕРКОВЬ

Да, кстати, не ходите в церковь, не ставьте свечи и не тратьтесь на иконы. «Для чего Мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны? Все-сожжения ваши неугодны, и жертвы ваши неприятны Мне. Посему так говорит Господь: вот, Я полагаю пред народом сим преткновения, и преткнутся о них отцы и дети вместе» (Иеремии 6:20-21).

А если уж соберетесь в храм, то прихватите с собой вместо денег ваших грязных сердца раскаивающиеся. Молите Господа о прощении и милости Его. И не забудьте перед этим курьеров ваших уволить, и руки вымыть от нечистот. Расстаньтесь со злом, обратитесь к добру, чтобы помиловал Господь и отвратил суды свои от вас. Ибо «скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Притчи 28:13).

Проклятие наркоторговцам

И простите все, кого задел в этом обращении! Деваться мне просто некуда. Долг священника — говорить то, что говорит Господь Бог в Слове Своем! Молюсь за вас. Да дарует Вам Господь либо покаяние, либо наказание свое!

*Старший священнослужитель
«Церкви Добрых Перемен»
Директор Центра детской реабилитации
«Республика Пилигрим»
Председатель совета попечителей
Приазовского реабилитационного
монастыря «Преображение»
Геннадий Мохненко*

Табачная Война или размышления о строгости

*Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына;
а кто любит, тот с детства наказывает его.*

Притчи 13:24

В одном из водных походов компанию пацанов уличили в курении. Однако, выслушав лекцию на соответствующую тематику и получив трудовые эпитимьи, уже через час эта же компания отличилась вновь. Вернувшиеся из похода за дровами ребята опять пахли табаком.

— Равняйся! Смирно! — скомандовал я нарушителям. — Господа курцы, приступаем к процедуре изгнания из легких остаточных веществ от процесса табакокурения! Потом, разбавив никотиновые молекулы, будем удалять оные весьма напряженным комплексом физической подготовки. За мной! Бегом, марш!

— Шире шаг! — поторапливал я ребят, решив по-настоящему «взбодрить» их за дерзкое поведение.

Пару километров кросса, сотня отжиманий, подтягивания, переплывание через реку, к счастью, оказавшуюся узкой

Табачная война

в этом месте, — все это входило в программу нашей борьбы с курением. Не знаю, как пацаны, но я, не кутивший и прежде, уже во второй части комплекса упражнений решил быть еще более верным данному принципу.

Уже в середине процесса пацаны начали высказывать свои сомнения в том, что сигарета, как хобби, подходит к их стилю жизни. Уверенность в этом, судя по их словам, крепла с каждым приседанием.

— Какое глупое все-таки занятие — курение! — высказал гениальную мысль Тоха, отжимаясь рядом со мной. — Просто невероятно, как это я мог на сигарету соблазниться?

— Ой, не говори, не пойму, как сама мысль о папиресе могла ко мне в голову заскочить! — поддакивал Киндер, вытирая текущий ручьем пот.

— Смотри, Киндер, а ведь Минздрав не так уж прав, утверждая, что курение вредит здоровью. Когда бы мы еще так потренировались, да еще и вместе с пастором. Если мы будем пару раз в неделю курить с такими последствиями, то через два месяца сможем выступать на соревнованиях по бодибилдингу! — уверенно заявил Тоха.

— Ага, — усомнился я, — в разделе «доходяги сезона, косящие под культуристов»! Принять упор лежа! Еще по 20 отжиманий!

— Обижаете, пастор, — улыбнулся Киндер, продолжая наращивать мышечную массу. — Не знаю, Тоха, как ты, но я, наверное, буду завязывать!

Увы, но этим словам Киндера пришлось не раз проходить испытание на прочность. Бой с курением в его жизни растянулся во времени. Парень объявлял его чуть ли не каждую неделю и часто терпел, по его словам, поражение в этой битве. Нередко уже на следующий день соперники встречались заново. Курение стало одной из стабильных проблем, с которыми мы имели дело в «Пилигриме». Несмотря на то, что предыдущие грехи наших воспитанников с никотиновой

проблемой не шли ни в какое сравнение по своей тяжести, мы понимали, что ни в коем случае нельзя сдаваться.

Для многих пацанов сигарета в зубах становилась символом свободы и независимости от старших, эдаким «знаменем возмужания» над их головами. Пряча этот стяг от воспитателей, некоторые с помощью папиросы пытались доказывать друг другу свою стильность и, как они выражаются, «продвинутость». Несмотря на тяжесть этой борьбы, мы все же выработали четкое понятие в головах воспитанников о том, что у нас это не принято. Когда наши пилигримы попадали в государственные интернаты или приюты, то убежав оттуда, часто рассказывали, как о недостатке, а не о достоинстве, что там свободно курят, и никто не гоняет.

Наблюдая этот процесс, я еще раз убедился, что в воспитании необходима как любовь, так и строгость. Каждый подросток, демонстрируя свою свободу и переступая проведенную взрослыми черту, в глубине души ждет, что кто-то старший, большой, сильный и непременно любящий скажет ему «нет» и решительно остановит, вернув к этой черте. Одно из самых глубоких заблуждений в современной системе понятий — это убеждение, что ребенка не нужно наказывать, а позволять ему все, чего желает его душа. Библейская истина о необходимости наказания как формы проявления любви к своему ребенку, к сожалению, сегодня нуждается в толковании.

— Вы что там их, наказываете? — удивленно поднимая брови вверх, спрашивали меня разные люди в больших кабинетах.

— Естественно! — улыбался я. Так же, как и своих собственных детей!

— Не думаю, что это правильно. Ребята и так злятся на весь мир.

— Они злятся не потому, что их наказывают, а потому, что до них никому не было дела, некому было любить и

Табачная война

останавливать их от совершения зла! — вступал я в полемику, которая с некоторыми чиновниками продолжается и по сей день.

Часто с благодарностью вспоминаю моих тренеров, которые в свое время послужили мне хорошим примером, как быть строгим. За гадости, к которым мы, как и все дети, были в какой-то мере склонны, в секции вольной борьбы были предусмотрены определенные наказания. Вспоминаю, как в качестве педагогического приема чудесно срабатывали дополнительные физические упражнения. За особые проступки тренер мог снять кед и хорошенечко надавать по соответствующему месту. Надо сказать, что, будучи общепринятой нормой в нашем спортивном коллективе, а не просто прихотью наказывающего, подобные методики никогда не воспринимались нами, как оскорбление достоинства. Мы понимали: переступил черту — попадаешь под «раздачу». Это осознание формировало в нас уважение как к общепринятым человеческим, так и к сугубо нашим, спортивным, этическим нормам.

В «Пилигриме» мы формировали систему наказания вместе с ребятами. Наш «уголовный» кодекс воспитанники создавали вместе с воспитателем, понимая его необходимость и устанавливая рамки приемлемого в реабилитационном центре. Надо признать, что к созданию законов пилигримы всегда подходили творчески. Вот несколько примеров истинных законодательных шедевров:

- Несмытый унитаз — наряд на уборку туалетов.
- Невымытые ноги перед сном и руки перед едой моются 10 раз, на глазах у всех.
- Не кататься на стульях, или на тебе верхом будет кататься брат.
- Мяч о здание не лупить, иначе мячом влупят по тебе.
- На партах не писать, иначе пастор напишет на лбу.
- За руки, потертые мылом для запаха, — пища выдается только понюхать.

Непедагогическая поэма

• За курение воспитанник центра получает полчаса «аиста» и день наряда на кухне. Также провинившийся пишет сочинение о вреде курения на пять страниц.

Среди всех законов, утвержденных в нашем государстве, больше всего меня впечатлил следующий:

• За мат и ругательные слова мальчиков — пасторский кед 46-го размера оставляет отпечаток на месте, предусмотренном для этого Господом, плюс одноразовое мытье туалета.

Государственное строительство. Крысы, судьи и коммивояжеры

*Государство существует не для того, чтобы превращать
земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей
окончательно превратиться в ад.*

Николай Бердяев

Как и полагается каждому новому государству, после провозглашения независимости мы приступили к активному государственному строительству. Одним из первых наших успехов на данном поприще было утверждение конституции, избрание президента и формирование кабинета министров.

Основной закон «Республики» определил статус трех категорий воспитанников. «Пришельцами» согласно данному

документу у нас именуются новички в течение одного месяца после прибытия в «Республику». Через месяц, в торжественной обстановке, на Совете «Республики» пришелец получает титул «гражданина», а еще через три — за ним закрепляется почетное звание «свободного гражданина». В случае, если ребенок прожил в центре 9 месяцев без клея и наркотиков, он получает высшее конституционное «звание» — гвардии пилигрим! Именно по этим категориям были разделены права и обязанности первого поколения республиканцев. Все привилегии и повседневные хлопоты в нашем государстве распределяются в соответствии с данной классификацией. Так, к примеру, пришельцы пользуются конституционным правом особой заботы и повышенной степенью уважения. Любые провинности старожила-гражданина по отношению к новым ребятам в центре наказываются особенно строго. С другой стороны, свобода передвижения, участие в правительстве «Республики», наряды в спецназ и другие привилегии предоставлены только гражданам, свободным гражданам и гвардии пилигримам.

Первым президентом «Республики» был избран Марио. Этот парнишка 13-ти лет, безусловный авторитет (в положительном смысле этого слова), возглавил наше государство после первых выборов. Непростая задача управления явно отвыкшим от всякой власти народом требовала немалого мужества от Марио, но надо отдать ему должное — справлялся он со своей обязанностью просто блестяще. Чтобы подчеркнуть почтение к нашему государству, мы, как и любое уважающее себя общество, приняли решение обращаться к нашему президенту (в официальной обстановке) на Вы и непременно «господин президент».

По прошествии некоторого времени, после избрания Верховного Совета Украины, у нас в «Республике» состоялись вторые выборы. Перед десятками воспитанников стояла непростая задача — выбрать из своей среды премьер-министра

и двенадцать министров, несущих ответственность за разные сферы деятельности: министра финансов, иностранных дел, транспорта, пищевой промышленности, культуры, образования, спорта, обороны, внутренних дел и т.д. На этих выборах президент Марио абсолютным большинством голосов был переизбран на второй срок.

Новые должности судьи «Республики», прокурора, адвоката и двух следователей также были внесены в список для голосования. Выборы прошли по всем международным правилам: персональные кабинки, урна для бюллетеней, воспитатели, которые выступили в роли избиркома, — все, как у взрослых. На следующий день после оглашения результатов состоялась торжественная инаугурация президента и нового правительства.

Однако, надо признать, что у нас тоже не все гладко в высших эшелонах власти. Одно из чрезвычайных происшествий в пилигримовском кабмине было озвучено в докладе нашего администратора весьма лаконичной фразой: «Пастор, у нас ЧП. Сегодня ночью министр транспорта обписал кровать министра животноводства».

— Господин министр, доложите по вашему ведомству. Объясните членам правительства, каким образом крысы в клетке перегрызли друг друга? — попросил президент отчитаться Киндера.

— Я... ну... вроде как их кормил...

— Крыса есть крыса, — вступился Сега за коллегу, — что с нее возьмешь? Может, ей наша каша не подходит. Вот и закусила собратьями!

— Я думаю, что здесь еще вопрос совместимости, — слегка заикаясь, сказал Маугли. Вы, товарищ министр, не изучили тщательно этот вопрос и усадили в одну клетку три разных вида. А у них, допустим, вековая кровная вражда была по подвалам. Может, у них уже генетика враждебная, а вы проигнорировали естественные законы.

— Министру животноводства объявляем выговор! — резюмировала Тихоня, будучи премьер-министром в «Республике».

— И приказываем грызунов, павших в боях за честь своего рода, захоронить с почестями, — добавила Барби.

— Только, если позволите, в братской могиле, — попросил снисхождения Киндер.

— Хорошо! Можно в братской, но захоронить немедленно, а то они как пали, так и лежат уже сутки.

— Что прикажем делать с победителем в этой войне? Одна особь выжила и потихонечку занимается каннибализмом, — проинформировал членов правительства министр образования Шустрик.

— Я бы ее департировал назад в зоомагазин. Это единственный шанс для Божьей твари дожить до старости. У нас ее заморят, — без тени сомнения пророчествовал Тоха.

— Если не Киндер голодом, то Шланг своими экспериментами. Он, как фашист, все свои коварные опыты на живности ставит. Я бы и на него телегу в суд накатал.

Одно из очевидных достижений «Республики» — организация собственного судебного органа и сформированная исправительно-трудовая система. Кто-то верно подметил, что единственная сфера, в которой мы не имеем недостатка, — это правонарушения. Среднестатистический пилигрим не привык к правилам. Его философская система не имеет четко выраженных границ, и вся психология бывшего беспризорника противится демаркационным линиям правил и законов. По этой причине судебная система в нашем государстве имеет не скорую перспективу остаться без работы.

Каждый гражданин «Республики Пилигрим» имеет право подать заявление в Верховный суд. В случае, если оно подписано президентом, то дело принимается к рассмотрению. Каждое заседание суда — это театральное

действие, жанр которого трудно предсказать заранее. Комические фрагменты в этом шоу самым невероятным образом переплетаются с драматическими элементами в речах нашего прокурора и «лирической» линией защиты, которую предлагают наши талантливые адвокаты.

— Какое право ты имел на рукоприкладство? — грозным тоном начал свою речь прокурор.

— Я протестую, Ваша честь! — возмутился адвокат. — Имеет место искажение фактов дела! Это было линейкоприкладство!

— Линейкоприкладство невозможно без рукоприкладства к линейке! — наседало обвинение. — К тому же ты обзывал сестру, что является низким поступком и попадает в категорию особо тяжких преступлений!

— Многоуважаемый суд «Республики»! — приступил адвокат к своей заключительной речи. — Прошу учесть специфику подростковой психологии. В том возрасте, в котором нынче находится мой подзащитный, внешние, порой грубые вещи скрывают за собой истинные и зачастую противоположные мотивы. Давайте заметим, что дергание сестер за косички далеко не всегда является доказательством негативных чувств в нашем возрасте. Я бы даже сказал, что чаще всего, — это неуклюжее проявление влюбленности. Рискну предположить, что обвиняемый на самом деле неравнодушен к потерпевшей. Именно это чувство подтолкнуло его к столь неординарным действиям!!!

— Ты, это, не перегибай, — покраснев, перебил обвиняемый. Но это лишь прибавило дополнительные аргументы увлекшемуся не на шутку защитнику.

— Посмотрите на румянец, заливший его щеки! Это верное доказательство правоты моей версии! Эти красные пятна на его лице на практике демонстрируют, какую глубокую, я бы сказал, фундаментальную ошибку совершило обвинение, предъявив моему клиенту статью «рукоприкладство»!

— Пастор, — нарушив ход заседания, прервал дебаты сторож, — дайте, пожалуйста, ключи от офиса.

— Вот, например, вы, многоуважаемый, — тут же вовлек в судебное разбирательство вошедшего адвокат, — скажите, каким образом в школьные годы вы проявляли свою симпатию к одноклассницам?

— Ну... — заулыбался сторож, — ну как? Дергал, конечно, за косички, записки всякие писал, линейкой лупил.

— Вы слышали! — торжествуя, заорал наш оратор. — Прошу занести в протокол и немедленно освободить моего подзащитного из-под стражи! Господа судьи, это — любовь! А кто из вас дерзнет осудить это прекрасное, светлое и, безусловно, христианское чувство! — повысив голос до предела, закончил адвокат.

Зал взорвался овациями. Это была поистине адвокатская удача, но надо признать, что наши судьи не сочли даже столь великолепные аргументы достаточными для смягчения наказания. Прокурор оказался не менее одаренным и спустил всех на землю своими контраргументами. Обвиняемый был осужден. Наряду с трудовыми наказаниями суд обязал его написать несколько страниц комплиментов пострадавшей от линейки и от его злого языка.

В качестве наказания наш суд предлагает весьма широкий спектр средств для исправления сердца провинившегося. Но особой мерой является определение в штрафбатальон на определенное количество часов, а в некоторых случаях и суток. Трудовые повинности под надзором комбата этого спецподразделения являются, по всеобщему признанию, наиболее эффективным средством исправительной педагогической стратегии. На протяжении 4-х часов в день (все свободное время, кроме учебы) провинившийся занимается общественно полезным трудом, чтобы искупить свои преступления. Недавно, дабы улучшить эффективность данного подразделения, Совет «Республики» решил выдавать

штрафникам специальную полосатую одежду. Как считают законотворцы, это сделает наглядным статус осужденного для всех граждан нашего государства, что не даст провинившемуся возможности увильнуть от штрафбата.

Верховным судьей «Республики» является наш президент. Пользуясь своей властью, он время от времени объявлял весьма солидные амнистии, радуя счастливиц, чьи дела на то время подошли к рассмотрению.

В деятельности центра существует немало всевозможных структур. Спецподразделение «Мангуст», занимающееся ночной охраной нашего здания и близлежащей территории. «Ночные дозоры», которые пользуются особой популярностью у воспитанников центра. Во время этих рейдов сотрудники «Пилигрима» объезжают места потенциального скопления беспризорников с целью обнаружения хронических бродяг, а также тех ребят и девочек, которые имеют зависимость от наркотика. Расширением данного проекта является создание при центре группы «Альфа» при подразделении ОБОБ (Отдел по борьбе с организованной беспризорностью). Должности сенаторов и зарплаты министров в введенной нами валюте «пилигривнях» являются хорошим стимулом в политической борьбе перед выборами.

Курсу пилигривни, стартовавшему с 9 копеек за одну банкноту, наши аналитики пророчили рост и были уверены, что вопрос вытеснения доллара с украинского финансового пространства нашей новой денежной единицей всего лишь дело времени. Однако, справедливости ради надо признать, что нынче наша валюта не в большой цене. Менялы и, к сожалению, кидалы тоже присутствуют в «Республике». Благодаря введению собственной валюты, проявились и незаурядные коммерческие таланты, сокрытые в пилигримах. Получив первую зарплату (от 10 до 100 пилигривен), в зависимости от своего конституционного

Непедагогическая поэма

уровня и занимаемой должности, наши воспитанники продемонстрировали чудеса коммивояжерства. Наиболее талантливые и энергичные наладили закупку супов «Мивины» у магазина «1000 мелочей» по 30 копеек (3 пилигривни) и продажу по 5 пилигривен в «Республике».

С каждым месяцем наше государство крепло, росло и развивалось. Налаживался внутренний и внешний порядок. Создавался наш специфический «республиканский» стиль жизни.

Высокие гости

Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте.

1 Тимофея 2:1-2

Особым политическим событием в жизни «Республики» стал неожиданный, поразивший нас визит высокого гостя. Телефонный звонок застал меня в Киеве.

— Пастор, завтра в час дня у нас будет Виктор Янукович! — ошарашила меня секретарь Лариса.

— Повтори, не понял, — растерялся я от неожиданности.

— Звонили из мэрии и сообщили, что в Мариуполе будет губернатор. В его планах посещение «Пилигрима».

— Хорошо, готовьтесь там. Я выезжаю. Должен, по идее, успеть...

К утру добравшись на поезде до Донецка, я нанял такси, чтобы перескочить на Мариупольскую трассу. Однако, водитель оказался христианином из одной донецкой церкви. Прервав свой рабочий график, парень решил отвезти меня прямо в Мариуполь.

За час до намеченного приезда руководителя Донецкого региона в «Республике» было уже полным-полно гостей. Начальство всех мастей суенилось, помогая нам привести в порядок разные мелочи. Один только Юрий Андреевич выглядел на общем фоне спокойным и невозмутимым.

Первым подъехал Владимир Семенович Бойко. Пацаны обступили директора комбината имени Ильича.

— Чем занимаетесь? — поинтересовался наш гость.

— Учеба и футбол! — отчеканил Джакс.

— И что успешней идет?

— У меня футбол, — усмехнулся Маугли, — а у него учеба.

— Дядя, а это, правда, пистолет? — указывая на кобуру, обратился к телохранителю Кэн.

— Правда, — ответил за своего охранника Владимир Семенович.

— Дядя, а покажи, — не унимался любопытный пилигрим.

— Ну ладно, покажи, — попросил Бойко.

Расстегнув кобуру, парень вытянул пистолет и продемонстрировал его восхищенным ребятам.

— Дядя, а дай подержать, — продолжал Кэн.

— А ну, гвардия, разбежались! — скомандовал я, понимая, что эта дерзкая просьба далеко не последняя в списке желаний наших пацанов.

— Ну дают, — улыбнулся Владимир Семенович, — сколько их сейчас у вас?

— Восемьдесят на данный момент. Недавно было сто двадцать, но поразвозили в интернаты. Тут ведь площадей впритык, только на пятьдесят мест. Месяц назад вообще пройти было негде, сейчас хоть посвободней.

— А много иногородних?

Высокие гости

— К морю мигрируют в летний период из всей области, а часто даже из других. Есть иностранцы, русские.

— Пастор, едут! — доложил наш разведчик, выбегая из-за угла.

— Ох, и машин сколько... с моргалками! — восхищался Джакс. — Целая дивизия!

Кортеж из автомобилей действительно был большим и выглядел впечатляюще. Губернатор, выйдя из машины в сопровождении мэра Мариуполя и директора комбината Ильича, направились к входу. Огромная, как и полагается в таких случаях, вереница чиновников и журналистов сопровождала это шествие. У входа выстроились собранные по тревоге граждане нашего беспризорного государства, не скрывавшие своего любопытства и разглядывающие Виктора Януковича. С моей точки зрения, ребята были не столько поражены должностью нашего гостя, сколько его телосложением. Высоко задирая голову, они разглядывали собеседника, отвечая на его вопросы.

В присутствии по-детски непосредственных воспитанников приюта, в окружении кольца маленьких рук, пытливых и доверчивых глаз губернатор сразу же нарушил строгий регламент и сценарий визита, продуманный чиновниками до мелочей. Вовлеченный в круговорот детской волны, забыв про грозную охрану, так и оставшуюся сиrotливо стоять в вестибюле, губернатор «всея Донбасса» проявлял небывалый интерес к ребятам: расспрашивал, пожимал каждую протянутую руку и гладил каждую подвернувшуюся голову.

— Тебя как зовут?

— Джакс! В смысле Стас.

— Ну и чей ты будешь? Как попал в вашу «Республику»?

— Я на море приехал, ну, оздоровиться.

— Ага, ему дед путевку проплатил, — засмеялась Тихоня,

Непедагогическая поэма

намекая на недоговоренную Джаксом подробность о воровстве у деда денег.

— А что с родителями? — искренне поинтересовался Виктор Федорович.

— Мамка в коляске, инвалид она. Вышла из дома, написав записку, что будет к обеду, что завтрак на столе, а на попутке попала в аварию. Позвоночник у нее сломан.

— Ну, а сюда как? Сам пришел, или кто привел? — вступая в разговор, поинтересовался Владимир Бойко.

— Я на вокзале жил, а там меня сосед пастора подобрал и сюда привез.

— Ну, нравится здесь? — спросил наш мэр.

— Классно!

— Не бегаешь? — продолжал общение с Джаксом губернатор.

— Было дело... Наказали за курение, коридор надо было помыть, а я чухнул. Но через день решил, что пойду, помою и буду жить по-человечески.

— Ну, а ты как здесь оказался? — спросил губернатор, пожимая руку Кэну.

— Маму зарезал любовник. Батя с теткой спутался, ну я и пошел бродить...

— И долго бродил?

— Да прилично, уже несколько лет. А потом меня медсестра из больницы, где я с воспалением лежал, сюда привезла.

— А в школе много прогулял? — уточнил Янукович.

— Да всю и прогулял! — ухмыльнулся Кэн.

— Как всю? Весь учебный год?

— Нет, — ответил я вместо стесняющегося Кэна, — он ни одного дня в школе до «Пилигрима» не был.

— Что, совсем не учился нигде? — как бы не доверяя услышанному, переспросил руководитель Донбасса.

— Совсем, — подтвердил тринадцатилетний Кэн, — но теперь я быстро здесь в «Пилике» догоняю.

Высокие гости

— Ой, догоняй, приятель, — вздохнув и еще раз пожав парню руку, пожелал Виктор Федорович.

Добросовестно и тщательно осмотрев все жилое и подсобное помещение центра, наш гость сделал «Пилигриму» подарок. Новенькая, в упаковочке, роскошная стиральная машина «Самсунг» и масса спортивного инвентаря стали доброй памятью о визите в «Республику» руководителя такого высокого уровня.

— Как вы относитесь к тому, что такой проект проходит под эгидой христианской церкви? — поинтересовался один из тележурналистов.

— Я считаю, что подобная практика, весьма широко распространенная во всем мире, крайне необходима и для Украины. Государство, решая непростые задачи, стоящие перед нами, должно искать сотрудничества со всеми общественными, в том числе и религиозными структурами. У меня очень хорошее впечатление от того, как это удается делать в Мариуполе.

Значительно выйдя за временные рамки, запланированные для визита в «Пилигрим», губернатор, еще раз пожав ребятам руки, уехал.

**Ты что,
с Урала?**

К нам пришли тремя группами по тридцать человек новые силы, все беспризорные первого сорта, все народ на подбор.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Худощавый невысокий пацан с абсолютно белыми волосами в один из вечеров был доставлен к нам в центр. После заполнения необходимых анкетных данных, я выяснил, что Дима (так звали этого 15-летнего подростка) приехал в Мариуполь с Урала. Это добрых 4-5 тысяч километров!

— Не врешь, что с Урала? — усомнился Евгений Николаевич.

— Правда, с Урала, — ответил Дима.

— А как ты, брат, в Мариуполе оказался?

— Черное море очень хотел посмотреть, говорят, красивое. На Урале-то моря ведь нет, — тяжело вздыхая, проговорил моему заместителю в «Пилигриме» собеседник.

Ты что, с Урала?

— Что-то я не пойму. В Мариуполе нет Черного моря. У нас море Азовское, а до Черного еще ехать и ехать.

— Та я по Мариуполю уже неделю брожу и понял, что нет тут Черного моря, но мне Азовское тоже понравилось. — Дима в процессе общения достаточно повеселел и стал словоохотлив.

— Слушай, Димка! А как ты через границу переезжал? Между Россией и Украиной пограничники, таможенники, а ты без документов?

— Та, а че ее пересекать? Через границу ехал на электричке, а когда погранцы зашли в мой вагон и подошли ко мне, то я прикинулся психом: сижу, головой дергаю, слюну пускаю, на его вопросы не отвечаю — будто глухонемой. Так он постоял-постоял, на меня посмотрел, махнул рукой и пошел дальше, что, мол, с придурка возьмешь? А я слюну вытер, дулю ему вслед показал и поехал дальше.

— Давно с Урала на Украину выехал?

— Где-то месяц назад, я еще немного по России побродил, а потом на море махнул.

— Ну ладно, Дмитрий. Теперь ты — житель «Республики Пилигрим», мы тебя принимаем в наш коллектив. Милости просим! — сказал Евгений Николаевич, пожимая его руку.

Дима прижился в центре. Начал посещать школу, в которой он давненько не был. О своих родителях он рассказывал неохотно. На этот вопрос коротко отвечал, что, мол, пьют они сильно. Возвращаться домой категорически отказался: «Не поеду я туда никогда, нечего мне там делать!»

Два месяца прошло, как «Урал» (такую кличку дали ему ребята) стал воспитанником центра. Возникли трудности с дальнейшим пребыванием его в нашей «Республике», да и вообще в Украине. Ведь он — житель другого государства! И по закону должен быть доставлен в Россию в приемник-распределитель. Это, естественно, понимали контролирующие нас чиновники из Службы по делам детей. И вот, в один из вечеров, приехал инспектор СДД с директором

Непедагогическая поэма

государственного приюта, чтобы Диму отправить в данное заведение для дальнейшего определения.

Вызвав к себе Диму, замдиректора сказал:

— Дмитрий! За тобой приехал инспектор службы, чтобы перевести тебя в государственный приют. Ты — житель другого государства, поэтому не можешь находиться на территории Украины без документов. А там тебе смогут помочь, — выпалил Евгений, глядя на грустное лицо подростка. По его щекам текли слезы.

Всем нам было жаль отправлять пацана. Он прижился в центре. У него появились друзья. Парень полюбил воспитателей и не хотел никуда уезжать. Для него наше решение стало трагедией.

— Я не буду жить в том приюте! Я оттуда сбегу! — тихо сказал Дима.

Эти слова подростка мы передали приехавшим за ним мужчинам.

— Он сбежит и опять окажется на улице. Вновь вернется к токсикомании и воровству, — поделились мы намерениями Дмитрия с инспектором и директором государственного приюта.

— Он не может у вас находиться, так как является жителем другого государства, — стоял на своем инспектор.

— Ну что ж, давайте заполним акт передачи и везите. Но он сбежит...

Диму провожали многие ребята. Но все были уверены, что он обязательно вернется, причем непременно завтра.

На следующий день придя в центр, я, честно говоря, не удивился, когда увидел улыбающуюся мордашку Димки, который вышел ко мне навстречу.

— Здравствуйте! — протянул он руку.

— Здоров, здоров, — искренне был рад вновь увидеть его Евгений Николаевич.

— Я сбежал оттуда! — проинформировал нас парень.

— Как? — спросил я его.

Ты что, с Урала?

— Да меня закрыли в приюте в комнате на втором этаже. Думали, что справились. А я окошко отковырнул, связал простыни, покрывало и одеяло и спустился часа в два ночи. Вышел на трассу и пошел в Мариуполь. Так мне еще удалось и машину остановить, попросил, чтобы меня в «Пилигрим» подвезли. Добрые люди не отказали, — закончил Дмитрий.

— Хорошо сделал, что хоть в подвал не пошел, хватит тебе бомжевать, — по-нашему, по-пилигримовски, поздоровавшись с парнем ударом ладони об ладонь, похвалили мы хлопца. — Только, если за тобой опять приедут, мы не сможем тебя оставить.

— Нет, я на вас не в обиде, но все равно, если меня отсюда заберут, — я сбегу.

Таксистское «е-Моё» Или размышления о добре и зле

*Воспитывать без наказания я не умею,
меня еще нужно поучить этому искусству.
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»*

По мере моего погружения в работу с беспризорным народом все чаще происходили разнообразные нестандартные истории. Супруга не без оснований жалуется на то, что пройтись со мной по городу без приключений невозможно. Куда бы мы не направлялись, какие бы вопросы не решали, непременно пересекутся наши пути с каким-либо моим старым «приятелем».

— О! Пастор! А я как раз сию и думаю: пойду-ка в «Пилигрим» сдаваться, а тут и вы! — расплывшись в улыбке и

обнимая меня грязнучими руками, порадовал Англичанин. — Ну бывает же так в жизни — только подумал и на тебе! Чудеса Божьи!

— Это ты у нас чудо, только не Божье, а гороховое! А точнее, клейное чудо!

— Алло, Андрей? — спросил я, дозвонившись в офис. — Тут друг наш лепший, Англичанин под главпочтамтом сидит, слезы льет, говорит, хочу в «Пилигрим». Буквально последний тюбик клея вынюхал и собирался к нам, а тут как раз я с семьей гуляю. Везет же парню! Не мог бы ты подъехать за ним?

— Как поживаешь, старик? — сильно соскучившись по этому пацану, спросил я.

— Не очень, — потирая сияющий на физиономии нос, ответил Балу. Красное пятно на бледном лице от систематического употребления клея светилось у подростка, как на светофоре. — Вчера опять влип в историю! — полужалея себя, полугордясь своими небывалыми приключениями, поведал парень.

— Ну и что там за новый детектив у тебя?

— Да менты по голове надавали за какой-то киоск ограбленный. А я, вот вам крест, не был там и близко!

— Да какая разница! Ты, если не этот, так другой киоск трусил. От перемены мест слагаемых, что? Ой, прости, — опомнился я, — ты же подобными поговорками не владеешь!

Через полчаса, в течение которых моя семейная прогулка была полностью сорвана, подъехал наш водитель и повез Англичанина в «Республику».

— Привет, мужики! — поздоровался я с компашкой беспризорников, просящих копеечку недалеко от донецкого МакДональдса.

— Дяденька, подайте копеечку, — с тоскливыми глазами, видимо, отнеся меня к разряду щедро дающих, подскочил Тоха. — Хлебушка хочется, дайте на булочку.

Непедагогическая поэма

— Какой хлебушек? — указывая на карман попросайки, усомнился я, — вон кулек с клеем из кармана торчит. Ты, дорогой, не на хлебушек, а на клеюшек просишь. А я на это не даю!

— Ну, дяденька, — не унимались пацаны, обступив меня, — кушать хочется...

— Так, кому хочется кушать, тот пусть садится ко мне в машину и едем в Мариуполь, в приют. Я тамошний директор. Кормлю уже по дороге, а по прибытии получаете еще пару порций. Ну как, слабо?

— Это «Пилигрим», что ли? — спросил цыганенок из этой беспризорной стайки.

— Он самый! А ты хорошо проинформирован! Сын разведчика, что ли? — улыбнулся я.

— Ха-ха-ха, — заржал Тоха. — А, может, вы меня по дороге на органы продадите? — лукаво ухмыльнулся мой новый знакомый.

— Кому твои прокуренные и склеенные органы нужны? Так, определяемся! Едет кто со мной или дальше будете бомжевать и крысятничать по рынкам?

— А что, я поеду! — заявил Тоха. — Достало тут торчать. — Еду!

Усадив в машину пацана, я заметил улыбку моей жены, которая намекала на то, что наша семейная поездка опять превратилась в рейд по сбору беспризорников. Тоха, засыпая меня вопросами, ехал из Донецка в Мариуполь. Мы выяснили, что в тот вечер с компанией, подсобрав денег, они решили, приняв для храбрости, в очередной раз совершить ограбление.

Сам Тоха оказался беженцем из интерната. Когда спустя некоторое время за ним приехал воспитатель, — пацан мгновенно дал деру, но позже вернулся. Так и называю я нашего найденыша «МакДональдсом», как воспоминание о месте первой нашей встречи с этим замечательным мальчишкой.

На следующий день, проезжая с нашим дьяконом через центр города, мы вновь незапланированно подобрали пацанов.

— Остановитесь на минутку, — попросил Сергей водителя такси. — Подождите маленько, я заскочу в универмаг, отдам пакет человеку.

Мы ехали с похорон и я, оставшись в машине и будучи в своей пасторской рясе, вдруг заметил у входа в соседний магазин хорошо знакомого мне подростка. Парень по прозвищу Балу в свои четырнадцать уже был профессиональным наркоманом, и его не раз доставляли к нам в центр в критическом состоянии с огромными дырками в венах и гноящимися абсцессами.

— Помогите, пожалуйста, — обратился я к водителю. — Там, видите, парень стоит у входа, попрошайничает. Подойдите к нему и возьмите за руку, чтобы не рванул, а то я, если начнет убегать, в своей мантии его не догоню.

— А что за парень? — удивился шофер. — Украл, что ли что?

— Да и крал уже сто раз, — объяснил я, — он, обколотый, стоит, на следующую дозу собирает, старый мой приятель.

— Хорошо! — улыбнулся водитель.

Мужчина, подойдя к Балу, взял его за руку, а вопросительный и затуманенный наркотиком взгляд подростка начал шарить по сторонам, пока не наткнулся на меня.

— Привет, родной! — подойдя, протянул я руку пацану. — В машину и без догонялок!

— Пастор, простите за то, что в прошлый раз было, — следуя за мной, начал свою исповедь Балу.

— Да я и не обижаюсь. Только мужики вы никудашние, — одни слова, балаболы пустые! Я тебя за язык не тянул. Ты сам давал честное пацанячье слово, — напомнил я, взывая к подростковому честолюбию.

— Я не хотел убегать. Это Чух меня подговорил. Он сказал, что у него есть деньги с последнего ограбленного

Непедагогическая поэма

киоска, а если я с ним убегу, то он даст мне сто гривен. Ну я и дернул, — виновато потупив взгляд, поведал мне парень.

Как только мы сели в такси, я увидел, как к осиротевшим без Балу дверям магазина уже подходил другой мой приятель.

— Простите, у меня к вам еще одна просьба, — показав на Бумера, занявшего стратегическую вакансию у входа в гастронорм, я вновь обратился к таксисту. — Там еще один орелик подошел.

— С вами не соскучишься! — улыбнулся водитель, выходя из машины.

— Такси подано! — поприветствовал я Бумера, указывая на машину, из которой приятелю уже улыбался Балу.

— Бумер! Сдавайся без боя! — смеялся первый задержанный из раскрытого окна такси.

— В «Республику»! Шагом марш! — скомандовал сам себе Бумер и в моем сопровождении отправился в машину.

— Соскучился я по всем. Как там Баз? — Тут же перейдя на разговор о друзьях, находящихся в «Пилигриме». Как тетя Оля? Как ваши дела, пастор? Все ли живы-здоровы?

— Мы тоже по тебе скучаем! — обратился я к парню. К тому моменту хлопец уже 3 года сидел на игле. Сирота, с пропавшей без вести матерью и отцом, лишенным родительских прав, Бумер был частым гостем в нашем государстве. Связавшись с подвальной компанией, он подсел на наркотик, и мы уже не раз вытаскивали его из подвала.

— Все, передал, — открыл Сергей дверь в машину и улыбнулся, увидев Бумера и Балу. — Ух ты, знакомые все лица! Всем привет! Как жизнь бомжатская?

— Помаленечку, — пробурчал Балу, тоскливо глядя на удаляющийся универмаг и, наверное, размышляя о потерянном нынче доходе.

— Что тебя, правда, так сильно на улицу тянет? — заметив через зеркало заднего вида грустные глаза подростка,

глядящие на улицу, поинтересовался таксист у своих неожиданных пассажиров.

— Да есть немного! — не стал лукавить Бумер.

— А чего же тебе не живется дома, по-человечески? Бродишь, голодаешь...

— Чего это я голодаю? — искренне удивился подросток. — Ем я очень даже прилично!

— А где же ты пропитание достаем? Приличная пища сейчас немалых денег стоит!

— Да я побольше вас денег имею! — обидившись за намеки на его финансовую несостоятельность, заявил пацан.

— Побольше, — развеял я сомнения притормозившего от неожиданности таксиста. — Ну, сколько в среднем в день «пробиваешь»? — попросил я отчитаться Балу.

— Ну, в обычный день где-то пятьдесят гривен... Это если без всякого криминала обходится. А в праздник само собой больше!

— Е-мое! — воскликнул таксист. — Так чего ж я, дурак, горбачусь за баранкой! Братва, возьмите к себе! Я за такие деньги вас на машине обслуживать буду! — рассмеялся невольный участник импровизированного рейда, въезжая во двор «Пилигрима».

В цивилизованных странах немыслима ситуация, в которой несовершеннолетний стоит на перекрестке и попрошайничает. Такой образ жизни вполне возможен для осознанно выбравших его взрослых, но не для малолетних. Совершеннолетнего бомжа раз в неделю независимо от его желания заберут в соответствующее учреждение, вымоют, вычистят, переоденут и проверят по полицейским данным, не находится ли он в розыске. После всех этих процедур, если человек не хочет жить в нормальных условиях в каком-нибудь социальном центре, его отпускают на все четыре стороны. Однако, через неделю ему вновь придется проходить вышеуказанную процедуру.

Проблема с подростками выглядит совершенно иначе. Если в европейской стране на улице окажется несовершеннолетний, то это лишь до момента встречи с полицейским или просто с ответственным гражданином, обнаружившим беспризорника. Невзирая на желания ребенка, его заберут в специальное заведение, где установят личность, проведут медицинский осмотр, выяснят причины, по которым он оказался на улице, и примут решение о его дальнейшем определении. Хронический беспризорник — нонсенс для развитого государства. Хочется верить, что в нашей стране мы также придем к тому моменту, когда не только милиция и СДД, а простой гражданин будет понимать, что повстречавшегося ему малолетнего бродягу необходимо тотчас доставить в соответствующее заведение. А пока, к сожалению, логика у нас обратная.

Максимальной степенью добродетели все еще считается бросить в ладонь беспризорнику пару копеек, а в лучшем случае — пожалеть его, купив ему покушать. Часто люди с простодушной верой выслушивают истории о том, как плохо живется в приютах, как над детками там издеваются и, исполнившись сострадания, они удваивают сумму своих «пожертвований». Нам стоит помнить, что добро это не процесс, а результат. Подаяние беспризорнику, насколько бы благородным оно не казалось со стороны, является злом, мотивирующим к побегам как из семей, так из интернатов и приютов. Имея на улице доход в два раза больше, чем у работника, до седьмого пота трудящегося у станка, подросток должен сойти с ума, чтобы тянуться к учебе и осваивать будущую профессию. Подавая на перекрестках и у магазинов, мы втягиваем беспризорника в круговорот, который губит их мечты, парализует волю и, разрушая души, поглощает в житейской пучине. Хочется верить, что эта ситуация изменится, а «Республика Пилигрим» — один из вариантов того, как по-настоящему помочь ребятам, поглощенным подвальной жизнью.

На фига мне это надо или мой будущий водитель

– Не читаю педагогическую литературу вот уже три года...
и очень сочувствую тем, которые ее читают.
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

В очередной раз нас пригласили в районную администрацию участвовать в совещании на тему: «Беспризорность и как с ней бороться». Кроме представителей нашего центра, были также приглашены сотрудники управления образования, СДД, милиции, Центра социальной службы для молодежи и еще ряда государственных структур, которые так или иначе связаны в своей работе с детьми. Конечно, не обошлось мероприятие без журналистов.

По дороге на совещание мы с Евгением Николаевичем зашли в центральный гастроном, чтобы купить воды. Возле

Непедагогическая поэма

прилавка мы увидели хорошо знакомого нам беспризорного. Это был четырнадцатилетний Комар. Он неоднократно бывал у нас в центре, но, к сожалению, не задерживался долго и постоянно сбегал. Любил он уличную жизнь, она его притягивала, манила, кроме того, пацан уже несколько лет дружил с наркотиками.

— Привет, Комар, — протягивая руку, обратился к нему Евгений Николаевич.

Боковым зрением можно было наблюдать удивленные лица находившихся рядом людей, на которых читалось: «Солидный человек, в костюме, а здороваается за руку с грязным беспризорным!»

— Здравсте, — ответил мальчик, нехотя протягивая нам руки.

Его глаза были мутными, речь заторможена. Он явно находился в глубоком дурмане под воздействием наркотика или же нанюхался клея.

— Ну, как живешь? — спросил я, глядя в его мутные глаза.

— Та классно, — вяло проговорил Комар.

— Пошли, проводишь нас, а то мы на совещание в исполком опаздываем, — предложил Евгений, желая поговорить с ним и пытаясь достучаться до его сердца.

— А? — этим вопросительным «а» Комар выказал обеспокоенность тем, не станем ли мы его забирать в центр.

— Не бойся, силой тебя тащить не будем. Пошли, поговорим, как мужик с мужиками. Ты же мужик? — располагал к разговору Евгений Николаевич.

— Ну не баба же!

Комар вышел с нами из магазина, и мы направились в сторону райадминистрации, продолжая начатый разговор:

— Неужели тебе нравится такая жизнь?

— Да, нравится: что хочу, то и делаю, сам себе хозяин, — ответил парень откровенно.

— Но ведь это собачья жизнь. Ты же умрешь от наркотиков. Ты на улице никому не нужен, — зывали мы к

На фига мне это надо

светлеющему потихонечку уму подростка, — пошли в «Пилигрим».

— Да на фига мне это надо! Я не хочу туда. Вот, скоро Пасха, так я сяду возле церкви с протянутой рукой, — Комар жалостливо скривил свое лицо, — подайте, Христа ради, и в день 150-200 гривен напрошу. А с такими деньгами на улице весело.

У меня в голове мелькнула мысль: «Сто пятьдесят-двести гривен в день — это же большие деньги, рабочий, отпавший смену на заводе, получает намного меньше...»

— Комар, ты ж эти деньги спустишь за час и в вену вгонишь, а потом сдохнешь, как пес, в своем «крутом» подвале. Сколько пацанов уже от этого поумирало, а ты ведь их всех знал. Тебя Господь не для этого сотворил. Ты должен жить нормальной жизнью. Пошли в «Пилигрим», — говоря это, Евгений Николаевич искренне смотрел в его глаза. Мы оба не на шутку переживали за жизнь парня. Я понимал, что с ВИЧ-инфекцией, которую Комар подхватил еще пару лет тому назад, если не прекратить колоться, то жить осталось недолго.

— Ладно, некогда мне, — повернув в обратную сторону, Комар быстро зашагал от нас.

Этот разговор оставил на душе неприятный осадок. Было очевидно, что у этого пацана парализована воля, а в голове лишь одна мысль: где найти денег, чтобы раскумариться. У парня появилась весьма печальная перспектива.

В таком душевном состоянии мы пришли в райадминистрацию на совещание. Все уже были в сборе, телевизионщики настроили свои камеры. Обычно такие совещания, не в обиду чиновникам, это — «переливание из пустого в порожнее». Стали выступать представители различных служб. Главная мысль выступающих заключалась примерно в следующем: «Да, эта проблема есть, но мы со своей стороны с ней активно боремся».

Наступил наш черед:

— Дамы и господа! — обратился к присутствующим Евгений Николаевич. — Я предлагаю прямо сейчас перейти к практической работе. О теории было уже много сказано... Сейчас мы можем все встать и пойти в центральный гастроном, в котором просит деньги четырнадцатилетний наркозависимый беспризорник по кличке Комар. В данный момент до него нет дела ни сотрудникам милиции, которые заходят в магазин, ни нам, представителям различных служб. Максимум, что могут сделать с ним, так это по просьбе продавца выгнать из магазина. Крайне ненормальное это явление — ребенок, живущий на улице. Поэтому необходимо сотрудникам милиции, представителям всех структур, присутствующим на этом совещании, доставлять таких детей в детские специализированные центры. Приводите к нам в центр, а мы будем принимать.

Гул одобрения прокатился по залу. С нашей позицией были все согласны и поддержали решение о необходимости проводить активную работу на улице по определению беспризорных детей в центры.

Через месяц после описанного случая Комарика привезли наши сотрудники.

— Пастор, дай прокатиться, — вновь привязался парень ко мне, когда я подъехал к «Пилигриму».

— Ох, ты и зануда! Комар — он Комар и есть!

— Ну дай, пастор, ты же обещал, что я буду твоим персональным водителем!

— Я обещал, если ты не будешь бегать туда-сюда и начнешь нормально учиться, то будешь моим водителем. А ты все бродишь, — укорял я Комара.

— Я уже завязал, пастор! Ну дай прокатиться!

— Садись, поехали! Только Комар сказал — Комар сделал!

— Аминь! — растянувшись в улыбке, вскочил в машину мой будущий водитель, еще недавно стоявший под центральным гастрономом.

Ловелас теплотрасс или История про святой кулак

— Последний раз предупреждаю: я тебе не морду набью, а изувечу!

А потом ты на меня жалуйся, сяду в ДОПР, это не твое дело!

Диалог Антона Макаренко с молодым человеком

«Педагогическая поэма»

Э то был, казалось, обычный рейд — те же теплотрассы, те же перекрестки, но уже за полночь, проверяя один из люков в порту, заварились неприятная и печальная история. Вместе с группой пацанов мы с сотрудниками обнаружили человека, который, как оказалось, на протяжении нескольких лет сексуально эксплуатировал беспризорных подростков. Этому, так называемому «мужчине», было около 30 лет. Гражданин, судя по внешнему виду, достаточно обеспеченный, прекрасно одет и весьма крепок физически. Ранее я слышал от ребят о том, что есть некоторые любители, промышляющие по подвалам в среде беспризорных, но в этот раз мы застали таковую особь непосредственно в канализационном люке с подростками-наркоманами. По реакции рябят я сразу же заподозрил что-то неладное, а когда великовозрастный посетитель теплотрассы, оттолкнув воспитателя Василия, бросился наутек, то сразу понял, что дело нечистое.

При задержании этого канализационного «ловеласа» пришлось приложить немало сил, чтобы в конечном итоге, упаковав его в машину, доставить в отделение милиции. Ребята, бросившиеся за ним в погоню, через пару минут настигли этого «горе-спринтера» и, несмотря на ожесточенное сопротивление и попытки вырваться, доставили к машине. Уже при посадке сексуально озабоченный мужик попытался вновь вырваться. Вася с Чухом вынуждены были изрядно добавить зуботычин и пинков арестанту, чтобы подчеркнуть неизбежность обстоятельств. Смирившись со своей участью, мужик затих в нашем автобусе.

— Да, пастор, здорово вы его, — с явным восхищением сказал Чух, смотря на упакованного в машину ловеласа.

— Каюсь, пацаны, согрешил...

— Не, пастор, здесь каяться не надо, что грешило, то и получило, — многозначительно подняв палец вверх и явно копируя Юрия Андреевича, произнес Кит.

— Перебрали мы маленько, — выразил я свои сомнения, смотря на съездившегося арестанта.

— А по мне — в самый раз. Если бы не вы, пастор, я б ему еще и добавил, — почесывая кулаки друг о друга, про бурчал Чух.

— Менты добавят, — бросил Кит со знанием дела.

— Не менты, а сотрудники доблестной и благословенной милиции, — подкорректировал Василий. — Где тебя, Китяра, воспитывают?

Добравшись до отделения милиции и разбудив прикунявшего дежурного, мы явно ошарашили его внешним видом задержанного.

— Оказал злостное сопротивление спецназовцам «Мангуста», — отрапортовал сержанту Чух.

— Про «Беркут» слышал, «Кобру» знаю, а это что за «Мангуст» такой? — спросил, потягиваясь, милиционер.

— Элитное подразделение спецназовцев при «Республике Пилигрим»! — отчеканил Чух. — Задержали особо опасного негодяя.

— Надеемся, что Родина нас не забудет. — Добавил с ехидной улыбкой Кит.

— Ну, заходите, «мангусты», будем разбираться...

В процессе установления личности задержанного и опроса подростков мы узнали, что сексуальная эксплуатация бездомных детей оказалась не просто разовым порывом похоти у данного субъекта, но старым, почти профессиональным занятием. Выяснилось, что еще несколько лет тому назад этот гражданин покупал наркотики двум подросткам, которые уже скончались от наркомании. При этом оплату с них он брал «натурой». В ту ночь, в люке, из которого мы его вытащили, он в очередной раз предлагал парнишкам и девчонке-наркоманке «обслужить» его за соответствующую цену.

— Что вы делали в подвале с беспризорными детьми? — спросил милиционер задержанного.

— Я залез в люк, так сказать, покакать, — потирая фингал под глазом, доложил мужик. — А тут ваш сумасшедший коп на меня налетел со своими архаровцами, — продолжал излагать свою версию случившегося «потерпевший».

— Ты у меня к утру всю камеру обкакаешь! — взорвался милиционер, побеседовавший до этого с подростками, подтвердившими цель пребывания в их обществе данного субъекта.

— Тише, тише, Михалыч! — успокаивал лейтенанта коллеги, понимая, что он находится на грани срыва. — Подожди, дорогой!

— А что ж, тебе, кустов мало было вокруг, что ты в люк полез?

— Я сквозняков боюсь! — сплевывая себе в руку, продолжал настаивать доставленный нами ловелас. — А на

Непедагогическая поэма

вашего пастора я еще в суд подам! — произнес он, посмотрев в мою сторону.

— Я тебе сейчас сам суд устрою! — опять закипел лейтенант. — Я тебе сейчас твои права прямо здесь зачитаю, стукнув по столу дубинкой, не без оснований горячился офицер.

К сожалению, наша юридическая система слишком неповоротлива. Сотрудники милиции объяснили мне, что посадить его за решетку будет весьма не просто. Продержав этого любителя сексуальных приключений прикованным к батарее до утра и хорошенько запугав, его просто-напросто отпустили.

Немало существует историй о том, как часто «перебарщивает» система социальной защиты в США. Многие шумные события, в которых американские и европейские социальные службы уже при малейших намеках на издевательство над несовершеннолетними, отбирают детей и возбуждают уголовные дела против тех, кто только лишь подозревается в этом. Подобные истории не раз удивляли и возмущали меня. Однако шокирующая неспособность нашего законодательства остановить сексуального маньяка потрясла меня еще больше.

В то утро, когда этого человека отпустили, как ни в чем не бывало, я вспомнил американские «излишества» в вопросе защиты детства и подумал о том, что лучше бы мы здесь, в Украине, перегибали в ту сторону. К сожалению, наша правовая система часто может лишь наблюдать за тем, как подлец совращает малолетних детей. Ужас охватывает из-за того, что в ответ на требование принять меры и остановить негодяя, украинское правосудие лишь в недоумении пожимает плечами, мол: «Не можем...»

Остается надеяться, что полученный урок пойдет ловеласу впрок, а жажда сексуальных походов у него надолго исчезнет. Во всяком случае, от нас и от милиции этот «господин» получил весьма серьезные и разнообразные

предупреждения и пожелания впредь не пересекаться с нами.

С сексуально активными индивидуумами, проявляющими особый интерес к беспризорникам, мы сталкивались, увы, уже не раз. Вспоминаю, как к нам поступила информация о дедушке, у которого на дому появился эдакий притон. Старичок особенно любил предоставлять ночлег девочкам-подросткам. При этом некоторые детали его гостеприимства стали поводом для нашего звонка в специальные службы. Однако мы в очередной раз слышали, что факты здесь представить нелегко, поэтому дело не имеет судебной перспективы. Свидетельство несовершеннолетних, как нас вновь уверяли, не имеет юридической силы, а потому не может служить поводом к задержанию.

Убедившись в бесперспективности решить этот вопрос юридическим путем, мы просто позвонили этому «заботливому» деду и сообщили ему о том, что нам известны все его промыслы. Дед не на шутку обеспокоился, так как его «благотворительная» кампания на этом закончилась.

Однажды к нам в «Пилигрим» пожаловал один спортсмен, который предложил свою помощь в занятиях с подростками. Мы, как обычно в таком случае, обрадовались и дали этому человеку с волонтерскими планами добро на проведение тренировок. Однако уже через несколько занятий этот человек внезапно исчез.

— Куда подевался тренер, который начал к нам приходить пару недель тому назад? — поинтересовался я на Совете «Республики».

— Он больше к нам не придет! — уверенным тоном заявил Киндер.

— Что-то случилось?

— Случилось! — коротко отчитался Фокс.

Подобная лаконичность, обычно не свойственная ему, меня крайне насторожила. Я почуял недоброе и потребовал дополнительных объяснений.

— Пастор, он принес журналы, ну... не очень, скажем так, цензурные и девочкам нашим показать все это решил. А они нам сразу сказали, — на одном выдохе поведал мне Киндер.

— А что было дальше? — уточнил я, понимая, что история еще не окончена и подозревая ее недобрый финал.

— Ну, мы... это, ну как это... Короче, мы ему сказали и объяснили, можно так выразиться, чтобы его здесь больше не было.

— Надеюсь, без рукоприкладства обошлось? — требовал я ответа у Фокса.

— Ну, в целом, как это... без... почти.

Этот «спортсмен» действительно больше никогда не появлялся у нас, подтверждая мои сомнения по поводу того, что значит «почти без рукоприкладства» из уст Фокса.

Надо сказать, что у подростков, многие из которых в своей беспризорной биографии успели получить весь жизненный опыт, тема сексуального напряжения всегда оставалась острой. Работа воспитателей, психологов, молитвы верующих — все это было направлено на то, чтобы в данной сфере жизни у ребят был наведен порядок. Их мировоззренческие схемы в вопросе интимной жизни порой просто шокировали наших сотрудников.

Однажды во время посещения Городского кожно-венерологического диспансера девчонка по кличке Штучка, вопреки заявлениям врача, настаивала на своей невинности. Будучи задержанной нами в рейде, вдобавок к ВИЧ и обнаруженному у нее раньше сифилису, она подцепила еще и гонорею.

— Кто был твоим последним мужчиной? — спросил доктор.

— У меня не было мужчин! — настаивала Штучка.

— Пожалуйста, не рассказывай мне сказки, — умолял доктор, — я не мама и не мальчик из твоего подвала. Ты не могла по-другому заразиться.

— Нет. У меня не было никаких мужчин, — продолжала с невозмутимым видом тринадцатилетняя барышня.

— Понимаешь, дорогая, — горячился доктор, — я медик, а не сказочник. С кем ты имела последнюю историю?

— У меня не было мужчин! — как заезженная пластинка твердила Штучка.

Распсиховавшийся доктор, закончив обследование и выписав соответствующие рецепты, распрощался с нашей медсестрой, а напоследок, передразнив девчонку, произнес: — У меня не было мужчин! Вот наглость!

— Почему ты врала доктору? — выйдя из диспансера, спросила наша медсестра Людмила. — У тебя же были мужчины. Чего врешь?

— Да вы что, тетя Люда, разве Рябой мужчина? — помянув свою подвальную «любовь», с искренним недоумением в глазах ошарашила Штучка.

Воровство, засада, «ку-ку» И незаслуженные конфеты

*В феврале у меня из ящика пропала целая пачка денег –
приблизительно мое шестимесячное жалованье.
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»*

Огромной проблемой в «Респубике» всегда было воровство. Многократное и многообразное, творческое и откровенно дерзкое оно проходит через всю нашу историю. Статистика говорит, что львиная доля преступлений совершается наркоманами или беспризорными. Работая плотно с этими категориями людей, мы просто подставили себя под массу проблем, исходящих из этого факта.

Что только не воровали у нас за эти годы! От мелочей в виде блестящих безделушек, мячей, шахмат, сварочных

аппаратов, телевизоров до церковного микроавтобуса, украденного год тому назад. Не раз взламывались автомобили, из которых исчезали документы и магнитофоны. Велосипеды и стулья, теннисные ракетки и кошельки сотрудников — все это становилось желанной мишенью для воров. Подметив приглянувшуюся ему чужую собственность, какой-нибудь пацан планомерно и целенаправленно реализовывал свой коварный план «прихватизации».

— Дядя Артем, — виновато понурив голову, обратился к нашему служителю Плюс. — Дядя Артем, простите меня, пожалуйста!

— За что?

— Не, вы сперва скажите, что прощаете, а затем я скажу за что.

— Ну ты и жук! Ладно, уговорил — прощаю!

— Помните год назад у вас велосипед детский пропал с вашего двора?

— Чего же мне не помнить? — ухмыльнулся Артем, понимая, к чему клониться исповедь.

— Ну... то я и был. Моя работа, простите! — виновато улыбнулся Плюс.

— Ладно, кто старое помянет... — похлопал пацана по плечу Артем Александрович. — Молодец, что признался!

— Я же Библию читаю... «Если исповедуем грехи свои, то Он простит нам», — очень близко к тексту процитировал подросток отрывок из послания апостола Иоанна.

Плюс был наркоманом с приличным стажем. В свои годы он уже успел похоронить младшего брата, который вместе с ним кололся в мариупольских подвалах. Вся его жизнь была пропитана криминалом. Воровство стало его философией и повседневной практикой. Однажды в рейде мы задержали этого подростка с колпаками от автомобиля, которые он в этот момент пытался продать таксистам.

— Где снял? — спросил воспитатель Стас.

— Во дворе, за «Штукой».

— Пишем объявления и расклеиваем на нескольких домах, возле которых стояла машина, — распорядился наш сотрудник.

Подобные случаи мы практиковали не раз. Задержав беспризорников с каким-либо ценным имуществом, мы выясняли происхождение этих предметов. Если информация была не точной, а лишь приблизительной, то мы расклеивали объявления по всему району, приглашая людей зайти за своим «скарбом».

Через пару дней в офисе церкви раздался звонок. Мужчина сказал, что с его автомобиля действительно сняли колпаки три дня тому назад. Приглашение прийти и забрать свою собственность порадовало хозяина машины.

— Здравствуйте! — пожал мне руку весьма солидного вида гость.

— Вы по поводу колпаков? — поинтересовался я.

— Да, я вам звонил. Что, нашлись?

— В рейде задержали пацана-беспризорника. Он как раз в этот момент торг вел с таксистами.

— Плюс, принеси-ка колпаки, — попросил я, — они там, у Светланы Александровны на складе.

— Спасибо вам! Хорошую работу делаете! — прощаясь, поблагодарил обворованный водитель.

— Вот, возьмите! — вручил потерпевшему Плюс.

— Благодарю! Как же вы вора поймали? Ай да молодцы! — доставая из машины и вручая Плюсу коробку конфет, благодарил мужчина.

— Знаете что? — взяв в руки вознаграждение, замялся Плюс. — Понимаете... дело в том... ну, в общем, это я у вас их украл! — ошарашил парень гостя признанием.

— Вот это да! — почесывая затылок, замер наш посетитель. — Не ожидал я, конечно, такого поворота событий! — приходя в себя и улыбаясь сказал он. — Ну ты все равно молодец, что признался!

— Возьмите, — протянул Плюс конфеты назад потерпевшему.

— Нет, оставь их себе и поделись с друзьями! Молодец, что не умолчал! — пожав руку напоследок, мужчина сел в свой роскошный «Ниссан». — Пока! Будь человеком!

— С Богом! — крикнул Плюс вдогонку.

К сожалению, новогодние торжества в том сезоне были омрачены в нашем государстве. Буквально перед праздниками Плюса арестовали. Его отправили в тюрьму в соответствии с решением суда за старые грехи, которые он натворил до того, как мы его вытащили из подвала. Парень до появления у нас был наркоманом с пятилетним стажем, а также имел ВИЧ-инфекцию. Вместо положенных шести, ему дали два года, благодаря нашим многочисленным ходатайствам перед судом и различными инстанциями. Радует то, что за год, прожитый в «Республике Пилигрим» Плюс по-настоящему изменился и стал христианином. Он был командиром отряда и примером для ребят. После нескольких лет в подвале сел за школьную парту, научился играть на бас-гитаре и выступал с концертами в музыкальной группе «Пилигрим».

Конечно же, учитывая специфику нашей работы, служители «Церкви Добрых Перемен» стали первыми кандидатами на ограбление. Открывая свои дома для родителей, приходящих с детьми-наркоманами, принимая в любое время суток беспризорников, все мы прекрасно понимали, что сильно рискуем. Практически каждого из руководителей «Пилигрима» неоднократно «подчищали».

Однажды, три раза в течение недели, обворовывали меня. Частота этих вторжений в мой дом не на шутку встревожила меня. Трижды за пять дней — это уже было слишком. На Совете «Республики» было принято решение подключить к охране моей семьи подразделение «Мангуст». Ребята создали специальный наряд для охраны пасторского дома и каждый вечер заступали в моем дворе на дежурство.

— Ты что делаешь? — поинтересовался я у Киндера, наблюдая, как он затаскивает какой-то мешок на черешню.

— Пастор, вы смотрели фильм «Один дома»? — встретил меня вопросом пилигрим.

— А, к обороне готовишься? Ну-ну!

Затащив на дерево мешок, наполненный кирпичами, пацан так расположил веревку, чтобы из своего укрытия можно было, перерезав ее, обеспечить поражение врага, подкравшегося под дерево. В качестве приманки, прямо под мешком, наш изобретательный юноша поставил неплохой стул, не без основания рассчитывая на то, что он может заинтересовать вора.

— А это что такое? — указывая на какие-то провода, соединяемые Котом, спросил Эдуард, бывший уголовник с приличным стажем, который прошел реабилитацию в «Преображении» и теперь помогал нам в охране «Пилигрима».

— Это я хочу 220 вольт на велосипед на ночь накинуть! — с сияющими от предвкушаемого эффекта глазами заявил Кот.

— Отставить! — скомандовал Эд, добавив со знанием дела, — это уже будет превышение самообороны. Ты, Кот, на нары пойдешь, если тут вора на смерть шарахнет!

Создав для защиты моего дома целую инфраструктуру из разнообразных придамбасов, «мангусты» заступили на боевое дежурство. Приходя вечером ко мне во двор, попив чайку и вдоволь «почирикав» о разном, пацаны рассаживались по углам, маскируясь, кто под виноградом, кто за листом шифера, кто за углом гаража. Мало веря в успех затеянного, я все же позволил парням ощутить себя спецназовцами. Каждую ночь во главе с нашим сторожем, братом Эдуардом, пять пилигримов заступали на дежурство в надежде задержать повадившихся ко мне воров.

На четвертые сутки в половине второго ночи через забор перемахнул мужичок. Одет наш незваный гость был во все черное и обут в мягкие кроссовки. Профессиональный вор,

Воровство, засада, «Ку-Ку»...

увидев во дворе пару привлекательных объектов, специально оставленных нашими стратегами, беззвучно добрался до центра двора.

— Ку-ку... — как гром среди ясного неба раздалось из-за угла. Остановившись как вкопанный посреди двора, мужичок пару секунд приходил в себя. После чего, включив заднюю скорость, рванул со двора. В этот момент я, составив компанию пацанам, прикунял за сараем, но был разбужен дикими криками. Вырывающиеся из своих укрытий пилигримы, издавая жуткий боевой клич, бросились за воров. Я до сих пор считаю, что это был вопль, издаваемый спросони и в большей степени от страха. Однако наши «мангусты» по сей день настаивают на том, что природа этих звуков, разнесшихся на несколько микрорайонов, коренится в их врожденной храбрости.

Как бы то ни было, но зрелище оказалось захватывающим! Сонные мордашки, выскакивая из щелей со своим импровизированным оружием в виде всякого рода дубинок, приходя в себя, кинулись в погоню. Через пять минут два профессиональных вора были задержаны нашими спецназовцами и уложены на землю по всем правилам.

— Стоять! — орали бегущие из «Пилигрима» на подмогу архаровцы. Один из них тащил с собой какую-то дубину, масса которой, судя по всему, превышала его собственную в полтора раза. — Стоять!

Около двух часов ночи, доставив в милицейское отделение воров, мы выяснили, что их давно разыскивали, а на их счету — уже десятки краж.

— Как вы их умудрились задержать? — искренне удивлялся позже следователь.

— Это наши «спецназовцы» отличились! — смеялись мы. — У них профессиональное чутье на воров!

Грабители, как оказалось, хорошо владели информацией и, как мы предполагали, имели отношение к нашему

реабилитационному центру для взрослых. Оба, будучи наркоманами, промышляли воровством и, конечно же, настоящим сюрпризом для них стало задержание беспризорниками, поджидавшими их в засаде четыре ночи подряд.

За блестяще проведенную операцию и ликвидацию бандформирования все участвовавшие в группе захвата получили благодарность перед строем и были награждены премией.

Но далеко не всегда воровство было делом со стороны. Немало грешили этим и наши пацаны.

— Пастор, Тоха украл мобильник у Миши Подупейко, — с грустью в голосе объявила мне воспитательница Марина.

— Вот барбос! — сильно расстроился я. — Не ожидал!

Наш парнишка, приглашенный на ночевку в семью из церкви, встав среди ночи, не устоял перед соблазном и позарился на «крутой», последней модели мобильник стоимостью около трехсот долларов. Прихватив телефон, парень тихонечко открыл дверь и дал деру.

— Негодяй! Как он мог! — возмущался Юрий Андреевич, — лохобык, а не человек... последний лохообразный, крысopodobный и лукавый раб! — негодовал наш дьякон, пуская в ход перед строем пилигримов, собранных по тревоге, все свое пресловутое красноречие, основанное на подростково-библейском сленге. — Ну как он мог?

— Да, — удивлялись пилигримы, — просто не верится, что Тоха на такое способен!

Через несколько часов в мой кабинет принесли украденный мобильник. К моей радости, подросток, стащив его и наигравшись вдоволь блестящими кнопками, пришел в себя и решил покаяться.

— Пастор, наш беглец оставил телефон у друзей и попросил вернуть, — доложил воспитатель. — Сам стесняется прийти. Говорит, что ему стыдно.

Воровство, засада, «Ку-Ку»...

— Стыдно было воровать! Телефон верните хозяину, а виновника происшествия я жду на разговор.

Через день появился сам Тоха. С виноватым видом войдя ко мне, он пробурчал:

— Простите пастор, я даже не знаю, как так получилось. Сперва хотел украсть, потом стало тяжело на душе. Хотел сразу вернуть, но боялся. Простите...

— Выполнишь наказание, которое тебе определят и, пожалуйста, чтобы больше подобных фокусов не было! — твердо сказал я. — Ты не вор! Тоха, ты давно уже не вор! Не лезь назад в свое прошлое, ничего там доброго нет!

Не всегда покаяние наступало так быстро, а украденное возвращалось к своему владельцу.

— Дорогой, у нас проблемы, — сообщила мне жена по телефону. — Нас обворовали. Украли чужие деньги, которые через меня люди передали из Донецка на фирму в Мариуполь.

— Сколько? — расстроившись, спросил я.

— Сядь, если стоишь, — предупредила супруга, — около трех тысяч гривен!

— Кто?

— Два наших гвардейца — Миха и Кэн. Влезли в окно и в тумбочке взяли деньги. Не знаю, что теперь делать, мне их завтра срочно нужно отдать.

В этот момент я находился в отъезде. Ребят, учитывая последние кражи в моем доме, попросили присмотреть за ним во дворе. Однако сами сторожа не устояли перед искушением и, пока жена была на рынке, решили залезть в дом. Найдя деньги, пацаны мотанули на такси в один из приморских курортных поселков, сняли там комнатку и устроили кутеж. Понемногу прийдя в себя, они начали понимать, что натворили. Первым явился с покаянием Миха. Чуть позже прислал парламентариев для переговоров и Кэн.

Непедагогическая поэма

Воровство, которым была пропитана жизнь беспризорных ребят, «выветривалось» из их мировоззрения не очень быстро. Однако шаг за шагом формировалось новое представление о человеческих ценностях. Поначалу приходящие к нам ребята были твердо убеждены: все, что ты можешь унести, — твое. Это незатейливое кредо, сформированное жизнью на улице, постепенно трансформировалось, и все больше пацанов стали придерживаться убеждения, что вор — это «крыса». Именно указанный представитель фауны стал ассоциироваться с тем, кто лазит по карманам друзей или по кошелькам воспитателей.

— Помолитесь за меня, пастор, — жалобным тоном попросила маленькая девочка, недавно появившаяся у нас и подошедшая ко мне в «Пилигриме».

— Что случилось, солнышко? — спросил я. — Приболела?

— Нет, пастор! — жалобным тоном развеяла мои подозрения девчушка.

— А что случилось? За что помолиться?

— Ворую я, пастор, — вздохнул ребенок.

Бог шельму метит или странности Чудика, а также их последствия

*При раскрытии преступлений мы часто видим как бы
чью-то незримую руку, помогающую нам в этом.*

Из интервью криминалиста на ОРТ

Надо признать, что поговорка «Бог шельму метит» была многократно подтверждена на практике в «Пилигриме». Не раз после очередной пропажи мы совершали молитву с просьбой, чтобы Господь указал на «крысятническую» душу. Часто в течение короткого времени и целого ряда «случайностей» мы наблюдали сверхъестественное вмешательство, разоблачающее виновника происшествия.

Кто-то из богословов сказал что «случай» — это любимый псевдоним Бога. Для нас истинность этого высказывания совершенно очевидна.

Непедагогическая поэма

— Пропал фотоаппарат, двадцать рублей и куча всяких безделушек, — доложил начальнику лагеря дежурный воспитатель.

— Есть какие-то предположения? — спросил директор «Эль Шаддая», пастор Владимир Зубенко.

— Да какие предположения? Мариуполь своих архаровцев из «Пилигрима» привез, какие тут еще соображения, — сетовала Ирина Дуда, помощник руководителя молодежного кемпинга.

— Чуть что, сразу Мариуполь, — обиженно констатировал молодежный пастор нашей церкви Кирилл Процков.

— Что делать?

— Давайте помолимся, чтобы Господь открыл, чьих рук дело! — предложил пастор Владимир.

Собрав руководителей молодежных делегаций, став в круг и взявшись за руки, служители совершили молитву. Еще до того, как прозвучало «Аминь», в офис лагеря вбежал взволнованный Чух.

— Поймали! Крысу поймали! — обрадовал парень. — Уже собирался дернуть из лагеря, а тут мы его встретили, и он спалился!

— Да... тут без Божьей помощи не обошлось, — улыбнулась Ирина.

— Чей? — явно волнуясь, спросил Кирилл.

— Мариуполь! — развеяв сомнения нашего молодежного лидера, констатировал Чух и, опустив глаза, сказал: — Наш... пилигрим.

Конечно же, контингент жителей «Республики» напоминал окружающих, и часто на пилигримов «вешали» лишнее. Пару лет тому назад в детском садике, расположенном прямо возле нашего здания, участилось воровство. Работники кухни этого детского учреждения стали жертвой каких-то воришек. Регулярная пропажа сумок стала причиной, по которой заподозрили нас, как наиболее

опасных соседей. Но и тут мы увидели руку Божью в том, что через некоторое время подозрение было снято с наших воспитанников. Проходя мимо детсада, один из пилигримов заметил, как из помещения кухни выскочила девчонка, унося ноги и держа что-то в руках. Заподозрив неладное, пацан догнал беглянку и, приведя ее назад, выяснил, что предмет в руках оказался очередной сумочкой сотрудников детсада. Девчонка-воришка была обычным семейным подростком и не имела никакого отношения к «Пилигриму». В результате этого происшествия в глазах сотрудников детского сада «Республика» была реабилитирована.

Однако полное оправдание от подозрений в криминале мы вряд ли получили. В течение всей нашей истории время от времени у нас появлялись личности, которые вели, что называется, двойной образ жизни и, улыбаясь нам днем, пытались втянуть ведомых и податливых ребят в настоящие криминальные истории.

— Откуда у тебя обновки? — заведя пацана в кабинет, спросил я.

— Да встретил батю с приятелем — они купили! — не моргнув глазом, соврал пацан.

— А кто с тобой был вчера? — понимая, что дело пахнет жареным, я решил вывести плута на чистую воду.

— Мы с Киндером гуляли, — еще не подозревая, что этого мне достаточно для разоблачения, сказал лгунишка.

— Киндера в соседнюю комнату, а ты остаешься здесь. Господа, делаем очную ставку.

Задав каждому по пять вопросов о том, где именно они встретили папашу с приятелем, сколько денег они им дали, в каком месте покупали вещи и т. д. я продемонстрировал ребятам, что они по уши во вранье.

— А теперь правду и только правду! — потребовал я.

— Мужика пьяного выставили, — опустив глаза, пробурчал Киндер.

— Ясно. Соскучились по старой жизни, — констатировал я печальный факт.

Выяснилось также, что этот мужчина, попавшийся под руку нашим ореликам, был не единственным. Через несколько дней всплыла история, которая послужила поводом для ареста Чудика. Приметив возле подъезда пьяного мужичка и оглянувшись вокруг, наш «герой» шарахнул жертву по голове, вытряхнул карманы и, как ни в чем не бывало, вернулся в «Пилигрим». Мужчина с сотрясением мозга попал в больницу. За это происшествие Чудик отправился в тюрьму. Оттуда он стал регулярно присылать в «Пилигрим» свои «апостольские» послания:

«Здравствуй, Пастор. Пишет вам Чудик, как знаете с тюрьмы. Дела идут нормально, пока все в порядке. В тюремной жизни уже обосновался, все в эту сторону нормально, но по началу было плохо. Я обращаюсь ко всем малолеткам в “Пилигриме” — сюда лучше не попадать. Сначала загружат загадками, например, как эта: “Представьте, что вы маленький цыпленок, то когда вырастаете, кем вы будете?” (Ответ: большим цыпленком.) По тюрьме ходит поговорка: “Взросляк думает головой, а малолетка — задним местом”. Так что задумайтесь перед тем, как идти что-то делать против закона, и не думайте, что, извините за выражение, “перцы”, вас не слышат. Я тоже так думал, но прогадал. Надеюсь, что я нормально расжувал».

Хочется верить, что этого урока хватит пацану, чтобы, сообразив, что в жизни по чем, действительно изменить приоритеты.

Были в нашей истории и очень серьезные криминальные затеи. Но благодарение Богу за то, что сердца пацанов, пережившие добрые перемены, все реже соблазнялись, сворачивая на преступные пути.

Однажды ко мне пришел Боровик.

— Кот планирует преступление. Предложил мне участвовать. Я сказал, что не буду этого делать и ему не позволю. А он меня назвал лохом и сказал, что найдет кого посмелее.

— Это что? — спросил я, беря из рук Боровика листок с каракулями.

— Это расписанный Котом план кражи мотоцикла. Он все продумал и здесь по пунктам изложил.

На клочке бумаги был небольшой чертёж автостоянки и поэтапный план действий. Особенно интересно звучал пункт номер три, гласивший: «Ликвидировать сторожа».

Кот, узнав о том, что Боровик имел разговор со мной, тотчас убежал из «Пилигрима», понимая, что я не оставлю его затею безнаказанной. Уже позже, вернувшись в свой родной город, он передавал извинения за все гадости, которые натворил, находясь у нас. Через одного из своих родственников парень, который, по его словам, ведет относительно нормальную жизнь, просил поблагодарить воспитателей за то, что дали ему когда-то приют и помогли сориентироваться в жизни.

Руку Божью мы видели не раз и в том, когда нам удавалось вернуть украденное, а также тогда, когда нам попадались воры разных мастей. Не так давно телефонный аферист, представившийся сотрудником одной из мариупольских компаний, объявил нам о том, что в ответ на долгие просьбы нам все-таки дали добро установить дополнительный телефон. Мы искренне порадовались этой долгожданной новости, однако радость наша была короткой. Оказалось, что этот человек еще до появления у нас успел «развести» несколько организаций и частных лиц, сняв с них приличные суммы и исчезнув вместе со своими липовыми бумагами и деньгами людей. Однако на церкви этот «господин», что называется, преткнулся. Чутье нашего дьякона не подвело: аферист был задержан и взят под охрану старшими пилигримами.

Непедагогическая поэма

— Сиди и не рыпайся! — показав большой кулак, предупредил новоявленного «сына лейтенанта Шмидта» Кит.

— Рыпнешься — зашибу!

— Ты на кого руку поднял? — начал свою проповедь Киндер. — С ума сошел в церкви воровать? Совсем ты, видно, плохой!

— Отпустите, пацаны, — жалобно просил задержанный «комбинатор», — я вам денег дам...

— Ща я тебя отпущу, а потом догоню и еще раз отпущу, — произнес басом Кит. — Сиди, чудило, и не дергайся!

Под конвоем наших воспитанников арестант был доставлен в милицию, где на него было возбуждено уголовное дело.

Кита, вообще, часто использовал Господь в делах возвращения украденного у нас имущества. Однажды, играя в футбол, он заметил мужичка, который ехал на подростковым велосипеде. Будучи опытным вором в прошлой, безпризорной жизни, Кит сразу почуял неладное.

— Витек, — обратился он к приемному сыну нашего служителя, — это не на твоём велосипеде мужичок едет?

— Мой, точно мой! — растерялся пацан, увидев какого-то странного мужичка, медленно удаляющегося на его велосипеде.

— Молись! — бросил Витьку Кит и, проскочив между решеток в заборе, быстрым шагом стал приближаться к велосипедисту.

Позже мы усомнились в том, что отъездившийся в «Пилигриме» Кит был способен пролезть через узкие дыры в нашем заборе. Было высказано убедительное предположение, что так же, как Господь раздвинул воды в Чермном море, Он поступил, расширив шель между прутьями в пролетах нашей роскошной ограды.

— Мужик, слазь с велосипеда! — вежливым тоном, но без лишних церемоний предложил Кит.

— Ты че, это моя техника! — нажимая на педали, ответил «гонщик».

— Ах так! Твоя, говоришь?! — сокрушительным ударом в челюсть закончил диспут Кит.

Мы были очень рады тому, что в тот день не произошло ошибки. В противном случае пара выбитых зубов могла бы стоить Киту больших неприятностей. «Всадник» был свержен с «коня», которого тут же вернули счастливому хозяину. Витек, брошенный матерью еще в трехлетнем возрасте и усыновленный молодой семьей из нашей церкви, радостно скакал вокруг своего велосипеда, которого едва не лишился. Оказалось, что буквально за десять минут до этой встречи, роковой для вора, он влез во двор к нашему сотруднику и стащил веломашину его сына. Однако Кит, спасший ситуацию, стал в тот день орудием возмездия в руке Божьей. И это был не последний случай в биографии этого крупногабаритного пилигрима.

Буквально по прошествии недели, идя по улице, Кит вновь проявил бдительность. На остановке он заметил молодого алкоголика, который пару месяцев назад, устанавливая оборудование от своей фирмы, украл в «Пилигриме» дорогостоящий прибор — телевизионный ресивер. Руководитель этой бригады принес нам свои извинения, утверждая, что его этот парень тоже обворовал, что он его разыскивает в надежде вернуть украденное. Увидев в кулке у вора наш приемник, Кит трезво оценил обстановку. Понимая, что в беге с этим поджарым парнем он не сможет достойно состязаться, Кит решил применить свои явные достоинства. Подойдя сзади к ничего не подозревающему вору, наш силовик, предусмотрительно придержав левой рукой кулек с дорогим, украденным у нас аппаратом, правой нанес сокрушительный удар по голове вора. Неожиданность и молчаливость его действий наряду с рухнувшим на землю грабителем произвели впечатляющее воздействие

Непедагогическая поэма

на окружающих. На место быстро подросла милиция. Но и в этот раз, благодаря наличию прямых улики, Кит был полностью оправдан. Нам вернули наше оборудование, а с вором провели соответствующие мероприятия.

— Пожалуйста, в следующий раз поосторожней, — умолял нашего рыцаря Евгений Николаевич. — Ты как-то соизмеряй свою силу, а то зашибешь кого при задержании!

Мое «взбадрива- ние» и наша война с криминалом

– Зачем вам это надо? Чего вы с этими
отморозками возитесь?

– Да чтобы в ближайшем будущем и вам,
и нам спалось спокойней!

Ответ моей жены одному знакомому

Доведенный регулярными кражами до крайней степени негодования, я решил предпринять меры по усилению охраны нашего здания и имущества. Однако все отданные мной распоряжения упирались в плохую работу сотрудников охраны. Наше спецподразделение «Мангуст» тоже не отличалось особой боевой подготовкой, поэтому я решил хорошенечко, как у нас говорят, всех «взбодрить».

Однажды около полуночи, одевшись в темную спортивную форму, я впервые в своей жизни отправился «на дело». Конечно же, я верил, что смогу что-либо стащить с заднего двора, где только периодически появлялась охрана, однако ошеломительный успех моей ночной вылазки превзошел все ожидания. Сперва я перемахнул через забор и снял дворники

с нашего церковного автомобиля скорой помощи. Затем, видя, что все обошлось, я решился на вторую вылазку. На этот раз моей добычей стали зеркала с машины одного нашего служителя, стоявшей ночью во дворе «Пилигрима». После этого я притаился под забором соседнего детского сада, выжидая, когда охрана пройдет своим маршрутом. Мое терпение закончилось минут через десять, и, не дождавшись патрульного наряда, я пошел на третью ходку. В ту ночь мне постоянно везло. Приставив лестницу к окну второго этажа, я взобрался наверх и, легенько надавив, смог открыть окно в спальню.

В комнате никто из восьми пацанов не проснулся. Мои орлы спали сном праведников, поэтому мне удалось беспрепятственно пройти в коридор. Проскочив по второму этажу, я услышал хохот охраны, которая, вопреки моим запретам, смотрела телевизор. Путь к офису с его «сокровищами» был открыт. Надо признать, что к этому моменту я уже вошел во вкус. Никогда не думал, что вор в процессе реализации своих проектов может получать столько удовольствия. Пожалев наш хлюпкий замок, я все же открыл дверь в офис своим ключом. Эта маленькая деталь дала повод моим «охранникам» уверять, что они непременно услышали бы, если бы я взломал дверь. Однако, шум от телевизора, по которому пацаны в этот момент смотрели фильм о каком-то ограблении века, оказался настолько сильным, что если бы я даже взорвал дверь гранатой средней мощности, то уверен — они сочли бы это за помехи в эфире. Первой жертвой стал телефон. Затем, вновь вернувшись по лестнице на второй этаж, я вынес компьютерный блок. И только когда я понял, что могу вынести все, — решил остановиться. Была мысль прихватить, завернув в одеяло, пару пилигримов, спящих богатырским сном, но я подумал, что лестница весьма хрупкая даже для моей сотни килограммов, поэтому оставил эту затею.

Унеся «мозги» от компьютера, я решил все же спровоцировать переполох и, удаляясь, напоследок что-то закричал, привлекая внимание охраны. Оставив открытым окно и приставленную к нему лестницу, я «забыл» музыкальные колонки на подоконнике, создав видимость спешно удалившегося грабителя.

Минут через пять прозвучал сигнал тревоги. «Доблестное» подразделение, обнаружившее вскрытый офис и исчезнувшую технику, проявило «чудеса» в сфере розыска, выйдя на демонстративно распахнутое мной окно и специально не убранную лестницу. Ночной подъем я наблюдал из своего укрытия в тридцати метрах от здания. Одно за одним зажигались окна, а ребята, спешно набрасывая одежду, сбегались в холл. Спецподразделение лихорадочно и бесполезно моталось по зданию. Выскочив на территорию и убедившись, что вор дал деру, охрана смирилась с неизбежным.

Позже при «разборе полетов» я узнал, что, собравшись по тревоге, кто-то из пилигримов предложил помолиться, чтобы у похитителя отсохли ноги. К моему счастью, выиграло другое, менее радикальное предложение. Ребята попросили Божьего наказания для виновников этого преступления. Утром я выполнил эту просьбу.

— Ну, рассказывайте, что случилось?

— Телефон, дворники с машин, компьютерные «мозги», — начал перечислять потери сторож.

— Но зато мы спасли колонки! — вмешался Чух, пытаясь сберечь репутацию охранников.

— Как же так могло произойти? Это же не за пять минут все случилось? Как вы могли допустить такой, понимаешь, беспредел?

— Кто-то опытный орудовал! — высказал свою гипотезу Джакс.

— Точно! Профессионал действовал! Убил бы гадину, если бы поймал! — процедил, не запинаясь, Маугли.

Ошарашив ребят сообщением о том, кто данной ночью организовал «налет» на «Пилигрим», я сделал всем дежурившим строгое замечание за халатность при исполнении служебных обязанностей. Вечером на «разборе полетов» Шустрик предложил переименовать отряд «Мангуст» на «Лангуст» за несоответствие профессиональным требованиям.

Немало было в нашей летописи историй, когда мы предотвращали преступления. Однажды во время ночного рейда мы задержали ребят, которые сообщили нам о том, что их наняли водители микроавтобуса на «подработку». Прямо в центре города, недалеко от горисполкома, велись дорожные работы. Предприимчивая компания, присмотрев бетонные блоки, подготавливаемые ремонтниками к укладке, решила ночью передислоцировать их в свои частные хозяйства. Для ускорения процесса решено было привлечь беспризорников. Ребятам пообещали по червонцу, если помогут. В их функциональные обязанности в соответствии с «контрактом» входило погружение ценных строительных материалов в машину.

— Пастор, как только в центре города выключат иллюминацию, там будут в микроавтобус шлакоблоки воровать. Мы сперва хотели помочь, а потом решили, что это нехорошо. Позвони, куда следует! — проявляя неожиданный патриотизм по отношению к Мариуполю, обратился ко мне задержанный в рейде пацан.

Получив эту информацию, я позвонил в дежурное отделение. Проезжая утром мимо места запланированного воровства, мы не без удовольствия заметили, что бардюры лежали на месте, а строительство продолжалось полным ходом.

Были случаи и посерьезней. Однажды парнишка, попавший к нам, рассказал мне о том, что его за определенную сумму денег подговорили поджечь машину. Указав, где

именно этот автомобиль паркуется и передав пацану номер «девятки», заказчики обещали щедро расплатиться с беспризорником за эту «работу». В качестве аргумента парню дали предоплату. Вместе с кучей продуктов, купленных за эти деньги, пацан пришел в «Пилигрим», а хозяину машины мы сообщили о его «доброжелателях» и их планах.

Но, конечно же, не всегда мы успевали вовремя. Однажды задержанный нами подросток выглядел слишком странно, будучи весь в копоти. Только через год после этого мы узнали истинную причину внешнего вида погорельца. Оказалось, что вскрыв дверь в машину, парень поджег спичку, чтобы получше разглядеть, как снять магнитофон. Догоревшая спичка упала на тряпку, пропитанную бензином, и через минуту уже вся машина была объята пламенем. Изрядно подвыпивший автовладелец выскочил из дома, когда все уже было кончено. За то, что беспризорник поведал ему сочиненную на ходу историю о каких-то людях, обливших его автомобиль из канистры и убежавших, он еще умудрился получить денежное вознаграждение!

Много раз в самых неожиданных ситуациях мы сталкивались с криминальным миром, который проявлял к уличной детворе далеко не теоретический интерес. Не одно преступление нам удалось раскрыть с помощью ребят. А сколько нарушений закона предотвратили жители нашей «Республики»? Пацаны в центре шутят, что эту цифру знают только ангелы в небесной канцелярии!

КОНЬ БОЛИВАР И БОКСЕР ЛЕНИН

*Недостатка в актерах у нас
не было.*

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Обыденная жизнь «Республики» протекает крайне бурно. Кроме школьной программы, наш график заполнен массой мероприятий, которые проводят воспитатели. Всевозможные конкурсы, соревнования, чемпионаты и викторины — все это часть нашей жизни.

Не так давно в «Пилигриме» проходил «Рыцарский турнир». Все было, как положено! Дамы в прекрасных нарядах, рыцари в доспехах, с копьями, стрелами, луками и мечами! В программе были состязания кавалеров на меткость, конкурс на самое изысканное приветствие «даме сердца», на лучший костюм, лучший рыцарский девиз и т. д. На щитах — девизы: «Вера, честь, отвага», «Победителей не судят». У самого маленького участника, семилетнего Мухи, на щите было начертана фраза: «Сердце дамы в руке Господа». Для турнира все было изготовлено руками самих

Конь Боливар и Боксер Ленин

детей и помогавших им воспитателей. Суета, беготня, последние приготовления, репетиции.

Однако в процессе подготовки возникла одна проблема. Бублик, десятилетний мальчишка с невероятным количеством энергии, в последний момент тоже загорелся желанием принять участие в турнире. Что можно придумать за пять минут до выступления? Нет костюма, доспехов. Кто-то подал идею: «Пусть будет конем рыцаря!» Нашелся кусок меха, из которого соорудили головной убор с ушами и отверстиями для глаз.

— «Конь Боливар», — придумала на ходу кличку Людмила Николаевна.

Но, уже поднявшись в актовый зал, «конь» вдруг заартачился: «Не хочу быть конем, хочу быть рыцарем!»

— Бублик, рыцарских «вакансий» уже нет! — настаивала ведущая, воспитатель Марина Евгеньевна, пытаясь успокоить ребенка.

Но наш «конь» готов был расплакаться и, переименовав «Боливарского коня», сошлись на том, что он будет рыцарем «Боливаром из Боливии».

— Хорошо! — утирал слезы наш доблестный покоритель женских сердец.

Боливар присоединился к рыцарям Тристану, Айвенго и другим, не менее легендарным героям вечера. Зазвучал колокол, возвестив о начале турнира.

Объявили участников состязаний, называя поименно каждого рыцаря, из какой страны, и указывая, кто за какую даму будет сражаться.

Девушки сверкали пышными нарядами и приветливыми улыбками. Объявили и «Боливар — рыцаря из Боливии», готового сражаться за даму Джозефину, в которую превратилась в тот день Барби. Во время подготовки к турниру все участники слышали, что Бублик будет выступать конем рыцаря. После того, как его объявили рыцарем, Джозефина

изобразила крайнее удивление и, не сдержавшись, воскликнула: «Бублик! Ты же конь!» Под взрыв хохота обиженный Бублик убежденно доказывал, что он рыцарь «Боливар из Боливии». В конце концов, и рыцари, и дамы, и публика поверили в это чудесное перевоплощение «коня». Турнир после небольшой паузы продолжился.

Время от времени в центр присылают посылки от некоторых добрых людей, поддерживающих нашу «Республику». Добрые люди, многие из которых прекрасные христиане, присылают детям одежду, обувь, а иногда — разные сладости: конфеты, печенье, хлопья и всякие приятные штучки. Как только детвора прослышит об очередной полученной посылке, толпами собирается на складе, где раздают вкусненькое просто так, но иногда просят оказать небольшую услугу: вынести мусор, подмести пол, передвинуть ящики.

Однажды Светлана Александровна со своей прекрасной помощницей Татьяной решили организовать викторину со сладкими призами-вознаграждениями за сообразительность.

— В какой стране мы живем? — задали они первый вопрос претендентам на сладкий приз.

Ответили почти все, кроме Жучка, который надолго задумался.

— Кто президент в нашей стране? — решила Татьяна дать еще один шанс пацану. Ответа не последовало.

— А кто такой Кучма? — настойчиво намекала Светлана Александровна.

— Это тот, кто разносит телеграммы! — ответил «сообразительный» подросток под взрыв хохота.

— Кто такой Ленин? — перешли наши сотрудники в исторический раздел викторины.

— Он вор! — мгновенно ответил, регулярно грешащий в этой же сфере паренек по прозвищу Устим.

— Почему ты так думаешь? И где ты такое слышал?

Конь Боливар и боксер Ленин

— Да он собирал у людей продукты и закрывал на складах, выставял стражу, а если кто-то приближался, то стрелял.

— Да нет. Вступили в дискуссию остальные ребята.

— Он боксер! — поделился предположением Жук.

— Нет, писатель! — уверенно заявил Муха.

Подоспевший к викторине Баз авторитетно заявил:

— Ему памятник стоит на «тыщике». Он — революционер!

Все это время подросток постарше Дан, очень серьезный и сосредоточенный, рылся в вещах, подыскивая себе какую-нибудь модную вещицу. И тут стали задавать вопросы на библейские темы: «Кто такой Иисус?»

Самый маленький участник, умненький и прилежный мальчишка Муха, ответил: «Он — Спаситель, Бог! Его знают все!»

— Очень правильно, — сказала тетя Таня.

— Муха, а что же Он сделал, что Его знают все?

— Он умер за всех, чтобы все жили!

Вдруг Дан, взглянув на сладкие призы, расходящиеся по карманам участников викторины, решил присоединиться к конкурсу:

— Я тоже хочу ответить на какой-нибудь вопрос из Библии.

— Так как ты старше всех, то тебе вопрос посложнее: «Апостол Павел жил во времена Иисуса или после Него?»

Вопрос Дан не осилил, но чтобы не оказаться в неловком положении перед младшими, нашел выход:

— Вы знаете, че-то я не хочу печенья! — сказал он, вернувшись к своему занятию.

Творческие успехи наших ребят с каждым годом растут. Все больше грамот, кубков и благодарностей, полученных за победы пилигримов на различных мероприятиях, скапливается в моем кабинете.

В первый же год существования нашей «Республики» некоторые ребята проявили живой интерес к музыке и создали музыкальную группу «Пилигрим», которая успешно дебютировала со своей первой концертной программой. Ребята освоили несколько различных инструментов, и коллектив стал набирать обороты. Под руководством Марио даже состоялся ряд гастрольных поездок. Вместе со мной они посетили церкви в городах Горловка, Славянск, Луганск и приняли участие в воскресных богослужениях.

Позже под руководством профессионалов начал свою работу пилигримовский театр и хореографическая группа. На официальном празднике, посвященном трехлетию работы нашего центра, ребята удивили всех, показав несколько замечательных миниатюр и чудесных танцевальных постановок. Однако, как всегда, не обошлось без проколов. Семилетний Муха был главным солистом в танцевальной команде и, безусловно, находился в центре внимания публики. Выкручивая невероятные сальто, кульбиты и прочие акробатические трюки, парень явно переборщил. Когда при последнем такте замерла музыка, и зал взорвался аплодисментами — мальчик прокололся. Вся группа танцоров, застыв на месте, поклонилась зрителям, сделал это и наш солист. Однако у пацаненка закружилась голова, и он потерял ориентир в пространстве. В момент поклона Муха оказался спиной к залу и, не заметив этого, трижды поклонился! Но надо отдать должное нашим гостям — овации от этого только усилились.

В общеобразовательной школе, от которой при «Пилигриме» открыты классы, выступление наших ребят не раз приносило им победы! Сражения школьного клуба веселых и находчивых почти всегда завершались в нашу пользу. Однажды на очень престижном конкурсе, где соревновались школьные пары, демонстрируя различные навыки и смекалку, лучшей парой также были признаны воспитанники

КОНЬ БОЛИВАР И БОКСЕР ЛЕНИН

«Пилигрима»! Марио и Барби не скрывали своей радости по поводу данной победы. Им было присвоено звание лучшей пары школы.

Говоря о состязаниях и конкурсах, которыми наполнена жизнь «Республики», мы не можем обойти тему экстрима. По самой своей природе наши воспитанники самые ярые каскадеры. Адреналин, по мнению пилигримов, просто необходим в любом состязании как его непременная составляющая. Служение подросткового клуба «Роял Рейнджерс» предоставляет именно в этой сфере немалые возможности, поэтому завоевало у ребят особую популярность. Умение спуститься с немалой высоты на веревке, перебраться через бурный речной поток, покорить крутую вершину — все это не раз демонстрировали и парни, и девчонки в «Пилигриме». Первый и последний снег всегда был для нас поводом к зимним экстремальным конкурсам. За неимением или нехваткой санок к церковному микроавтобусу привязывались специально для этого изготовленные доски. На них усаживалась группа подростков, отстаивавшая честь соответствующего отряда, и машина начинала разгон по футбольному полю. Цель ребят оказалась непростой. Необходимо было, как можно дольше удержаться на доске, не вылетев с нее на крутых поворотах. Результат не имел никакого смысла в цифровом эквиваленте, поскольку выиграли все. Такое количество радости редко так обильно концентрируется в одном месте. Изрядно потрепанными, мокрыми и очень счастливыми возвращались пилигримы после этих катаний.

«Политическое влияние “Республики Пилигрим” растет», — уверенно заявляют министры нашего «Государства бывших беспризорных». Неоспоримым свидетельством данного факта является то, что президент «Пилигрима» Марио на четвертом году существования нашего государства совершил поездку в Финляндию,

где вместе с делегацией из Украины провел неделю в фантастическом лагере «Королевских охотников»!!! Движение «Роял-Рейнджерс», проводя европейский сбор подростков, предоставило Марио возможность за вполне приемлемую цену посетить кемпинг, что стало для него превосходным подарком. Совет «Республики» именно ему единогласно предоставил такую привилегию отправиться в это турне. Счастливый и сильно отъевшийся наш президент вернулся из этого путешествия и многие часы рассказывал ребятам о том, как это было! Наиболее шокирующим впечатлением наш делегат назвал молитвенные служения, в которых принимали участие пять тысяч подростков практически из всех европейских стран. На воскресном собрании Марио искренне поблагодарил церковь, выступившую спонсором его поездки. Действительно радостный факт — беспризорник с пяти лет, сильно ожесточенный, севший за парту всего два года назад, ставший совершенно нормальным парнем благодаря «Пилигриму», вернулся из Финляндии!!!

«Долой скуку!» — под таким девизом мы стараемся строить жизнь нашего центра, и, надо признать, благодаря усилиям многих людей, вовлеченных в работу «Пилигрима», нам это удается.

ЧЕТВЕРТЫЙ «ПЕНТИМ» И НАРОДНОЕ СПОНСОРСТВО

*Между тем наша колония понемногу начала
развивать свою материальную историю.
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»*

С самого начала «Республика Пилигрим» не имела никаких крупных меценатов. Можно сказать, что в фундаменте наших реабилитационных проектов было некое «народное спонсорство». Время от времени Бог располагал чье-то сердце и посылал нам добрых людей, вносивших свою лепту в развитие детского центра. Эти, порой крайне неожиданные пожертвования, складываясь, как части мозаики, и сегодня делают нашу работу возможной.

Надолго запомнился пацанам визит служителя церкви из Славянска, моего старого друга и известного христианского деятеля Сергея Демидовича.

— Спойте «Старый крест»! — кричали пацаны автору этой известной христианской песни, приехавшему к нам в гости.

— Непременно, — успокоил Сергей, — но сперва у меня для вас небольшой сюрприз! Заносите! — распорядился он кому-то за дверью.

Непедагогическая поэма

— Ух!!! — гулким эхом пронеслось по залу, наполненному детворой. — Вау!!! — прокатилось второй волной вдогонку предыдущей.

Причиной этих немногословных, но весьма эмоциональных восторгов стал роскошный новенький компьютер, который торжественно внесли в помещение служители. Мечта номер один для наших пацанов стала реальностью.

— Четвертый «пентим»!!! — решил поумничать Баз, на глаз оценивая эстетическую мощь электронного чуда.

— Не «пентим», а «пентиюм»! Деревня! — подкорректировал соседа Жучок.

— Сам колхоз! — отрезал Баз. — Я що, первый раз камп вижу?

— Спа-си-бо! Спа-си-бо! — скандировали ребята и, уже «забывая» места в очередь, вели резкую полемику, выясняя, кто за кем.

— И еще парни! — продолжил Сергей. — Мы тут с пастором посоветовались, и я вам как государству, имеющему выход к морю, даю триста долларов на моторную лодку!

— Ес! Ух! Вау! Круто! — пронеслось в разноречивом многоголосье по рядам наших воспитанников.

Таким образом, в один день у нашего государства появился и свой флот, и компьютерный класс. Наша моторка, купленная и отремонтированная Володей Иващенко, при активном участии некоторых наших самоделкиных, особенно Хома, уже через месяц отправилась в первое плавание. Несколько лет в летнее время она снаряжалась рыбаками-пилигримами и бороздила Азовское море.

— Ты что, тонну рыбы съел? — морщась и отворачиваясь, спросил я у выскочившего из троллейбуса Комара. — Как тебя в общественный транспорт пустили в таком виде?

— А че, нормальный прикид! Я просто с рыбалки!

— Посмотри, бычки из ушей лезут! — закрыв нос пальцами, хохотал Фил.

ЧЕТВЕРТЫЙ «ПЕНТИМ»

— В «траллеке» благодарственное служение нужно провести по поводу того, что ты из него вышел! — заливалась смехом Мили. — Посмотри, в нем все окна и люки открыты... бедные люди, ехавшие с тобой... как в консервной банке — все теперь одинаково будут рыбой вонять, никакие дезики не помогут!!!

— Вы сюда гляньте! — указывая на сумку, полную свежей рыбы, гордо парировал Комарик, — кто будет слишком сильно ржать, тот на ужине свободен! Рыбный запах — это запах трудового пота, поэтому им надо гордиться!

Говоря о людях, внесших свой вклад в развитие «Республики» следует упомянуть пастора Петра Дудника, епископов Евгения Федоровича Ляшенко и Алексея Алексеевича Демидовича, не раз хлопотавших по нашим непростым вопросам на различном уровне. Пробивая гуманитарную или финансовую помощь, они потратили немало калорий и нервных клеток. Хочется также отдельно поблагодарить и сотрудников миссии «Добрый Самарянин», ставшей для нас стабильной поддержкой, несмотря на катастрофическую перегруженность этой христианской организации социальными проектами. Дитер Кноспе, Адольф Цинзер, Йоганес Раймер, Нина Герман, Павел Фролов из Першотравенска, Днепропетровской области, пастор Микаэль Кноспе и его чудесная церковь в небольшом немецком городке, а также многие другие люди вносили свой неоценимый вклад в становление и развитие нашей работы с беспризорниками. Время от времени, поддерживая нас финансами, гуманитарной помощью, а иногда, становясь причиной таких существенных благословений, как наша бундесверовская карета «скорой помощи», эти люди вместе с нами создавали «Республику».

Их визиты к нам всегда были особенным событием для пилигримов. О приезде служителей немецкой миссии ребята узнавали заранее. В предвкушении подарков данные мероприятия ожидались с особым нетерпением.

— Ты что там бубнишь? — поинтересовался Юрий Андреевич у Спартака, — стихи что ли пишешь для Барби? Ох, чувствую, сердцеед в тебе растет!

— Обижаете! Я, конечно, к Барби симпатии не скрываю, но в данный момент иностранными языками занимаюсь! Немцы ведь скоро к нам приедут. Нельзя, как говорят, ударить в грязь копытом!

— Ой, держите меня! Спартак переводчиком будет! Ты сперва с русским разберись хоть немного, — подтрунивал Шустрик.

— Аккуратней, я уже несколько фраз без акцента говорю на чистом фашистском!

— Не фашистском, а немецком! Пень! — в сердцах взорвался наш дьякон. — Ох, чувствую, опозоришь нас! Ох, быть беде! Надо тебя куда-нибудь отдать на пару дней, когда гости приедут!

— Во заливает! Без акцента... Ну и что ты там выучил? — вклинился в разговор Маугли.

— Wie Kommt man ins Rauchzimmer? — гордо подняв голову, внятно и громко продекламировал Спартак ошарашенному окружению.

— Ничего себе! — присвистнул Джакс, — во дает! И что это ты сказал?

— Простите, не подскажите мне, как пройти в курильную комнату? — перевел с довольным видом наш полиглот рухнувшим на пол от хохота друзьям.

— Куда? Сквозь слезы смеха пытался уточнить Юрий Андреевич. — Куда тебе пройти? В ссылку! Срочно в Червоное на хозяйственные работы! А то устроит нам тут дипломатический скандал! Только, понимаешь, наладили отношения после Второй мировой... Траву косить дней на пять!

— Ну а ты, Электрон, хоть не подведешь? — успокоившись, завел он дискуссию с другим подростком, не раз

ЧЕТВЕРТЫЙ «ПЕНТИМ»

бравшим грех на душу. — Не обворуешь иностранных гостей? Сможешь устоять перед соблазном?

— Не знаю! — с серьезным и задумчивым видом произнес пацан и, тяжело вздохнув, продолжил: — Не знаю, не могу обещать, но постараюсь!

В прошлой жизни Электрон прославился творческим подходом в «присвоении» предметов, на которые он положил глаз. Однажды в водном походе, проплывая мимо какого-то села, мы заметили, что он сильно встревожен и пытается под любым предлогом скрыть свое лицо от выстроившихся на берегу местных жителей, созерцающих нашу необычайно пеструю эскадру.

— Ты чего закутался, как какой-то туркменбаши? — почуввав неладное, поинтересовался у приятеля Кэн.

— Тихо, болван, чего орешь? — обрубил Электрон. — Боюсь солнечного удара! Пастор предупреждал голову накрывать. Отвянь, а то пристал, как слепень!

— Кэн, отъедем от этой деревни, я тебе расскажу, какой у него удар! — смеялся на соседнем плоту Монгол. Если он сейчас свою чалму снимет, то нас местные жители вместе с ним утопят!

— Тупицы! — еще больше закрывая своей паранджой лицо, произнес Электрон. — Безмозглые тупицы! Ну замолчите же!

Как позже оказалось, в этом селе прошла часть жизни подростка, оставив незабываемый след в памяти колхозников. Позже среди пилигримов долго ходили слухи, что в дохристианский период жизни пацана полпоселка лишилось кастрюль и прочей металлической утвари в силу особенной активности Электрона по сдаче цветного металла и своеобразной «поддержки» национального металлургического производителя.

Перечислить всех людей, которых Господь посылал нам в помощь за время существования «Республики Пилигрим»,

к сожалению, невозможно. Это были самые неожиданные люди, которые иногда инкогнито приносили сумки с вещами, передавали консервацию из своих погребов или просто часть урожая из своего приусадебного хозяйства. Порой мы получали совершенно экзотические пожертвования, как, например, наша лошадь Ласточка-Фисенко. Именно так мы решили ее назвать, соединив фамилии добрых людей, пожертвовавших нам средства на этот «грузовик» с хвостом и гривой. Несколько лет это грациозное творение Божье трудилось на полях нашего взрослого реабилитационного центра, а иногда для самых смелых ребят, видимо, казацких кровей, становилось хорошим способом для развлечений.

Средства, пожертвованные простыми людьми, заглянувшими в «Пилигрим», не раз материализовывались в тех или иных ремонтах в виде мебели или спортивного инвентаря. Обычные люди и бизнесмены участвовали в финансировании нашей работы. Кто-то периодически, а кто и систематически участвует в жизни «Республики». Директор фирмы «Каррера» Игорь Владимирович Венецкий наряду с Александром Глушко стали постоянными спонсорами, ежемесячно передавая моющие и чистящие средства для прачечной. Иван Иванович Белозерцев, руководитель фирмы «Титан», на протяжении нескольких лет каждый месяц благословлял крупной нашей кухонное производство. К началу учебного года магазины: «Канцтовары» (Кирсанова Елена Александровна), ООО «Бизнес-Партнер» (Олейников Олег Игоревич), ООО «Надия» (Симонова Надежда Павловна), «Светоч» (Татьяна Дмитриевна) сбрасываются и помогают нам обеспечить детвору тетрадками, ручками и прочими необходимыми канцелярскими товарами. Торговые центры «Мойдодыр» (Тарановская Алла Алексеевна) и «Белоснежка» (Дронова Елена Анатольевна) периодически тоже поддерживают нас в решении текущих хозяйственных проблем. Клара Семеновна

ЧЕТВЕРТЫЙ «ПЕНТИМ»

Ковалева, руководитель фирмы «Маринеко», не раз жертвовала средства на различные нужды «Пилигрима». Муравьев Владимир Егорович (ЗАО СП «Гер-Мар») также неоднократно участвовал, оказывая продуктовую помощь.

Всем этим и многим другим людям, подтверждающим народную поговорку «с миру по нитке — беспризорнику рубашка», хочется сказать слова благодарности и напомнить библейскую истину: «Дающий нищему не обеднеет; а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий» (Притчи 28:27).

Говоря о народном спонсорстве, стоит также упомянуть многих волонтеров. Замечательная женщина из нашей церкви Людмила Янцевская, будучи чудесным парикмахером, уже на протяжении нескольких лет приходит в «Пилигрим» и стрижет ребят. Ольга и Александр Магильда, руководитель христианской воскресной школы, каждое воскресенье со своими помощниками служат младшей группе наших воспитанников. Денис Воробьев, Надежда и Кирил Процковы служат в подростковом и молодежном клубах, пытаются строить мосты взаимоотношений между детворой в центре и обычными детьми из верующих семей. Сотрудники нашей церкви: вахтеры, секретари, бухгалтера, пастора — все эти люди, несомненно, достойны отдельных глав в нашей «Непедагогической поэме»!

Среди добровольцев, приезжавших к нам и вносивших свой трудовой или просто сердечный вклад в работу с детворой, были также иностранцы. Необходимо отметить, что для некоторых из них визиты к нам были непростым испытанием.

Бэдрум капут или приключения иностранцев в Мариуполе

*На любом языке я умею говорить со всеми,
но этим инструментом я стараюсь не пользоваться.*

Виктор Черномырдин

Однажды мне позвонил один старый добрый друг «Пилигрима» и посоветовал на пару недель принять одного европейца, желающего послужить волонтером в наших реабилитационных центрах.

— Хороший человек, — представил мне нашего будущего гостя по телефону директор христианской миссии Йоганес Раймер, — он немец и, по-видимому, просто хочет сделать что-то доброе, а также с пользой для людей провести свой

отпуск. Дайте человеку возможность послужить, чтобы впечатлений поднабрался.

— Добро, пусть приезжает, — распорядился я прямо перед своим отъездом в недельную командировку. — Чего-чего, а впечатления мы ему точно гарантируем, — не подозревая пророческой силы этого высказывания, пообещал я.

Через несколько дней, во время моего пребывания в Киеве, наш слугитель Александр Матюшин встретил гостя на мариупольском железнодорожном вокзале и, исполняя решение слугителей, отвез его в реабилитационный центр для взрослых. Там, в селе Червоное, гостю планировали выделить комнатку и предоставить возможность, живя вместе с реабилитантами, осуществлять свою благородную волонтерскую миссию. Однако в процессе знакомства неожиданно выяснили одну деталь. Оказалось, что наш гость коренной, а не русский немец, который не знает ни одного слова на восточнославянских языках.

Надо признать, руководители нашего реабилитационного монастыря академий тоже не заканчивали. Их образование сводилось к многолетнему увлечению химией на бытовом уровне наркоманов. Плюс к этому у многих за плечами были тюремные курсы, иногда достаточно продолжительные.

Однако гость приехал, я находился в отъезде, и немца отвезли в Червоное.

— Во мы попали, братья! — порадовал слугителей Александр, — он же, как турок, ничего не понимает. Просто дитя малое, а не мужик!

— Не паникуем! Мы и не из таких переделок выходили в прошлой жизни! — успокаивал тезку один из руководителей реабцентра Александр Даньшин. — Да и мы не полные неучи — айн, цвай, драй... ахтунг, ахтунг, — блеснул знаниями наш сотрудник, подмигивая приезжему.

— Ага, и «русиш швайн» еще! — добавил кто-то из реабилитантов, демонстрируя свою эрудицию.

Гостя поселили в небольшой комнатухе со всеми, так сказать, «удобствами», за исключением только некоторых, традиционно вынесенных в русских селах на территорию двора. По-видимому, наш немец не распознал в небольшой, стоявшей в углу и застеленной покрывалом кровати место своего потенциального ночлега, поэтому вежливо поинтересовался у приставленного к нему брата, проходящего реабилитацию от наркотика, где бэдрум?

— А... это... без проблем! Ноу проблем! — похлопывая по плечу и указывая на дверь, откликнулся реабилитант. — Иди за мной! Гоу, гоу... Камон! — продолжал он, видимо, почувствовав особенный англоязычный прорыв в своем подсознании.

Выведа на улицу вежливо следовавшего за ним представителя арийской расы, наш новоиспеченный брат во Христе решил, наверное, окончательно «добить» своими языковыми способностями опекаемого, что ему, надо признать, «удалось».

— Плиз бэдрум! — почему-то переведа это слово, как «туалет», указал реабилитант на строение около сарая, но, уловив некую степень сомнения в глазах иностранца, еще раз твердо и громко заверил, указывая рукой и отодвигая лист шифера, выполнявшего в этом заведении роль двери, — бэдрум!

Вероятно, не уловивший тонкостей английской морфологической стилистики немец начал проявлять признаки паники и повторять одну и ту же фразу...

— Пастор Геннадый! Пастор Геннадый! — упраскивал он руководителей реабцентра.

— Ничего не пойму! Ему наш бэдрум, наверное, не подходит. Пастора требует, видно, жизнь его там, на Западе, избаловала. Привыкли, понимаешь, с подогревом и

Бэдрум капут

кондишеном... А по мне бедрум как бедрум! Ну и ничего, что без двери, зато шиферина такая, что полный порядок!

На ближайшей попутке в состоянии культурного шока немца привезли в офис церкви и, отыскав Юрия Андреевича, решили объяснить причину волнений.

— У нас тут проблема: ему наш бэдрум не подходит. Видно, брат не из простых, ему, наверное, условия надо блюсти гигиенические. Мы ему лучшую комнату в реабилитационном центре выделили, но бэдрум ему наш не подходит. Пастора ему подавай! Вот мы и решили его к вам доставить.

Наш дьякон, всегда в глубине души презиравший излишнюю тягу к роскоши, вероятно, почувствовав прилив обличающей творческой энергии, решил подкорректировать претензии немца к украинскому быту.

— Послушай, что я тебе скажу, — почти на пределе голосовых возможностей, наверное, полагая, что чем громче он говорит, тем его речь будет понятней иностранцу, начал свое нелестное наставление Юрий Андреевич. — По-слу-шай-ме-ня... Вот что я те... бе... ска... жу... — почти кричал наш дьякон в плотную приблизившись к волонтеру. — По... слу... шай... — подняв палец к небу, блеснул наш эрудит подвернувшимся немецким словечком, — УКРАИНА БЭД...РУМ...КА...ПУТ!!! УКРАИНА БЭД...РУМ...КА...ПУТ!!! — повторил он вконец опарашенному и запутавшемуся в наших языковых вариациях человеку.

К счастью, в это время я вернулся из поездки, и немца доставили ко мне домой в состоянии глубокого стресса. Но, благодарение Богу, мы быстро нашли общий язык и сняли возникшее «международное» напряжение. Наш гость оказался замечательным человеком. Прожив в моей семье две недели, он успокоился и действительно получил массу впечатлений. Большую часть дня он проводил в «Пилигриме», беседуя с детворой, которая просто облепила этого добродушного человека. Он обучал их немецкому языку,

внося свой лингвистический вклад в будущее украинско-немецкие отношения во избежание проблем, возникших с нашим «бэдрумом».

Однако, уже распрощавшись с «Пилигримом», в аэропорту в Киеве наш гость пережил еще один шок. Перед самым отлетом, обнявшись с нашим служителем Андреем Япрахом, который привез его в Борисполь, немец опять попал в историю. Пожав руки братьям, заботливо проводившим его к таможенному осмотру аэропорта, он развернулся и пошел к месту контроля. Прямо навстречу выходила толпа пассажиров, прилетевших последним рейсом. Один из них шел прямо на нашего волонтера. Вдруг человек, направляющийся на немца, увидел за его спиной своего приятеля и решил поприветствовать друга нестандартным образом. Смотря сквозь отмучившегося на украинской земле иностранца, подняв руку по-фашистски вверх, украинец крикнул: «Хайль Гитлер!» В этот момент он стоял лицом к лицу с нашим гостем и, казалось, смотрел прямо на него! Излишне описывать шок, пережитый в последние секунды на нашей Родине отпусником-волонтером. Придя в себя после некоторой паузы и, вероятно, рассуждая над особенностями культуры восточных славян, немец все же добрался до своего самолета.

Люди, приезжавшие к нам из-за границы, переживали много трудностей во время своих визитов. Что только не происходило с ними на нашем постсоветском пространстве. Епископ Дитер Кноспе падал в лифте с 9-го этажа, и только благодаря его верному спутнику, миссионеру Рудольфу Шепеку, успевшему нажать какую-то необходимую кнопку, история закончилась благополучно. Уже через час, проявив чудеса оперативности, наших гостей освободила какая-то коммунальная спецслужба, открыто намекая на заслуженную шоколадку.

Бэдрум капут

Однажды ночью, в квартире, в которой ночевали проездом в Мариуполе Дитер Кноспе и Руди, произошло надолго запомнившееся им событие. Около двух часов ночи дверь плавно отворилась, и, вероятно, во сне Рудольф получил откровение о присутствии постороннего в его комнате. Сняв специальные темные очки для сна, Шепек увидел мужчину, который стоял у его кровати и дерзко пил, что называется «с горла», его колу. Не успев прийти в себя, Руди стал свидетелем того, как мужик решительной поступью отправился в соседнюю комнату к епископу Европы. Вскатывая с кровати вдогонку ночному незнакомцу, Рудольф обрадовался тому, что бдительность не подвела и самого Дитера Кноспе. Вместе с неожиданным и, похоже, не менее ошарашенным визитером епископ выскочил навстречу Шепеку из своей спальни.

После короткого диалога выяснилось, что именно в эту ночь сын хозяйки квартиры, который до этого несколько месяцев не приходил к матери, решил пожаловать в отчий дом. Поскольку парень вел, мягко говоря, не совсем трезвый образ жизни, то он сначала не заметил гостей и даже после того, как разбудил иностранцев, долго не мог понять, куда попал, думая, что ошибся адресом.

Как «Искрило» или псевдомудрые ревизоры

- А вот у меня, это самое... есть такие в губнаробразе, которые знают...
- А за дело браться не хотят.
- Не хотят, сволочи, это ты верно.
- А если я возьмусь, так они меня со свету сживут. Что бы я ни сделал, они скажут: «Не так».
- Скажут стервы, это ты верно.

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Вся жизнь «Пилигрима» — сплошные проверки. Что только не проверяется нашими «бодрствующими» службами. Не перестаю восхищаться бдительностью, которую проявляют чиновники различного уровня, правда, исключительно с того момента, когда мы достанем беспризорника из подвала, отмоем его от грязи и выведем вшей. Вот тут мгновенно, как в сказке, перед нами появляется огромный и часто совершенно шокирующий список норм и правил. Под лозунгом «защиты детства» нам предъявляют серьезные претензии с того самого момента, как «детство» вытащено из подвала и защищено от верной гибели.

Псевдомудрые ревизоры

До тех пор, пока ребенок спокойно колется в канализационном люке, никто ни к кому не предъявляет претензий. Смерть пацана в подвале, поверьте моему трагическому опыту, ровным счетом ни для кого не станет проблемой. Туберкулез, педикулез и гепатит не тревожат чиновника до тех пор, пока убивают детвору, живущую на улице. Но стоит кому-то вытащить пацана, и целая армия «борцов за здоровье и права детей» будет топтаться в вашем доме, покрывая на вас и с «рыцарским благородством» размахивая какиими-то нормативными актами.

Удивляюсь тому количеству инстанций, которые отвечают за беспризорных с того момента, когда они перестают быть беспризорными. Их требования столь обширны, что даже их собственные семьи им не соответствуют. Их нормы и стандарты так высоки, что до них не дотягивают 90% обычных украинских семей. Поистине, в нашей стране мы добились колоссальных успехов в борьбе с беспризорностью — практически никто не может с ней бороться с учетом правил, прописанных в многотомных и псевдомудрых бумагах чиновников.

Сперва нас упорно на протяжении годов официально не открывали, боясь подставить свои головы и, соответственно, свои кресла под какую-нибудь проверку сверху. Позже, так и не открыв, нас распорядились закрыть, чтобы риск подставить свою чиновничью голову был сведен до минимума. Потом нас хотели «съесть» областные чиновники, изрядно выпив где-то в кабинетах, а затем внезапно появились с очередной внеплановой проверкой. Понаписывая в своих актах какую-то виртуальную бюрократическую ахинею, они вынесли резюме о том, что очередные нормы нами, дескать, не выполняются.

— У вас должен быть специальный автомобиль для того, чтобы возить закупленные продукты. Машина должна быть оборудована в соответствии с вот этими нормами, —

протянул мне список чиновник какой-то службы при очередной проверке.

— Вы що з глузду зъихалы? — встрял в разговор пацан, — дэ нам взять? — искренне удивился подросток требованиям проверяющей инстанции.

— Это не моя, а ваша проблема! — сухим голосом, с каким-то механическим поскрипыванием констатировал бюрократ. — Существуют определенные нормы!

— Вы пойдите с нами в подвалы и там ваши нормы пронормируйте! — предложил заводящийся с пол-оборота в разговорах со всякого рода комиссиями Юрий Андреевич. — Умничать вы все мастаки! Помогите, подкажите, профинансируйте... Вот тогда будет вам и самолет для перевозки продуктов!

Иногда наши отношения с чиновниками переходили черту напряжения и выливались в резкое противостояние и даже в откровенные скандалы.

— Ну, как тут ваши дебилы? — поинтересовался у Татьяны Васильевны очередной чиновник, посетивший «Республику» с проверкой.

— Что вы себе позволяете? — остановила наш шеф-повар ревизора. — Как вы можете так говорить о детях?! — достаточно резко произнесла Васильевна.

В углу кухонного блока притаился пацан, который мыл тарелки. Было очевидно, что он прекрасно слышал вопрос. Сжавшись, как пружина, он ожидал развязки дискуссии.

— Так, прекращайте! Готовьте мне документы к проверке, воспитываете тут меня! — взорвался инспектор в ответ на замечание.

— Ничего я вам не буду готовить, пока вы не извинитесь! — прозвучало в ответ от нашего сотрудника. — Перед всеми присутствующими и перед вот тем пацаном! — указав на Белого, вялодвигающего тряпкой по периметру тарелки.

Псевдомудрые ревизоры

— Еще чего! Буду я тут прощения просить! Я не в церкви, чтобы каяться! Документы мне на стол!

Через пять минут я, спустившись вниз, порекомендовал чиновнику немедленно покинуть помещение и забыть дорогу в наше заведение, пообещав провести воспитательную дискуссию с его руководством на тему культуры поведения в детском учреждении.

С пеной у рта от возмущения и задетой не на шутку бюрократической гордостью представителю контролирующей инстанции пришлось ретироваться. С тех пор этого чиновника я никогда не видел. Да и общий пыл, и активность проверок со стороны этого ведомства значительно поутихли, чему мы, конечно же, рады.

Надо отдать должное тем госслужащим, которые прекрасно понимают, что ни в одном учреждении Украины не выполняются все нормы, которые задекларированы на бумаге. Порядочность подобной категории людей не раз становилась причиной очередного шага вперед в нашем развитии. Осуществляя свои проверки, они вместо актов «о несоответствии чего-либо чему-либо» подсказывали, как улучшить ту или иную сферу нашего быта, где что достать, к кому за чем обратиться. Я искренне благодарен множеству людей, вместе с которыми мы решали проблемы, как развязывать непростые бытовые, хозяйственные и юридические «клубки» нашего пилигримовского бытия. Однако так было не всегда. Порой, как говорит наш национальный епископ Алексей Демидович: «Искрило!»

— Я вам выписываю штраф за невыполнение требуемых норм! Оплатить в течение двух недель! Иначе вызовем в суд! — заявил мне другой посетитель, проверявший одну из сфер работы «Пилигрима». — С вас 50 гривен!

— Да хоть в Конституционный! Ничего не платить! — распорядился я. — Больно уж хочу в глаза глянуть тем судьям, которые меня заставят штраф платить за то, что

Непедагогическая поэма

пацаны не в подвалах вымирают, а в наших недостаточно комфортных условиях «страдают».

Выписанная квитанция была направлена в мусорный ящик и бесследно растворилась среди мусорного потока, выбывающего из «Пилигрима» в соответствующем направлении. Уверен, что от этого никто не пострадал, а Украина спокойно перенесла эту недостачу в своем бюджете от собираемых штрафных санкций.

Макроскопические анализы или пасторская контрабанда

*Суд – место, где Иисус Христос и Иуда Искарот
находились бы в равном положении, с небольшим
перевесом в пользу Иуды.*

Генри Луис Менкен

Надо сказать, что возможность глянуть в глаза судьям мне все-таки однажды была предоставлена. Будучи в командировке в Германии, я узнал о том, что грузовик одного из мариупольских предприятий возвращается в Украину пустым. Мы связались с руководством мариупольского предприятия и получили разрешение загрузить машину гуманитарным грузом в миссии «Добрый Самарянин».

Мои планы на отдых после проведенных на одной христианской конференции семинаров были отложены в сторону, и на протяжении недели мы с женой упаковывали гуманитарным грузом двадцатитонный грузовик. По десять раз перекладывая вещи, чтобы побольше вместить, мы работали по восемнадцать часов в сутки, и, наконец, опломбировав машину, отправили ее для «Пилигрима» и еще нескольких детских учреждений в Мариуполь. Даже в страшном сне мы не подозревали, что будет дальше.

Бдительность украинской таможни, умеющей отворачиваться за соответствующую плату от контрабанды различных товаров в практически любых размерах, на этот раз по некоторой причине проявила шокирующую прыть. Обостренное отказом дать взятку «чувство долга» одного из чиновников привело к тому, что он оформил массу документов, указывающих на то, что в машине находятся продукты, задекларированные несоответствующим образом.

Сухие супы, чай, соки, вермишель и потрясающие кукурузные хлопья, которыми наряду с другими необходимыми «Пилигриму» вещами мы вместе с супругой плотно упаковывали машину, по-видимому, вызвали чувство повышенного аппетита со стороны чиновников. А поскольку в мои планы не входило наполнение их и без того крайне раздутых, желудочно-финансовых потребностей, у меня возникли серьезные проблемы. Прекрасно понимая, что мне намекают на необходимость поделиться, я проявил неслыханную дерзость, отказав в гуманитарной помощи госслужащим. В некоторых из них совершенно не к стати проснулось почти вымершее в этой части социума понятие — «принцип».

— А вдруг вы на рынок, а не в приют повезете? — проявив неожиданную и весьма сомнительную заботу о беспризорных детях, заявил мне человек в погонах. — Докажите, что вы это используете для приюта, а не для коммерческих целей!

Макроскопические анализы

— Вон мои «коммерческие цели» стоят! — указал я на пацанов, приехавших со мной на разгрузку машины с гуманитаркой. — Ты, командир, меня путаешь с кем-то, я не бизнесмен, завозящий партиями продукты в гипермаркеты. Эти пацаны — мои потребители! Они все это враз перемелют на своих «мясорубках»! Кончай, капитан, давай разгружаться, машина ждет.

— Подождите разгружаться, у вас, я смотрю, и с сертификатами не все в порядке. Они, между прочим, оформлены не в соответствии с указом 15-35/18!!! — с каким-то небывалым, почти мистическим восторгом в глазах заявил офицер, ответственный за оформление документов. — Придется ваш груз арестовать до выяснения обстоятельств. Вдруг он и медицинским стандартам не соответствует.

Выяснение стандартов и бумажных соответствий заняло более восьми месяцев, в течение которых практически все продукты были уничтожены, если не грызунами, то морозами и дождями в неотапливаемых складских помещениях с традиционно дырявыми крышами. Надо признать, что значительная часть высококачественных продуктов была просто разворована чиновниками, которые набивали ими полные сумки, уверяя нас, что такое количество необходимо им на анализы.

— Сколько себя помню, анализы мы сдавали в спичечных коробочках и, максимум, в майонезных баночках! — кипятилась по этому поводу наш замечательный бухгалтер Татьяна Мендрина. — Что же это за лаборатории, что за микроскопы такие, что по три сумки, набитые битком, надо брать для выяснения качества продуктов?

— У них макроскопы! — улыбалась выдавшая виды в битве с чиновниками секретарь Лариса Коваленко. — Чтобы им приятней жевалось! Ох, не пойдет им впрок пилигримовская пицца!

Дело с растаможкой дошло до суда, который, откладываясь из месяца в месяц, завершился полным уничтожением

массы замечательных продуктов, которые так и не достались детям. Решением судьи дело «о контрабанде» было закрыто. Представителями фемиды мне в самой вежливой форме, понимая всю абсурдность истории, было высказано пожелание в следующий раз более тщательно изучать некие таможенные инструкции, чтобы не иметь лишней головной боли.

Моя жена, серьезно подорвав здоровье при загрузке той двадцатитонной машины, больше месяца пролежала в областной больнице. Я вместе с сотрудниками потратил массу времени на бумажную войну с чиновниками, детвора полгода жила надеждой, что вот-вот со склада привезут классные хлопья, сок и чай. Таков был итог «заботы о беспризорных», проявленной бдительными госслужащими.

Но все же хочется выразить слова благодарности тем, кто, проверяя работу «Республики», не утратил за бумагами и нормативными актами простых и, увы, столь редких для нашего времени человеческих качеств. Таких людей нам также немало посылал Бог на наших путях.

— Вы к кому? — поинтересовался я у двух женщин, робко стоявших в вестибюле.

— Мы с проверкой! — «обрадовали» меня представители очередного ведомства.

— Хотите честно, — вздохнул я и, посмотрев в глаза инспекторов, продолжил: — Как вы все нам надоели! Не вы лично, — подкорректировал я свое высказывание, — а все эти бесконечные проверки, контролеры и ревизоры! Пойдемте со мной!

Вместо того, чтобы отвести комиссию в кабинет и начать ворошить бумаги, я отправился вместе с ними в карантинный блок. В ночь перед этим, будучи в рейде, я «насобирал» в подвалах и привез в центр более полутора десятка детей с улицы. Некоторые из них были в критическом состоянии и только отходили от наркотического дурмана.

— Посмотрите сюда, — показал я гниющие от уколов руки одиннадцатилетнего пацана, — и сюда, — обратил я

Макроскопические анализы

внимание на вены девчонки лет четырнадцати, в которых зияли огромные язвы. — Кто-нибудь пришел бы, помог, подсказал, спросил, чем может быть полезен? — возмущался я. — Инспекторов, как пчел на мед, а вот помочь бы кто вызвался.

— Пойдемте, — попросила одна из пришедших женщин, находясь в шоковом состоянии от увиденного и, вероятно, желая побыстрее выбраться из карантинного отделения.

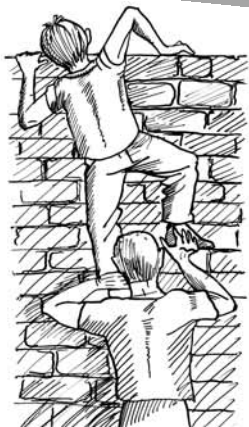
Когда мы вышли, пожелав ребятам добрых перемен, наша комиссия направилась к выходу.

— Вы куда? Вам навстречу, — думая, что женщины заблудились в наших коридорах, сказал я.

— Нет, спасибо, пастор, мы, пожалуй, пойдем. Мы там сами напишем все, — извиняющимся тоном сказала, вероятно, старшая из двух проверяющих. — У нас тут вопросы-то все больше бумажные. Мы сами все напишем. Работайте, дай вам Бог! — подвела итог комиссия, выходя из «Пилигрима».

Эти женщины надолго остались в моей памяти, как пример понимания того, что бумажная виртуальная борьба с беспризорностью мало имеет чего общего с реальными трагедиями в судьбах детей. Подобное понимание теперь крайне необходимо, чтобы у людей, берущихся за эту кричащую проблему, не опускались руки. Нам необходима новая генерация чиновников, которая не будет бить по рукам, делающим добро, и не станет лезть в карман, пустой от нерентабельной добродетели, а поддерживать всеми силами тех, кто берется за реальное, а не бумажное дело.

Однако далеко не всегда наши отношения с чиновниками заканчивались в столь благородном стиле. Порой на ровном месте разгорались настоящие баталии. В этих битвах мы принципиально не сдавали позиции, если речь шла о конкретном подростке или об очевидном бюрократическом беспределе.

Мальчик хочет в туалет или бумажный дебilizм

*Каждый день моей тогдашней жизни обязательно
вмещал в себя и веру, и радость, и отчаяние.*

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Шустрика мы вытащили из подвала еле живого с воспалением легких и красными кровавыми ранками на теле от укусов многочисленных вшей. Подлечив и приведя парня в порядок, выяснили, что он уже имеет немалый стаж беспризорника. Созвонившись со Службой по делам несовершеннолетних в одном из городов Донецкой области, мы решили, что подросток, из-за своих хронических наклонностей к бродячей жизни, нуждается в реабилитации. Согласовав с представителями СДД из его города, мы оставили мальчишку на некоторый срок у нас. Время подтвердило, что это оказалось правильное решение. Мальчик прижился, перестал убегать, сел за парту и стал одним из лидеров «Пилигрима». Он начал заниматься музыкой и стал министром образования в «Республике». Успешно нагоняя упущенное в школе, парень уверенно приближался к

Мальчик хочет в туалет

выпускным экзаменам в девятом классе, а уже через месяц должен был получить аттестат. Но вдруг, как гром среди ясного неба, пожаловали чиновники из его города, которые в течение нескольких лет вообще не вспоминали о его существовании.

— Мы получили письмо из прокуратуры с требованием забрать у вас нашего мальчика! — ошарашили нас приезжие.

— Как забрать? — удивилась завуч школы Любовь Анатольевна. — Куда забрать? Вы в своем уме? У парня через три недели госэкзамены в выпускном классе. У него в разгаре подготовка к выпускным... Что значит забрать?

— Вот! — протянули нам бумагу из прокуратуры как абсолютный и не требующий никакого размышления декрет. — Вот! Что вы нам тут объясняете?!

— Да никуда я не поеду! — развеял все сомнения земляков Шустрик. — Где вы были три года, которые я здесь нахожусь? Это — мой дом! Я уже школу заканчиваю через месяц! Во даете!

Стратегия приезжих после некоторых внутренних, закрытых совещаний резко изменилась, и они выступили с альтернативным предложением.

— Хорошо, мы не против, чтобы ты остался здесь. Раз уж тебе нравится в «Пилигриме» — оставайся, но, видишь ли, нам все равно надо с тобой вернуться и оформить ряд документов по твоему жилью, пенсии, определиться с твоим юридическим статусом. А то ты там у нас числишься за детским домом, надо бумаги все привести в порядок. Собирайся, съездим на пару недель и сразу вернешься.

— Бумаги — дело святое! — пытался я убедить Шустрика. — Поезжай с ними, все, что нужно, оформите и сразу назад на школьную финишную прямую.

— Вот и хорошо! — обрадовались наши гости, забирая подростка с собой. — Вот и чудненько!

Однако через две недели, открыв письмо, полученное из города, куда увезли пацана, мы пережили сильный стресс.

В этом чудовищном документе говорилось, что подросток определен в детский дом, в котором, как оказалось, он все эти прошедшие годы числился. Нам сообщалось также, что Шустрик не вернется в «Пилигрим», а самое главное, к письму была приложена интересная бумага. Подросток был освобожден от экзаменов в школе по причине того, что он психически болен!!!

— Кто болен? Шустрик?! — смеялся Тоха. — Во дают! Может, и я болен?! — закатывая глаза и прикидываясь ненормальным, предположил его старый друг.

— Чего ржешь? Может, он где головой ударился? Может, какую болячку подхватил? Пастор, надо ехать разбираться, что там произошло! — подключился к дискуссии Кит.

— Издевательство какое-то! — ознакомившись с письмом и заключением невропатолога, заявили хором преподаватели школы, прекрасно знавшие Шустрика и понимающие: происходит что-то, из ряда вон выходящее.

Наш звонок в интернат, из которого пришли письма, еще больше запутал ситуацию. Как оказалось, нас вместе с подростком просто обманули, так как никто изначально не собирался его возвращать в «Пилигрим». Руководству Службы по делам детей в том городе просто надо было отписаться о проделанной работе и выполнить поручение прокуратуры: вернуть Шустрика в заведение, где он теоретически был закреплен уже несколько лет, но где ни одного дня до этого не был. За несколько недель до выпускных экзаменов совершенно нормального пацана привезли в карантинное отделение абсолютно чужого для него детского дома, а для того, чтобы выкрутиться со школой и не обременять себя лишней головной болью, придумали и проделали «гениальный» бумажный ход! Просто выдали подростку бумагу о том, что у него что-то не в порядке с головой!

Кроме справки от врача, нам также прислали весьма интересные размышления психолога из этого детского дома.

Мальчик хочет в туалет

Он поведал нам, что с его точки зрения, и, якобы со слов самого Шустрика, цитирую:

«В “Пилигриме” запрещаются празднования дней рождения, занятия спортом, просмотр телевизора и общение с людьми, не разделяющими религиозных взглядов».

— Это же надо было до такого додуматься?! Ну, ма-стер! — хохотал позже наш герой над этим опусом.

Естественно, у нас возникли подозрения в истинности данных показаний, поэтому решено было выехать на место, чтобы встретиться с самим Шустриком для выяснения происхождения. Добравшись до города и связавшись с бабушкой нашего пилигрима, которая не раз за эти годы бывала у нас, мы выяснили, что мальчишку закрыли в карантинном отделении, пообещав через две недели вернуть в «Пилигрим».

Однако позже представители детского дома стали намекать ему, что он, возможно, останется у них, чем вогнали пацана в глубокую депрессию, тут же зафиксированную на бумаге психологом:

«Ребенок вел себя замкнуто, плохо шел на контакт. На вопросы отвечал коротко: “да” или “нет”, хотя обследование показало, что для него свойственна повышенная активность, коммуникабельность и оптимизм».

Причиной такого депрессивного состояния, по мнению «специалиста», была не ложь госслужащих, вырвавших почти шестнадцатилетнего пацана из привычного ему окружения, где он прожил три года и обрел свою новую семью, а религиозные взгляды руководства «Пилигрима»!

Поговорив с бабушкой Шустрика, мы поняли, что руководители этого детского дома опасаются: если выпустить подростка из карантинного отделения, он сразу же убежит в Мариуполь. Как позже мы выяснили, эти опасения оправдались. Решено было, что отправившийся со мной в поездку Кит под видом родственника вместе с бабушкой

встретится с Шустриком и попытается понять, что там с ним происходит.

— Ну, привет! Что тут с тобой случилось? — переходя на полусшепот, спросил Кит, обнимая Шустрика.

— Да вот, сию! Обещали через две недели, оформив все бумаги, вернуть в «Пилик», но что-то они хитрят! Что делать — не знаю!

— Все ясно! — мгновенно сориентировался Кит, за спиной которого было практически десятилетие, прожитое на улице. — План такой. Выходим во двор и через забор! Там за углом пастор ждет информацию, вот и будет ему пресс-релиз в твоём лице!!!

То, что происходило дальше, заслуживает особого изложения, но вряд ли я смогу передать всю остроту этого сюжета. Отвлекающий маневр явно удался бабушке, разгравшей сердечный приступ, — дежурный уже не мешал. Воспользовавшись этим, Шустрик с Китом рванули через проходную во двор и, чтобы миновать еще один КПП, кинулись к забору.

— Подсоби! Давай, еще чуть-чуть! — подбадривал Шустрик Кита, помогающего ему перелезть через забор. — Подтолкни же!

— Вы что делаете? — заметив парочку, преодолевающую немалое по высоте препятствие, закричала на них женщина из соседнего окна. — Куда через забор! — пыталась она вразумить беглецов. — Куда?

— Че кричите? — возмутился Кит. — Шо, не видите, что ли? Мальчик в туалет хочет! — почему-то привел столь неожиданный аргумент Кит.

— А? — озадаченно спросила женщина, внезапно успокоившись весьма нестандартным встречным вопросом. По видимому, ей понадобилась интеллектуальная пауза для обработки данной информации, и она только продолжала растерянно повторять: «А... а...»

Мальчик хочет в туалет

Перебравшись через ограду, пацаны прибежали ко мне в машину. Обняв Шустрика, я спросил о том, что случилось, поинтересовался его здоровьем.

— Поехали, пастор, быстрее отсюда! — умолял меня подросток. — Расскажу все по дороге!

Возвращаясь в Мариуполь, мы узнали всю историю в деталях, а уже через день у меня состоялся жесткий разговор с руководством этого детского дома.

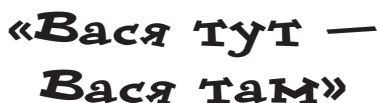
— Мы будем на вас жаловаться в прокуратуру! — заявили мне с другого конца телефонного провода. — Вы украли ребенка из детского заведения!

— До встречи на судебном заседании, — попрощался я, рекомендуя обзавестись хорошими адвокатами, чтобы попытаться выкрутиться из «бумажного клубка» вранья, который сплела администрация этого детдома.

Через несколько недель Шустрик успешно сдал выпускные экзамены, получил свой заслуженный диплом об окончании 9-ти классов. Еще через месяц он стал моим очередным приемным сынишкой. Сегодня — отличный футболист, неплохо разбирающийся в компьютерах, парень работает на стройке в Мариуполе. Но на всю жизнь мне запомнится этот пример «заботы о детях» с выписанной справкой о полудебилизме просто для того, чтобы прикрыть свой бюрократический «тыл». Эта история, к сожалению, хорошо иллюстрирует дух нашего времени. Это классический пример «виртуального чиновничьего мира» и его полной нестыковки с нынешними реалиями.

Фраза Кита: «Шо, не видите, что ли? Мальчик в туалет хочет!» — на долгие годы стала у пилигримов шуточным примером того, как стоит выкручиваться в сложной ситуации, выигрывая время и озадачивая своего противника неожиданным вопросом.

43

Булат Окуджава

Что означает «там», где именно оно находится, мы не смогли узнать в течение ближайших трех месяцев. Зато знакомство с Васей и его обследование у специалистов

«Вася тут — Вася там»

удивили нас. Мы поняли, что ребенок сильно отстает в развитии от сверстников, но причина этого была необычной. Создавалось впечатление, что пацан просто вырос где-то в джунглях, поэтому его лексикон столь оригинален для возраста первоклашки.

— Вася тут! — указывая на мою машину с явной просьбой в глазах, обратился ко мне наш новый пилигрим.

— Хорошо, садись, поехали! — обрадовал я пацана.

Покатав его минут десять и подъехав к воротам «Республики», я услышал вздох сожаления.

— Вася там? — грустным голосом спросил парнишка, указывая рукой на входную дверь.

— Да-да, дорогой, пора выходить, на сегодня все, опаздываю, — развеял я его надежды еще на пару кругов.

Все наши попытки найти хоть какие-то следы из прошлого этого ребенка были тщетны. Письма в СДД, обращения в милицию и объявления по телевидению не давали никакого результата. Но однажды, после того, как мы повторно показали Васю по региональному телеканалу с просьбой откликнуться, к нам приехали гости.

— Я Ва-си-на ма-ма, — так же, как и сынишка, по слогам представилась женщина, развеяв наши вопросы по поводу заторможенности в развитии ребенка.

Женщина оказалась инвалидом с сильными психическими отклонениями. Мы выяснили, что ребенок, который должен был воспитываться в интернате, на самом деле все это время проживал с мамой и практически общался только с ней. Это и стало одной из причин столь необычного для его возраста состояния. Поскольку мама приехала с бабушкой, мы приняли решение передать ребенка родным, оповестив местную Службу по делам детей о необходимости принятия экстренных мер по определению ребенка в специальное учебное заведение.

Когда малыша привели в кабинет, где ждала мама, его глаза мгновенно наполнились слезами. Повернувшись к

воспитателям, пришедшим вместе с ним в кабинет, Вася произнес фразу, которую мы надолго запомнили из-за ее трагической несуразности.

— Мама, — начав за прошедшие три месяца именно так называть своего воспитателя, обратился он к тете Оле. — Мама, это мама! — указав рукой на родную мать, задыхаясь от слез и волнения, закончил предложение Вася, сделав первый робкий шаг в ее сторону.

Подбирая детвору на городских улицах, мы не раз обнаруживали подростков с надломленной психикой. Рухнувший мир семьи, своими обломками зачастую не просто ранит, а по-настоящему калечит детей. В истории «Пилигрима» нам приходилось сталкиваться с самыми невероятными по своей жестокости поворотами в судьбах детворы. Одной из них была судьба Жени.

Отец был моряком, вроде неплохо ладил с женой, и, похоже, жизнь подростка была такой же, как у всех его сверстников. Однако что-то незаладилось на работе, и отца уволили, после чего он в короткое время спился и умер. Мать, не выдержав такого жизненного крена, превратилась в алкоголичку и также финишировала на своем земном пути через короткое время. Таким образом, от нормальной семьи осталась пустая квартира и в ней четырнадцатилетний пацан. Хлопец стал продавать все, что не успела пропить мать. В конечном итоге, в доме не осталось ничего, даже люстр и лампочек в них. Полностью спустив остатки былой жизни, подросток пошел подворовывать на улицу и, попавшись где-то, был жестоко избит. В результате всех этих потрясений, душевных и физических, парень лишился рассудка. В таком состоянии Женя попал к нам в «Республику». Полный развал семьи, жизни и души.

Не будучи учреждением для ребят подобной категории, мы наткнулись на бюрократическую стену, преодолеть которую оказалось очень тяжело. На все наши вопросы: «Куда

передать психически больного подростка?» — мы слышали объяснения, что «не к ним». Почти год Женя находился у нас, тыняясь по коридорам, переходя из комнаты в комнату, как бы со стороны наблюдая за тем явлением, которое называется «жизнь», где ему не нашлось места. Все эти месяцы парень ходил под себя, а иногда попадал в пренеприятнейшие истории. Однажды он незаметно забрел на кухню, взял полную до краев кружку с растопленным жиром и одним махом влил в себя. К счастью, в тот раз все обошлось. На протяжении многих месяцев, шаг за шагом распутывая сложный бюрократический клубок, мы все же смогли оформить парня в специальное заведение, где наряду с бытовыми условиями, ему также оказывается хоть какая-то психологическая помощь.

На примере Жени мы убедились в том, насколько неможна оказывается наша развитая бюрократическая система, когда сталкивается с «надорванными душами». Евгений был не первым и, увы, не последним психически больным подростком, которого привозили в «Пилигрим». Это ставило нас перед фактом, что, кроме нашей «Республики», их никто и нигде не примет ни в одно заведение.

Однажды ночью к нам привезли девушку, которая по возрасту выглядела лет на шестнадцать. Доставил ее милиционер, оправдываясь, что больше, дескать, ее некуда деть в таком виде и состоянии. Надо признать, вид у нее действительно был странный. Завернутая в какие-то тряпки на голое тело, перед дежурным воспитателем стояла молодая девушка. Она была совсем не похожа на беспризорника. Еще более плачевным было ее состояние. Она явно не ориентировалась в происходящем и стеклянным взглядом непрерывно озиралась вокруг, не останавливая блуждающий взор ни на одну секунду.

— Это не к нам, — оценив ситуацию, констатировал наш сотрудник.

— Я понимаю, что не к вам, — вздохнул капитан милиции, — но ее, кроме вас, нигде не примут, вы же знаете, — печально, как приговор нашей системе, произнес офицер.

— Добро, — согласился дежурный по «Пилигриму». — Оставляйте. Не на улицу же ее. Будем разбираться.

В ближайшие двое суток наше разбирательство ни к чему не привело. Единственное, что нам удалось выяснить при медобследовании, — это то, что девушка находится под сильным воздействием какого-то психотропного вещества и абсолютно не ориентируется в происходящем. Нашей радости не было конца, когда через несколько дней она стала подавать сигналы проясняющегося рассудка. Сквозь прерывистые, бессмысленные фразы начали проскакивать обрывки предложений, в которых мы улавливали логическую связь.

— Море, кафе, ребята, институт, — твердила она, явно пытаясь объяснить нам что-то.

Еще через день она начала разговаривать, и ситуация шаг за шагом прояснялась.

— Я на море в пансионате со студентами из нашего ВУЗа отдыхала, потом мы с парнями познакомились и пошли посидеть в кафе, — объясняла Юля, восстанавливая события, предшествовавшие ее появлению у нас в «Пилигриме». — Чай мне сразу показался каким-то странным на вкус, подтверждая наши предположения, сообщила необычная «воспитанница». — А потом ничего не помню. Где я? Что со мной?

— Не переживай, все в порядке! — успокаивали девушку воспитатели. — Разберемся. Где ты, говоришь, отдыхала с сокурсниками?

В этот же день наш дьякон отвез ее в указанный пансионат, где на Сергея Козырькова чуть ли не с кулаками набросился руководитель института, в котором училась Юля. Узнав о таинственном исчезновении одной из самых

«Вася тут — Вася там»

талантливых учениц, он примчался в пансионат, откуда девушка бесследно пропала после «чаепития» с новыми знакомыми. Разобравшись в чем дело и выслушав историю о том, как Юля оказалась в «Пилигриме», преподаватели и друзья поблагодарили Сергея, а также всю нашу «Республику» в его лице.

Таким образом, наш Центр детской реабилитации периодически превращался то в приемник- распределитель, где нужно было переночевать перед судом беспризорнику, попавшемуся на преступлении, то в психиатрическую больницу, то в следственный изолятор, в котором мы выясняли личности прибывших и решали с госслужбами, что с ними делать дальше. Но не всегда нам удавалось идентифицировать поступивших к нам подростков. Не каждый раз поиски их близких завершались успешно.

«ЖДИ МЕНЯ» И КОЛЯ ПИЛИГРИМОВ

*Статистика разводов показывает,
что родители убегают из дома чаще, чем дети.*

NN

— **Н**а проводе Москва, телепередача «Жди меня»! — поступил в наш офис необычный звонок.

— Есть ли у вас дети, которые хотят разыскать своих родных и близких? — представившись, спросила редактор программы, — мы готовы им в этом помочь!

— Да, конечно, есть и, увы, не один, — ответила Людмила Николаевна.

Мы были удивлены, что о нашей работе знают в Москве. Как они о нас узнали? Откуда у них информация? Эти вопросы пока для нас остаются открытыми. Но это не самое главное. Важно то, что наши дети получили возможность

«Жди меня» и Коля Пилигримов

обратиться к многомиллионной аудитории в надежде найти самое дорогое для их маленьких сердечек — родителей.

Приезд съемочной группы украинского отделения телепрограммы «Жди меня» совпал с большим праздником в Мариуполе, с Днем города. Несмотря на перекрытые центральные дороги, съемочная команда телеканала «Интер» благополучно добралась в «Пилигрим». Ребята ждали ее. Для них не новинка общаться с журналистами: местные телеканалы — частые гости в стенах центра. Но в тот день царило особое волнение. Возможность найти родителей мгновенно изменила обычный ход дня, создав в центре специфическую атмосферу какого-то особенного напряжения. При первой беседе с корреспондентом Марией и режиссером Сергеем было видно, что для этих журналистов визит к нам стал больше, чем просто выполнение служебных обязанностей. Показывая им фотографии и рассказывая о работе центра, Евгений Николаевич наблюдал, как в их глазах появлялся неподдельный интерес к судьбам наших пацанов.

— Мы хотим все посмотреть: где они живут, где играют, где спят. Нам все интересно! — сказала Мария.

— Конечно, с радостью! — ответил замдиректора.

После знакомства с центром и детьми съемочная группа приступила к работе. Первый к камере подошел Маугли, который, по его смутным воспоминаниям, с родителями последний раз виделся где-то четыре года назад в России. На его обычно мужественных и веселых глазах заблестели слезы, когда он обратился к маме: «Мамочка, если ты меня слышишь, то обратись в передачу “Жди меня”».

Один за другим к камере подходили пилигримы и рассказывали свои непростые истории:

— Папа, если можешь, найди меня, — говорил в объектив наш сын полка — Спартак.

— Мама, позвони нам или приедь! — скрывая неловкость, просил Дуче, прозванный так пацанами за свои ярко

выраженные лидерские качества. Он и его неутомонный брат по вполне заслуженному прозвищу Бодрый сидели возле компьютера, рассказывая свою историю о том, как мама уехала на заработки и не вернулась. Оставшись с бабушкой, умершей вскоре после исчезновения матери, ребята попали в «Пилигрим» благодаря своему родственнику, который привез их к нам. Однако Дуче в тот день так и не смог сказать, обратившись в камеру: «Мама, мы ждем тебя». Слезы не позволили этому волевому пацану произнести, казалось бы, простую фразу. Вместо него это сделал младший братишка.

«Ищу маму», «ищу папу», «ищу братика», «ищу сестричку». Надежда в каждом слове и грусть в глазах. Это был непростой день, в котором скрытые в повседневности, спрятанные даже от близких друзей чувства изливались перед журналистами, как на исповеди.

— А этого мальчика зовут Коля, больше мы о нем ничего не знаем, — обратившись в камеру, представил мальчика Евгений Николаевич. — Думаю, что ему лет 13-15. Два месяца назад его в центр привела женщина. Она его нашла в центре города. Мальчик душевно болен. Молчит. Только через три дня после его появления мы выдавили из него имя — Коля, а больше мы о нем ничего не знаем. Непонятно, сколько ему лет, есть ли у него родители? Ничего. Одна надежда, даст Бог, кто-то его узнает.

— Ты знаешь, Евгений, — обратился к моему заместителю режиссер программы, — я бы хотел приехать к вам с Марией дня на 3-4 и снять о вашей работе документальный фильм. О судьбах детей, которые находятся в вашем центре, съездить с вами в рейд по чердакам и подвалам. Ты как?

— Всегда рады принять! Милости просим! — ответил всегда вежливый Евгений Николаевич.

Так завязалась между нашим центром и общеукраинским телеканалом добрая дружба. Первая программа с участием

«Жди меня» и Коля Пилигримов

наших ребят дала приятные результаты. Комар нашел своего родного брата, с которым не виделся более шести лет. Журналисты разыскали его в одном из интернатов и привезли в Мариуполь. Даже бывалые сотрудники центра не могли сдерживать слез, видя, как два подростка, разлученные судьбой еще в десятилетнем возрасте, встретились в шестнадцать лет.

Отозвалась и мама Дуче с Бодрым. Отказавшись сниматься в телевизионной программе, она приехала через несколько недель на встречу с ребятами. Однако, жизнь ее на данный момент оставляет желать лучшего, поэтому забирать ребят она не стала.

Коля так и ходил по коридорам «Пилигрима» в ожидании того, когда мы сможем развязать очередной бюрократический узел, получить на него документы и определить в специальный интернат.

— Пастор, нам нужно будет ему фамилию придумать, — обратилась ко мне наша медсестра Людмила, — ее необходимо будет присвоить, чтобы парню могли выдать свидетельство о рождении.

— Хорошенькое дело, этим мы еще не занимались, — вздохнул я.

— А пусть будет Пилигримов! — подкинул идею кто-то из ребят, — Коля Пилигримов! Круто! Были же раньше Найденовы!

— А что, идея, — улыбнулся я, — уж точно лучше, чем какой-нибудь Капустин!

Однако Коля, к нашей радости, так и не стал Пилигримовым, и даже перестал быть Колей. После публикаций в прессе и выхода телепрограммы «Жди меня» откликнулись родственники и забрали парня, оказавшегося Андреем Солонским из Запорожской области.

Родители

*Ни один ребенок не может опозорить родителей так, как родитель ребенка.
Ян Курчаб*

Однако появление нашедшихся родственников, к сожалению, далеко не всегда было радостным событием, как в случае с Колей Пилигримовым. Не раз мы сталкивались с историями, которые шокировали даже нас, казалось, уже ко всему привыкших в работе с беспризорниками.

Жучок, уже не в первый раз подобранный сотрудниками Центра детской реабилитации на улице, шокировал издававших виды воспитателей. Будучи задержан в очередном рейде, мальчик 12-ти лет, который внешне выглядел как девятилетка, поведал историю возникновения у него на груди ожогового пятна, по форме четко напоминающего след от утюга.

«Мама поставила», — утверждал парнишка, неспособный прокомментировать мотивы данного поступка со стороны родительницы.

К сожалению, предыдущие сюжеты из так называемой «семьи» этого мальчика не оставляют сомнений в возможности подобного происшествия.

12-летнюю девочку Люду сотрудники милиции привели к нам ночью, задержав ее на городских улицах. Ребенок был со следами удушья на шее, все лицо в ссадинах. Тетя, которая вскоре нашлась, поведала нам достаточно трагическую историю ребенка. Родная мать заставила девочку забыть, что такое материнская любовь и ласка. Ведя распутный образ жизни, женщина часто выпивала и совершенно не заботилась о воспитании дочери, часто занималась рукоприкладством. Такое, по словам девочки, происходило изо дня в день. Но однажды мать не просто пришла домой пьяная, но, найдя какой-то, как ей показалось, достаточный повод, набросилась с кулаками на дочку, пытаясь ее задушить. К счастью, беды не произошло. Девочка, вырвавшись, выскользнула на улицу, после чего попала к нам. Когда подростка привезли в центр, на ее шее отчетливо выделялся лиловый след от удушья. Дедушка и бабушка Людмилы по факту попытки убийства обратились в милицию. Однако вдруг появилась с раскаянием мама, и конфликт был исчерпан. Позже Люда не раз заскакивала в «Пилигрим», как поговаривали в «Республике», испытывая симпатии к одному из наших видных парней.

Однажды, еще в тот период, когда ильичевцы только восстанавливали из руин наше будущее здание, а ребята полгода ютились в небольшом частном доме неподалеку от стройки, дверь распахнулась, и на пороге появилась весьма колоритная дама. Она представилась мамой недавно подобранных нами на улице подростков.

— Танюша, ты только не волнуйся, — просила тринадцатилетнюю девчонку наш воспитатель Ольга Владимировна, — там приехала твоя мама. Бери сестричку, пойдем, поговорим.

— Не пойду! — бросила новая воспитанница, вырвавшись из рук и убегая на задний двор. — Не пойду!

— Я тоже не хочу! — рванула в противоположном направлении от старшей сестры Катя.

Причины такого отношения девочек к родной матери коренились в беспределе, который царил в родном доме. Постоянное скопление алкоголиков-сожителей и эксплуатация девчонок для заработков на водку — таким был педагогический контекст этой «семьи». Девочек заставляли зарабатывать на пьянки матери и ее бесконечно меняющихся «фаворитов». Естественно, сестры, старшей из которых было тринадцать, а младшей десять, не горели особой любовью к своей родительнице.

— Таня, ну пойдем, все равно надо поговорить! — уговаривала Ольга забившуюся в сарай на заднем дворе девочку.

— Не пойду! — сквозь слезы повторяла старшая дочь беспутной мамы. Глаза девочки были наполнены страхом.

— Не нужно с ней разговаривать, — со знанием дела посоветовала воспитателю Мили, — ее же мать продавала! О чем теперь разговаривать?

Только после того, как женщина ушла, сестры выбрались из своих убежищ и вернулись в наш дом. Однако следующий визит матери не заставил себя долго ждать. Она явилась не одна, вломившись в дом с мужичком, явно выдавшим виды по жизни и, судя по всему, изрядно ею потертым. В руках у него были огромные ножницы.

— Где мои дети? — видимо, в припадке родительской любви орала изрядно подавшая мамаша. — Верните моих дочерей!

— Успокойтесь, пожалуйста! — сдерживаясь, попросила Ольга, стоя в окружении воспитанников, которые обступили ее плотным кольцом и были готовы, несмотря на угрожающий вид пришельцев, отразить вторжение неприятеля.

— Ты че, гонишь? — размахивая ножницами, высокоинтеллектуальной фразой вступил в дискуссию сожитель горе-мамаши.

— Сам ты гонишь! — парировал Сега, контролирующийся себя в меньшей степени, чем воспитатель, и плотнее приближаясь к Комару. — Че машешь тут? Портной, что ли?

— Успокойтесь! — резко оборвала полемику пилигримов Ольга Владимировна, понимая, что ситуация накаляется.

— А шо, он блатной, что ли? Положи резалку! — не унимался Сега, чувствуя всевозрастающую поддержку со стороны прибывающих пилигримов, которые стеной, прижимаясь друг к другу, готовы были по первому сигналу броситься на вооруженного гостя.

— Я сказала успокоиться! — жестко осадил пацанов Ольга. — Ваши дети, не желая вас видеть, убежали только что через задний двор! Так что свидание не состоится. Освободите, пожалуйста, помещение! И немедленно уберите ножницы! — потребовала она.

— Где их вещи? — вдруг утратив интерес к детям, спросила женщина. — Отдайте вещи!

Увидев коробку, сверху которой лежала куртка младшей дочери, она в сопровождении «оруженосца» прошла через комнату и, прихватив с собой сразу два ящика, направилась к выходу.

— А ну положи! — решительно сделал шаг вперед Фил. — Прочь руки от народного добра!

— Стой! — скомандовала Филу воспитатель, понимая, что ситуация на грани потасовки. — Пусть берут! — опасаясь столкновения пилигримов с вооруженным мужиком, распорядилась она.

— Мы еще вернемся! — бросила на пороге удаляющаяся парочка.

— Не советую! — сквозь зубы процедил Киндер, явно разочарованный тем, что «грабителям» удалось ретироваться без боя. — Только суньтесь сюда еще раз!

С того дня мы решили усилить охрану «Пилигрима». К сожалению, не раз в нашей истории возникали проблемы с посещением «сердобольных» родственников и старых приятелей наших воспитанников. По этой причине в жизни «Республики» возникли такие понятия, как ночное подразделение «Мангуст» и штатная должность сторожа, на которую мы всегда старались брать решительных мужчин «плотного» телосложения.

Часто истории подростков, попадавших к нам, переплетались с параллельной реабилитацией их родителей в наших взрослых центрах. Дети в «Пилигриме», родители в наших взрослых реабилитационных центрах — эта схема не раз становилась печальной реальностью в нашей работе, имея порой самые неожиданные результаты. Иногда родители опережали своих детей в реабилитационных успехах, быстрее приходя в норму, чем запущенные ими, привыкшие к беспризорной жизни чада. Так было с Красуней. Ее мать, хлебнув с детства безотцовщины, оставила дом приемных родителей в 16 лет. Обида на жизнь, озлобленность на все вокруг стали причиной того, что девушка попала в сомнительную компанию. Выпивка, гашиш и, как водится в такой схеме, «далее — больше». Неудавшаяся личная жизнь, дочь на руках и полная безысходность впереди. А потом — желание поставить в жизни точку. Решив найти дочь, к тому времени ставшую заядлой тринадцатилетней бродягой, чтобы попрощаться и наложить на себя руки, женщина оказалась на пороге «Пилигрима». Пообщавшись с сотрудниками взрослого реабилитационного центра, молодая мать отправилась в «Преображение», где ей удалось восстановиться душевно и физически. Однако в жизни дочери все оказалось намного сложнее. Девчонка уже втянулась в уличную философию и не раз возвращалась в подвалы, из которых наши сотрудники постоянно ее вытаскивали. За нее мы с переменным успехом много лет вели войну, и вот только

недавно эта баталия подошла к концу. Теперь уже повзрослевшая девушка ведет нормальный образ жизни, да и у матери все наладилось.

Историям наших взаимоотношений с родственниками подростков, наверное, можно было бы посвятить отдельный том, в котором не все главы были бы столь мрачными, как сюжеты, приведенные выше. Случались в этом направлении и весьма приятные, я бы сказал, впечатляющие повороты в судьбах ребят и их близких.

Комару было десять лет, когда его с родным братом разлучила жизнь. Умерла мать, и сработала чиновничья схема, распределив родных ребят, бывших погодками, в разные интернаты. Комар не задержался в государственном учреждении и отправился в свободное плавание по жизни через подвалы, воровство и наркотики. В четырнадцать стал «отпетым» наркоманом и бомжом. Однако, наверное, в пятидесятый раз вытащенный нами из подвала прижился и стал понемногу притормаживать в своих прежних стремлениях к клею и эфедрину. Прожив у нас больше года без побегов, подросток обрел человеческий вид, а после приезда журналистов программы «Жди меня» пережил незабываемую встречу. Руководители программы, отыскав родного брата нашего пилигрима, привезли его в Мариуполь, сняв встречу ребят, которые не виделись шесть с половиной лет, и показав этот сюжет на всю страну.

— Ты что, Филиппов? — растерянно спросил Комар прилизившегося к нему подростка.

— Филиппов! — ответил тот, явно волнуясь и пытаясь скрыть это от телекамер, в окружении которых во дворе «Пилигрима» происходила встреча.

— Та не! Не... не может быть! — нервно улыбался Комар. — А звать тебя как?

— Женья! — развеивая сомнения, ответил крепкий парнишка, также с некоторой неуверенностью вглядываясь в

лицо Комара и пытаюсь узнать в нем своего младшего брата. — Женя Филиппов!

— А сестру твою как звать? — подбросили журналисты робеющим ребятам наводящий вопрос.

— Наташа! — первым ответил Комар

— И мою Наташа!

— Так, выходит, вы — братья! — подтвердил очевидную ситуацию видеооператор, снимавший встречу ребят.

— Иди сюда! — сделал Евгений шаг вперед, заключая Комара в объятия.

Так, спустя шесть с половиной лет, наш воспитанник по-виделся с братом. Ребята обменялись адресами и уже через несколько недель встретились в Горловке, где учится Евгений, и провели вместе целый день.

Одна из недавно произошедших историй в «Республике», связанная с родней наших воспитанников, также достойна отдельного упоминания. Паренек по кличке Мирон прибил к нашему государству, окреп, вырос, бросил наркотики и всякие глупости. Позже нам удалось отыскать бабушку парня, и она поведала ему новость о том, что у него есть родная сестра.

— Кто она? Как бы мне ее найти? — поинтересовался парень.

— Ничего о ней толком не знаю! — сказала старушка, только поет она в церковном хоре, и муж у нее музыкант в этой же церкви на барабанах играет! «Церковь Добрых Периодов» — так она, кажется, называется.

— Вот это да! — ахнул Мирон, ощущая комичность сюжета.

Вот так встретились брат с сестрой в одной церкви. Оказалось, что Оксана вместе со своим мужем Владимиром и другими членами церкви, заботясь о «Республике Пилигрим» и поднимая на ноги беспризорников, стала невольной причиной изменения судьбы и своего родного брата.

Юрий Андреевич, мухи, собаки и лопаты

*Мне нужно десять хороших работников, которые не могут
услышать фабричный гудок или узнать время по часам.*

Ог Мандино «Ключ к лучшей жизни»

История нашего государства — это во многом люди, которые делают в нем педагогическую погоду. Говоря о коллективе, с которым все эти годы Бог дал мне созидать «Государство бывших беспризорных», невозможно не выделить отдельной главой наиболее колоритную фигуру — нашего старшего дьякона.

Юрий Андреевич, будучи старожилом «Церкви Добрых Перемен» и моим другом с детства, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, отличается особой коммуникативностью, веселым нравом и специфическим чувством юмора. Являясь дьяконом-хозяйственником, он все годы существования «Пилигрима» не просто работает в нем, но живет его радостями и очень эмоционально воспринимает проблемы нашей «Республики». Только он умеет так горячо и искренне ликовать по поводу незначительного успеха

Непедагогическая поэма

кого-то из воспитанников. Только он способен выйти из себя по пустяку и по любому поводу взорваться драматическим монологом, не хуже Смоктуновского. О популярности нашего церковного «деда» в среде пилигримов говорит обилие цитат из его нестандартного лексикона, которые пародируют пацаны. Он искренне любит детвору, интересуется даже самыми маленькими деталями их жизни и по любому поводу устраивает им взбучки.

* * *

— Одичали! Разложились! Мерзопакостные душонки! Чреволикое лохобыкообразие устроили! — заметив брошенный кем-то прямо на пол целлофановый пакет, закипел Юрий Андреевич. — Неужели за столько лет в вас не угасла змеиная злоба! — обращаясь к первому попавшемуся под руку пилигриму, начинал он свои далеко не всегда догматически выверенные «проповеди».

— Ты смотри, какая жестоковыйность! — нося кулек по комнатам и демонстрируя его всем встречным, возмущался дьякон. — Это же какое беспределоподобие устроили! Я тебе не кулек, я тебе свиноликость нашу демонстрирую! — поймав пробегающего мимо подростка, продолжал свою речь наш дьякон. — Что ты думаешь, — уже следующему подвернувшемуся говорил он, — это кулек? Нет, дорогой, это твое лицо! Это твой образ жизни, а если не покаешься, — твоя судьба! Я с этим не смирюсь! — констатировал он уже пятому по счету пацану и, заканчивая свою речь по данному поводу, заявлял малопонятное, но почему-то сильно впечатляющее:

— Это вам не при немцах колбасой двери завязывать!

* * *

Эмоциональный спич Юрия Андреевича — это произведение искусства. Каждое предложение в нем достойно шолоховского пера. Кто-то верно подметил, что автор «Тихого Дона» много потерял, не имея под рукой такой колоритной натуры, как наш хозяйственник. Только дьякон может, сидя

с восьмилетним пацаном, рассуждать о смысле жизни, а с семнадцатилетним хохотать до слез, беседуя о его сердечных интрижках. Только он помнит такие детали из судебных ребят, как имена двоюродных бабушек и их племянников, на короткое время заскочивших в «Пилигрим» пару лет назад, чтобы проведать своих родственников. Только он умеет так искренне интересоваться пацанами и так горячо возмущаться прорехами в нашем пилигримовском житии.

* * *

— Юрий Андреевич, где мне взять лопату? — разгребая осеннюю листву на нашей территории, спросил Джакс.

— Лопату? — опираясь на грабли и смотря на желтый ковер под ногами, нежно переспросил дьякон. — Лопату говоришь, а вот то-то и оно, — продолжая любоваться природой и постепенно меняя мимику, отвечал Андреевич. — Нету лопаты!! Понимаешь, нет ее!!! — с возрастающим возмущением начинал наш «дед» очередной монолог.

— Было пять лопат, — поворачиваясь вокруг и как бы ища их, смотря уже далеко не нежным взглядом, продолжал он. — Украл лопаты! — нарушая тишину осеннего двора, восклицал он. — Увели жестоковейно!!! А какой был инструмент?! — разводя руками, на всю территорию спрашивал он сам себя. — Увели!!! Не могу больше так жить!!! Ухожу с работы!!! Буду читать по утрам газеты и пить чай!!! Хороший утренний чай с двойным бутербродом!!! Я буду намазывать на него масло и, читая новости спорта, пить чай!!! И не нужны мне ваши лопаты!!! Великое расслабление устроили! Я вам объясню про то, как при немцах колбасой двери завязывали!!! — совершенно выйдя из себя, бросив грабли на листву, удалился «дед», продолжая монолог сам с собой, видимо, лелея надежду все же отыскать хоть одну из грабарок.

* * *

Специфическое чувство юмора, которым не обделен Юрий Андреевич, доставляет немало удовольствия и

Непедагогическая поэма

воспитанникам, и сотрудникам «Пилигрима». Его присутствие на работе создает особую атмосферу, в которой всегда есть место смеху. Видимо, учитывая этот веселый нрав нашего дьякона, Господь также часто весьма забавно шутит с ним. Истории, периодически происходящие с Андреевичем, абсолютно убедили меня в том, какое прекрасное чувство юмора у нашего Небесного Отца.

* * *

— Обратите внимание, — обращаясь ко всем сотрудникам, присутствующим в столовой, заговорил Юрий Андреевич, — в разгар лета у нас на кухне ни одной мухи! Абсолютно ни одной! Я не первый десяток на земле живу, но такого, чтобы летом на кухне не было мух — видом не видывал и слухом не слышал!!! — поднимая указательный палец вверх, констатировал он. — И вот я спрашиваю вас, невнимательные коллеги, что из этого следует?

— Сдаемся! — парировала наш завхоз Светлана Александровна, всегда признававшая масштабность и непредсказуемость логики «деда». — Сдаемся!!! О чем?

— А говорит это о том, о ненаблюдательные и неспособные делать выводы, что наша церковь очень духовна, а всякая нечисть в ней места не имеет и не может иметь. О том, что здесь присутствует такой сильный Дух, что никакая гадость не может к «Пилигриму» приблизиться. Аминь! — ударяя кулаком по коленке, подвел он итог.

Посмеявшись от очередного умозаключения «деда» и помолившись за пищу, сотрудники сели за стол, приступив к поеданию неплохого, хоть и не самого наваристого борща. Однако традиционную тишину первых минут еды нарушил мощный звук, мгновенно привлечший всеобщее внимание. В распахнутое окно пилигримовской столовой влетела эскадрилья из трех колоритных Божьих творений, чье отсутствие было так четко подмечено несколько минут назад. Под хохот работников эта тройка мух совершила несколько

кругов почета, после чего решительно спикировала в тарелку к Юрию Андреевичу.

После нескольких секунд оторопи столовая содрогнулась безудержным хохотом, а наш дьякон со слезами смеха еще долго приходил в себя, смотря на тарелку борща с тремя крупными мухами, столь очевидно опровергнувшими его теорию о степени нашей духовности!

Юмор Господа по отношению к нашему «деду» всегда был особенным, но не только теория о нашей духовности была опровергнута столь веселым образом. Одна из самых впечатляющих зарисовок касалась утверждения о личной красоте Юрия Андреевича.

— Ох, сестры, как тяжело быть симпатичным! — причесывая свои усики расческой с половиной оставшихся «в живых» зубьев, вздохнул он. — Если бы вы только знали, как нам, красавцам, тяжело быть христианами! Вот сяду в троллейбус и понимаю, что все от шестнадцати до шестидесяти на меня смотрят и буквально искушают своими взглядами! Ну, впрочем, вам этого не понять. Ох, и нелегкий крест — красота!

Улыбки сотрудников так и остались бы повседневной реакцией коллектива на юмор нашего дьякона, если бы не история, которая произошла вскоре. По прошествии двух дней моя мама пришла в офис, и не найдя меня, зашла в вагончик сторожа на внешней территории. Попивая чай с охранником, она вдруг указала на стекло, говоря:

— Ты глянь, Юрка Шахман балуется!

— Где, Алексеевна? — переспросил сторож, смотря в указанном направлении. — Где вы его видите?

— Да вон, к стеклу прислонился, кривляется, — помахивая рукой и зовя его присоединиться к чаепитию, ответила мама, не прихватившая с собой в тот день очки.

— Ой! Ой! — хватаясь за живот, застонал от хохота наш сторож. — Ой! Алексеевна! Это не Юрий Андреевич к стеклу прислонился!!! Это бульдог!!!

Отойдя от безудержного хохота, пилигримовский «секьюрити» поведал нам историю о том, как нашего хозяйственника — «писаного красавца» перепутали с бульдогом. Эта история, безусловно, положительно повлияла на борьбу Андреевича с плотскими искушениями, и с тех пор никто не слышал, чтобы он упоминал об этой сфере своей духовной битвы.

* * *

Наряду с юмором, присущим «деду», мы обязаны признать, что есть у него и другие достоинства. Не раз в самых неожиданных обстоятельствах он проявлял отвагу, граничащую с героизмом. Однажды мы перевозили вещи одной сестры в арендованный частный дом. Доставив какой-то шифоньер и открыв ногой калитку, Юрий Андреевич занес его уже на середину двора, когда разъяренный хозяйский пес, вероятно, проспавший наше появление, выскочил из-за угла. С каждой секундой ситуация обострялась. На большой скорости собака приближалась к нам, явно не выдавая знаков радушия. Но, как всегда, выручил наш храбрый дьякон. Резким движением он плюхнулся на четвереньки так, что его лицо оказалось нос к носу с разозленным псом. Драматичность этого эпизода нельзя передать словами. Доли секунды решали судьбу наших штанов, а, возможно, и ягодиц. Но, мгновенно оказавшись в такой позе, Юрий Андреевич издал страшный по силе и нечленораздельности рык, который невозможно отообразить на бумаге никакими буквами. Через мгновение пес, развернувшись в воздухе, также издал звук. Однако это была совершенно иная тональность в сравнении с его оппонентом. Это был визг ужаса, вой вперемешку со скулением. Именно с такими голосовыми вариациями, а не с победным лаем собака влетела в свою будку, при этом стукнувшись головой о заднюю стенку.

— Проверенный способ, — поднимаясь и вытирая дрожащие руки, заявил Юрий Андреевич. — Только один раз

не сработало! — показывая шрам на руке, сказал он. — И то, чисто по моей вине. Сдрейфил я тогда!

— Хозяюшка, пса привяжите, — появившись на следующий день у этой же калитки, попросили братья. — Мы тут еще кресла привезли.

— Нет больше пса — сдох вчера, — успокоила женщина.

* * *

Хозяйственная деятельность Юрия Андреевича — причина его ежедневных диалогов с пацанами в «Пилигриме». Среди этих шедевров красноречия накопилась немалая коллекция интереснейших экземпляров.

— Муха, пошли, поработаем во дворе ради «Пилигрима» и во славу Господа, — потрепав шевелюру малыша, прибывшегося к нам незадолго до этого, попросил Андреевич.

— Пойдемте, дядя Юра, — с серьезным видом отреагировал малыш, — пойдемте, поможем Богу!

— Брат Юрий Андреевич, мне нужен «Раптор», меня эти комары съедают по ночам, я с ума сойду от них, — пожаловался однажды Шустрик.

— Ты, брат, логику включай, а то сразу «Раптор» ему подавай! Это тебе не при немцах! Фантазию напрягай! Творчество активизируй. Голова — она, понимаешь, не для того только, чтобы в нее есть!

— Какое тут творчество, жрут меня всю ночь, сволочи! — горячился пацан.

— Творчеству, брат, всегда есть место в жизни христианина. Вот меня, к примеру, проблема комаров уже много лет не волнует.

— Это как? — искренне заинтересовался Шустрик.

— Я когда спать ложусь, сперва жду, чтобы жена заснула, потом с нее стаскиваю слегка одеяло.

— Ну и?

— Что, ну? Вот комары ею до утра потом и занимаются, а я сплю себе спокойно! — с очень серьезным видом заявил Андреевич. — Думать, брат, всегда надо думать!

Как нам «ОБРЫДЛО»

*Зло, оставленное в пренебрежении,
усиливается и становится неизлечимым.*

Иоанн Златоуст

Это случилось в марте 2005 года. Как у котла, поставленного на огонь, происходит кипение, также «прорвало» и нас. Многолетняя заочная полемика с наркодельцами Мариуполя перешла на совершенно новую фазу — открытое противостояние. В течение семи лет мы неоднократно обращались в милицию с требованием прикрыть наркоторговлю в определенных местах, однако все обещания «принять решительные меры» оставались практически пустым звуком. Местные барыги достаточно глубоко пустили корни за годы построения «демократии», превратив свои квартиры в круглосуточные места торговли. Под дверями Шуры, Тома, Анжелы, Любы, Юры и Раи годами, а иногда и десятилетиями кипела бурная деятельность по обеспечению молодежи нашего города всеми видами наркотиков. Последние два года торговля дурманом

стала очень дерзкой и демонстративно неприкрытой. И, конечно, все это с каждым днем допекало еще сильнее.

— Пастор, барыги совсем оборзели! — вводя в «Пилигрим» очередную партию свежесобранных беспризорников, сплюнул Сергей. — Посмотри, что творится! — закатив рукава двенадцатилетнего Гецы, продемонстрировал наш дьякон гноящиеся свежие раны.

— У кого покупал? — смотря в затуманенные наркотиком огромные карие глазенки, спросил я.

— У Томи и у Шуры тоже.

— Блин! — швырнув свою любимую кепку на стол, выругался Козырьков, — достали, сволочи, когда ж они наедятся уже, сотни смертей за каждой?!

— Подорвать хаты этим стервам, и дело с концом! — подключился к диалогу недавно прибившийся к «Пилигриму» Саня по кличке Млин. — Сколько это можно терпеть? На первый случай — на дверь полканистры с бензином, потом на машину, ну, если не угомонятся.

— Остынь, ирландский террорист! — остудил Фил приятеля. — Ты смотри, какой грамотный! Зря в школе ни дня не сидел. Тут надо с умом, а не с бензином. Что им, двери поменять сложно? Тысячи долларов в день имеют.

— Вот пусть каждый день и меняют! У дяди Сани фирма по ремонту дверей неплохо раскручена, вот тебе и заказчики дополнительные! — улыбаясь, добавил вышедший недавно из тюрьмы Плюс. — А останавливать их надо. Мой Пашка свои последние дозы под этими же дверями, у Томи и Шуры, покупал. Сейчас бы ему уже девятнадцать было, если бы не эфедрин. — Давить их надо, это сто пудов!

— Пастор, поехали прямо сейчас, я тебе такое зрелище гарантирую! Там под дверями цирк бесплатный, стоит взглянуть.

— Серега, ты ж меня знаешь, я могу там беды натворить! — исповедовался я.

Непедагогическая поэма

— Да пастор сам, как бочка с бензином! Попали барыги, если он доберется! — расплылся в улыбке Куча.

— А ну покажи свои руки! — обратился я к Толику по кличке Балуга. — Кололся?

— Кололся, — опуская взгляд, пробормотал пацан с такими же выразительными глазами, как у Гецы.

— А ты у кого покупал? — поинтересовался я.

— Последнее время у Тома.

— Малик, — обратился я к третьему доставленному пацану, — а ты где дозу брал? — повернув голову мальчишки с гноящимися ранами на шее, спросил я.

— То у Тома, то у Шуры и на семнадцатом, на рынке, там тоже целыми днями продают, — проямил парень. — Я у Тома еще с батей покупал, когда мне одиннадцать было. Мы с ним вместе там брали и кололись.

— Это сколько лет назад получается?

— Шесть, — напрягая свои математические способности, подсчитал Малик.

— Поехали, Серега! — бросил я. — Вези меня к этим трижды проклятым дверям.

— Труба барыгам! — прочувствовав мою ярость, расхохотался всеобщий любимец, десятилетка Бублик. — Попали они теперь! — тотчас сменив тему, начал он канючить с жалобным видом: — Пастор, возьми меня в багажник!

— И меня! — присоединился Димка по кличке Фан, — я тоже хочу Томе насолить!

— Ты иди с ларьками разбирайся, где клей продают! — поддел Бублик конкурента, претендующего на место в моей машине. — Ты же у нас пыхальщик моментозависимый!

— Сам ты пыхальщик! — парировал Фан. — Я уже две недели, как за ум взялся!

— Успокоились оба! Никто не едет со мной, — обрезал я. — Бегом на кухню, каша стынет! Заводи, Серый, поехали «цирк» смотреть.

Оказавшись через пять минут в самом центре города, я действительно был шокирован увиденным. Еще на подходе к подъезду Тома все было завалено медицинскими упаковками от наркотических препаратов. Как осенними желтыми листьями, «лопухами» от трамадола был усеян весь двор. Прямо на входе в подъезд валялось несколько свежесвыпотрошенных пачек, которые Сергей презрительно пнул ногой, перешагивая порог брежневской девятиэтажки.

— Я сюда в свое время каждый день заходил, — вспоминая прошлую жизнь, прокомментировал наш дьякон. — Ты, пастор, не представляешь, сколько сотен людей из тех, кто здесь пасся, уже на кладбищах покоятся.

— Стой! Серега, останься здесь, дальше я сам. Какая квартира?

— Не заблудишься, там клиенты под дверями толкуются, а окошко — посередине, как в ночной аптеке. Только, пожалуйста, успокойся, — видя, как я теряю контроль над своими эмоциями, попросил он.

— Спокоен, как пульс покойника, — утешая самого себя, начал я подниматься по лестнице.

Через пару пролетов действительно стояла толпа молодых людей, выстроившихся в очередь к злополучным дверям. Человек пятнадцать старшеклассников отоваривались через распахнутую «кормушку» и не испытывали никакого дискомфорта при виде постороннего. Прикрыв воротником куртки пасторскую шейку с крестом и едва сдерживаясь, я прошел мимо и поднялся на этаж выше «фирмы». Прекрасная слышимость в подъезде давала возможность в деталях улавливать диалоги у дверей.

— Сколько? — раздался женский голос.

— На все!

— Следующий!

— Пять упаковок, — просил какой-то очень вежливый юноша, добавив несуразно прозвучавшее «пожалуйста».

Непедагогическая поэма

Обслуживание шло достаточно быстро, но через пару минут окошко захлопнулось, а после короткой паузы открылась дверь. Появившаяся на пороге хозяйка выглянула, чтобы сделать объявление.

— Торговлю прекращаю, менты звонили, сказали до шести не торговать. После 18.00, если лампочка на площадке горит, значит — мы работаем, — тоном кондуктора в салоне объявила дамочка. — Повторяю, приходите после шести!

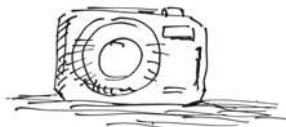
После некоторого замешательства и советов отправиться за товаром на рынок, подростки стали расходиться. Я, совершенно ошарашенный всем увиденным, стоял со слезами на глазах и наблюдал всю эту картину.

— Вы в курсе, что за этими дверями происходит? — остановил я мужчину, спускавшегося с верхних этажей.

— Еще бы! — вздохнул он, — только я живу здесь, вы меня понимаете? — многозначительно продолжил он.

— Да чего уж тут непонятного, — согласился я.

Вечером я собрал экстренное совещание служителей церкви, на котором было принято решение о начале акции протеста против обнаглевших наркоторговцев. Название родилось мгновенно. Кто-то просто вздохнул по-холяцки: «Как это все ОБРЫДЛО!»

«Обрыдло» в Мариуполе или «лед тронулся», господа барыги!

Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту.

Конфуций

Девизом акции было решено взять перефразированное выражение из популярного рекламного ролика: «Вы еще торгуете наркотиками? Тогда мы идем к вам!!!» На этом слогане наше обещание идти от двери к двери, от прилавка к прилавку не заканчивалось. Главная цель — очистить город от наркодельцов. Сотрудники и воспитанники «Пилигрима» решили, что не остановятся, пока не добьются конечного результата.

— Помнишь, дядя Олег, — обращаясь к руководителю нашего благотворительного фонда, блеснул знанием классики кинематографа Спартак, — помнишь, как Шариков говорил: «Мы их душили-душили, душили-душили...» — вот так и мы будем эту гидру давить. Как немецкий корпус генерала Паульса, — тотчас перешел он к своим любимым военным аллегориям.

— Надо поручить Спартаку разработать военную стратегию, — вставил свои пять копеек вездесущий Куча. — Если

Непедагогическая поэма

он за дело возьмется, то враг будет разбит! — добавил парень, улыбаясь так, что щеки превратились в два розовых шарика.

В качестве стратегии акции было решено объявить ультиматум самым известным наркоточкам. Осуществить это мы взялись, сделав открытое заявление для всего города и взяв под ежедневный контроль ситуацию в указанных местах. На следующий день заявление о начале акции, приведенное ниже, передали всем СМИ и руководителям ключевых ветвей власти.

*Всем мариупольским СМИ
Руководству Мариуполя
Руководству СБУ
Руководству МВД
Общественным организациям
Всем гражданам города*

*Акция общественного протеста «ОБРЫДЛО»
Благотворительного фонда «Пилигрим»*

*«Проклят, кто тайно убивает ближнего своего!
И весь народ скажет: аминь.
Проклят, кто берет подкуп,
чтоб убить душу и пролить кровь невинную!
И весь народ скажет: аминь» (Второзаконие 27: 24-25).*

Благотворительный фонд «Пилигрим» является крупнейшим реабилитационным проектом в Украине и на протяжении шести лет ведет в Мариуполе, а также в филиалах, открытых в 12-ти регионах Украины и России, активную работу по реабилитации наркозависимых подростков и взрослых.

На данный момент во всех отделениях фонда проходят реабилитацию более 400 человек, имеющих проблемы с наркотиками. Плодом этой работы стало множество измененных жизней, возвращенных в семьи детей и вернувшихся к нормальной жизни взрослых.

«Обрыдло» в Мариуполе

Однако, тесно работая с наркозависимыми людьми, мы приходим к печальному выводу, что никакие действия всех вместе взятых реабилитационных проектов не смогут остановить стремительный рост увлечения наркотиками в нашем обществе. **Совершенно обнаглевшая и практически открыто действующая в нашем городе система наркоторговли вовлекает в свои ряды подростков и молодежь все более быстрыми темпами.** Торговля наркотическими веществами, к великому сожалению, ведется под «попечением» сотрудников милиции и десятилетиями осуществляется в одних и тех же местах. Неоднократно, требуя вмешательства, мы предоставляли работникам МВД данные о том, где и кто ведет такой «бизнес». Однако из **одних и тех же дверей, с одних и тех же рыночных прилавков, одними и теми же людьми** на протяжении последних десяти лет осуществляется неприкрытая продажа наркотических веществ.

Работая с наркозависимыми людьми, я лично хоронил десятки парней, а иногда и детей, покупавших свои дозы у все тех же личностей, прекрасно известных каждому мариупольскому наркоману и, увы, тем сотрудникам МВД, которые «кормятся» из их рук. Есть масса историй циничного обирания милицией наркоманов и в это же время дружеских, покровительских отношений этих же «милиционеров» к барыгам. Некоторые из этих сюжетов просто шокируют дерзостью людей в погонах. **Когда сотрудники милиции вывозят за город наркоманов, «воспитывая» их за невозвращенные нарконторгашам долги, мне кажется, ситуация становится не просто комичной, но омерзительной.**

Не далее как вчера, я в очередной раз выехал с сотрудниками фонда к одному из известных мест торговли дурманом, расположенном **в самом центре города, и в который раз стал свидетелем настоящего потока пятнадцатилетних пацанов, стоящих в очереди к окошку в двери**

квартиры, которое они называют «кормушкой». Хозяйка, не заметившая моего присутствия, объясняла клиентам, что «менты сказали сегодня до вечера не торговать», и посоветовала приходить после шести часов. В Центре детской реабилитации «Республика Пилигрим» только в данный момент находятся несколько подростков, которые еще десятилетними детьми покупали у этой же двери свои первые дозы. Среди сотрудников и реабилитантов наших центров множество людей, еще в 1995 году покупавших у этой же двери наркотики и за это время похоронивших огромное количество своих друзей по несчастью. Десятки матерей и отцов, обращающихся за помощью в фонд «Пилигрим» могут подтвердить, что у этих же дверей начинали свою наркопрактику их дети. По этой причине **разговоры о неспособности милиции и несовершенстве законодательства мне кажутся уже не просто халатностью, но откровенным укрывательством беззакония, царствующего в этой сфере.**

Еженедельно в городе хоронят молодых людей, закончивших свой земной путь в статусе «наркомана». Как минимум, одни подобные похороны были вчера предыдущие известные мне, — два дня тому назад. 80% преступлений в городе осуществляется людьми, добывающими таким образом средства себе на дозу.

Еженедельно, как следствие, на скамью подсудимых садятся подростки и молодые люди, имеющие наркозависимость.

Еженедельно ряды тех, кто «подсел на наркотики» пополняются новыми адептами, и с каждым годом их количество, вопреки отчетам об успехах в борьбе с наркоторговлей, стремительно растет.

Еженедельно наркомания перемещается из неблагополучных поначалу семей в более солидные слои общества, уверенно расширяя свою социальную базу. Как чума, эта

«Обрыдло» в Мариуполе

беда идет от дома к дому, и уже никто не может быть уверен, что завтра она не постучится в его дверь.

Продолжать смиряться с подобным положением вещей преступно как с точки зрения Священного Писания, так и просто с позиции здравого смысла.

По причине вышесказанного Благотворительный фонд «Пилигрим», уставной деятельностью которого является работа по профилактике и освобождению от наркотической зависимости, объявляет начало акции общественного протеста «ОБРЫДЛО».

Первым шагом данного проекта является требование к руководству силовых структур — немедленно прекратить многолетнюю открытую деятельность наркоточек в городе. В случае, если в течение недели в первых, указанных нами местах не прекратится торговля наркотиками, либо, притихнув на пару дней, она вновь возобновится, мы перейдем к дальнейшим действиям.

Поскольку, еще на стадии подготовки к началу этой акции, в адрес сотрудников фонда «Пилигрим» поступали открытые угрозы, мы также вынуждены заявить, что попытки давления на участников акций в любой форме, от любого рода структур послужат причиной немедленного перехода акции на следующий этап.

За этим заявлением стоят несколько сотен бывших наркоманов, освободившихся от своей зависимости, сотни родителей и множество граждан нашего города, которым не безразлично, что происходит с нашими детьми, семьями и обществом в целом.

4 марта 2005 года

**Священнослужитель, директор Благотворительного фонда «Пилигрим», пастор «Церкви Добрых Перемен»
Геннадий Мохненко**

Адреса наркоточек, закрытия которых мы требуем в первую очередь в течение 1 недели: (список прилагается).

С этим письмом уже утром я оказался в приемной мэра города.

— Ну, как у вас дела, никто не обижает? — поинтересовался я в приемной у своего тезки.

— Как сказать, — парировал помощник мэра и многозначительно добавил: — Если вы не обидите, никто не обидит.

— Вот уже точно умысла такого нет, — признался я, — но и сил больше нет с торгашами диалоги вести. Вот прорвало нас! — прокомментировал я, передавая данное заявление.

После внимательного, профессионального прочтения документа мне было предложено подождать минутку.

— Заходи, пастор, — пригласил секретарь, выходя из кабинета руководителя города, в очередной раз удивляя меня доступностью руководителя восьмого по величине города Украины.

Поздоровавшись и присев за стол, я увидел, как Юрий Юрьевич внимательно читает письмо. Закончив чтение, он сразу же перешел к конкретным действиям.

— Так, пастор, через два дня собираем специальное совещание с присутствием всех главных руководителей. Приведи тех людей, которые могут все это в открытую подтвердить. Покажи нам видео, которое у вас есть. Давай браться за эту проблему по-другому. Потому что мне на совещаниях постоянно докладывают о наших успехах в борьбе с наркоторговлей. Вот пусть объяснят все это.

Через два дня в малом зале горисполкома собрались все главы районных администраций, руководство милиции, управления образования, горздраотдела и других структур. Со мной пришло пару десятков бывших наркоманов, чтобы поделиться своим видением проблемы и путями ее решения. Разговор был нелегким. Один за другим вставляли ребята и рассказывали о том, как они покупали свои дозы за этими дверями десять, семь, пять лет тому назад.

«Обрыдло» в Мариуполе

— Моего брата хоронили в «Пилигриме» пять лет назад, — заявил Плюс, — он покупал свои последние дозы у этой самой сволочи, у Тома. Ему четырнадцать тогда было. А сейчас под этими дверями огромные толпы пацанов.

— Я на эти точки годами ходил, — вступил в разговор Славик, — мой дом рядом. Предлагаю всем совещанием выездное заседание провести. Там кишит пацанами. Я, благодарение Богу, вот уже пять лет, как вырвался. А сколько моих корешей уже в могилах, и скольких они еще туда загонят в ближайшие годы?

— У нас слабая законодательная база для привлечения этих людей к уголовной ответственности, — сетовали представители милиции, — указанные в обращении «Пилигрима» граждане отделяются в судах административными наказаниями в тех случаях, когда дела вообще до суда доходят.

— Мы вкладываем из городского бюджета в поддержку правоохранительных сил миллион гривен в год, — отреагировал на это мэр, — и при всем несовершенстве законов, ситуацию необходимо менять.

Совещание продолжалось около полутора часа. Все городские телеканалы приняли активное участие, и уже в вечерних новостях о начале акции «ОБРЫДЛО» было объявлено во всеуслышание. Однако мы прекрасно понимали, что это только начало открытой фазы противостояния. В ближайшие месяцы нам предстояло еще многому удивиться.

Псевдоаптеки, гробы и мистика наркодилеров

Каждое доблестное дело сначала кажется невыполнимым.

Томас Карлейль

Торговля за дверями, указанными в нашем первом обращении, была прекращена в течение двух суток. Некоторые из самых смелых журналистов отправились снимать репортажи непосредственно по указанным адресам, и дело дошло до открытого столкновения со «звездами» наркоторговли. Пресс-конференции, которые мы стали проводить регулярно по данному поводу наряду с

более решительными действиями милиции, достаточно быстро дали первые результаты. Наркаторговцы исчезли с рынков и перешли на подпольные продажи. Первые аресты, последовавшие сразу после начала акции «Обрыдло», привели к задержанию крупных партий наркотиков. Однако через некоторое время мы столкнулись с серьезными подводными течениями. Понадобилось время, пока мы смогли понять, откуда именно они берут начало.

— Прокуратура отказывается возбуждать уголовные дела и требует вернуть изъятую наркоту! — сплюнув, с негодованием поведал мне руководитель милиции города.

— Как вернуть? Они там с ума посходили? — отходя от шока, поинтересовался я.

— С точки зрения нашего недоделанного законодательства трамадол — это обычный лекарственный препарат, за торговлю которым максимальное наказание — 51 гривна. Чудеса, да и только! Год назад был наркотиком, а теперь превратился в простое лекарство! Мистика какая-то! Прямо как в церкви! — горячился подполковник.

— Кто же эти «чудотворцы»?

— Министерство здравоохранения! Потрясающую заботу о здоровье нации проявили! Самый популярный у молодежи страны наркотик перевели в разряд амидопирина! Зеленый коридорчик для многомиллионных прибылей устроили.

— Ну, это явно не стечение обстоятельств, — уговаривал я сам себя. — Это вряд ли банальное незнание чиновниками сути вопроса.

— Какое незнание, наивный вы человек, пастор! — это называется «лобби». На высшем уровне процессы закручены. Это вам не Томы с Шурами и Любами мариупольскими. Они осели не просто на рынках и блат-хатах, а в Верховном Совете, в министерских кабинетах. Так что тут одними жалобами на недоработки милиции не обойтись. Выше бить надо. Противно от всего этого!

— Будем бить, если надо, — пожимая руку офицеру, подвел я итог, — а вам спасибо, что все же беретесь за это дело.

— И вам Бог в помощь!

Помощь Божья и поддержка верующих людей нам понадобились очень скоро. Узнав о начале акции в Мариуполе и о первых наших успехах, в «Пилигрим» приехали сотрудники областного отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

— Пастор, помогите нам в Донецке, — обратились ко мне сотрудники ОБНОНа, — в центре Донецка в нескольких аптеках полный беспредел устроили. Тысячи пацанов в день открыто покупают наркотики. Мы на днях арестовали весь товар, так прокуратура нашим ребятам выговор впаяла за служебное несоответствие и приказала все вернуть!

— Что же это за аптеки такие?

— Очень интересные учреждения — там ни горчичников, ни зеленки, ни лейкопластыря — узкая наркоспециализация. Помогите привлечь к проблеме общественное мнение. Жуть, что творится!

Через три дня, будучи в Донецке, я посетил псевдо-фармацевтические притоны и был абсолютно потрясен увиденным. В 500 метрах от губернаторского дворца, в очереди к двум окошкам выстроились пацаны за дозами. Это зрелище превзошло все мои печальные ожидания. Продающиеся открыто опиумные препараты избавляют от необходимости прокалывать вены и прятать руки потом от родителей и медиков. Это настоящая революция в империи наркоторговли. Больше не нужно варить «ширку», покупать шприцы и нащупывать вены. Несколько таблеток и стаканчик воды вдогонку наряду с трехкратным удешевлением стали причиной массового рывка молодежи в сторону этих относительно новых препаратов. А производители по классическим правилам рынка отреагировали

мгновенно, обеспечив растущему спросу немедленное и широко распространенное предложение. Особенно жутко стало оттого, что почти 40 % молодых людей, старшеклассников и студентов решили, что трамадол — это безобидное баловство. Многие из них уже после нескольких доз крепко увязли.

— Ну и кто вырастит в наших школах? — возмущался Спартак на заседании пилигримовского кабинета министров. Что из них получится? Учителя? Инженеры?

— Да, — подтрунивая над особой сферой интересов друга, добавил Сега: — Летчиков точно не получится!

— Они уже летчики, — вступил в дискуссию Джакс. — Вон как по рынкам эскадрильями летают в поиске товара! Помните, как Чудик обожрался этой гадости. Едва копыта не откинул!

— Не, мужики, с этим трамадолом надо что-то делать. Сто процентов уже «Обрыдло»! — заявил Павлин. — Пастор, давай я эти морды сфотографирую и в газеты. Пусть весь город знает. Они меня не догонят, подойду в тупую щелкну пару раз и деру!

— Че их фотографировать, их отстреливать надо! — разгорячился обычно спокойный Сега.

— Ага, и фотки потом вешать в газетах сразу в черных рамках! — сострил Джакс.

С каждым днем, с момента начала акции, ситуация обострялась. Возмущая общественное мнение, мы, безусловно, задели чьи-то интересы.

— Вам не кажется, что ваша деятельность зашла слишком далеко? — поинтересовался вежливо по телефону кто-то и тотчас положил трубку.

— Не кажется, — прокомментировали мы на ближайшей пресс-конференции, обращаясь к анонимному оппоненту. — Вот, когда вы исчезнете из города либо будете посещать тюремные церкви, тогда мы сочтем свою задачу выполненной!

Через несколько дней после посещения донецких при-тонов я приехал на совещание пасторов области и, выступая, просил поддержки акции в нашем областном центре. К моему удовлетворению было принято решение о совместном обращении к властям и о безоговорочной поддержке любых требований по изменению ситуации в этом направлении.

Уже через три недели под окнами самых крупных наркоточек области собрались несколько сотен человек.

— ОБРЫДЛО! ОБРЫДЛО! — скандировала донецкая молодежь, перекрывшая вход в эти сомнительные заведения.

«Колеса везут в морг!», «Трамадол — не валидол!» — гласили многочисленные транспаранты. «Кто ответит за убийство наших детей?», «Наркоторговцев к суду!»

— Видите ли, — пытался объяснить чиновник, — у нас нет законных оснований для лишения этих аптек лицензии!

— ОБРЫДЛО! ОБРЫДЛО! — скандировали выехавшие в Донецк по этому поводу пилигримы.

— ОБРЫДЛО! — размахивая флагом с аналогичной надписью, присоединилась к сотням людей Барби.

— Ганьба! — почему-то перейдя на украинский язык, кричал Сега.

Поскольку через два часа после завершения акции торговля возобновилась, было принято решение провести более крупное мероприятие. По прошествии недели уже около двух тысяч людей собрались в колонну и с гробами, фотографиями умерших от наркотиков мариупольских беспризорников, а также в сопровождении оркестра совершили марш по центральным улицам города к областной прокуратуре, а оттуда — к областному совету. Во главе колонны шли священнослужители различных деноминаций. Только после этого марша спецназ прибыл в указанные заведения, изъясл массу ящиков с трамадолом и прикрыл эти лавочки. Однако это, как мы понимали, был далеко не конец истории.

Псевдоаптеки

Через некоторое время вызванное нашими акциями общественное напряжение, а также внимание журналистов и чиновников к проблеме наркоторговли несколько уменьшилось. Однако обещания Президента страны и областного руководства добиться изменения законодательства остались пустым звуком. Вседозволенность в сфере продажи самого хитового наркотического препарата стала вновь набирать обороты. Торгаши, почуявшие свою безнаказанность, начали действовать открыто. Поводом к следующему витку напряжения, к прискорбию, стала смерть очередного пилигрима.

Смерть Балу, письмо Президенту и беспризорные террористы

*У меня был маленький опыт, и я хорошо знал, что в борьбе с
пьянством нужно бить не по колонистам – нужно бить
кого-то другого. Кстати, и этот другой был недалеко.
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»*

Толику было шестнадцать. Этот мальчишка по кличке Балу впервые был подобран нами несколько лет назад. После многочисленных побегов ему, казалось, удалось полностью вырваться из тяжелейшей наркотической зависимости. Шаг за шагом хлопец прижился и, сев за парту, проявил небывалые способности. Его обаятельная улыбка, громадные темные глаза и потрясающие ресницы

Беспризорные террористы

делали эту отмытую мордашку очень симпатичной. Дар художника особенно проснулся в нем тогда, когда подросток выиграл пилигримовский конкурс на лучший рисунок против наркотиков.

— Со знанием дела нарисовано! — прокомментировал взглянувший на пару минут Марио, оценивая сюжет на картине.

— Да, профи, что и говорить, — присовокупил свою похвалу Фан. — Таких экспертов по игле, как Балу, в городе немного!

— Ну, ты тоже хорош, тебе надо на конкурс рисунков по своей специализации податься! — защищался наш художник.

— Нету такого состязания, чтобы тюбики от клея рисовать! — съязвил, хохоча Млин. — А то бы Электрон там все призы забрал!

В начале лета, успешно закончив восьмой класс, Балу отпросился к родным. Однако в назначенный срок не вернулся. Спустя несколько недель, подтвердились наши худшие опасения.

— Толяна нашли! — разнеслась весть по «Пилигриму».

— Еле живого из подвала вытащили! — сообщил мне Спартак.

— Где?

— Пока в изоляторе, но надо срочно в больницу! — сказала наша медсестра Людмила. — Уже вызвали скорую!

Зрелище перед моими глазами предстало намного печальнее, чем я прогнозировал. От Балу остались одни глаза. Передо мной, скрючившись от боли, лежал не тот пацан, который всего лишь пару месяцев назад сидел за пилигримовской партой. Это были его жалкие остатки.

— Почему? — спросил я его без лишних комментариев.

— Да на рынке встретил старого кореша, — хрипя и постанывая от боли, поведал Толик. — Тот говорит, пошли трамадола хапанем, у меня есть заначка на пару упаковок. Ну, я и не удержался.

Непедагогическая поэма

— У кого покупал?

— Да у Любы! Это в первый раз, а потом и у Анжелы, и у Раи, у Юры на Центральном рынке.

— Вот собаки! — закипел Спартак, стоявший рядом с кроватью. — ОБРЫДЛО, пастор, совсем ОБРЫДЛО!

— Ну а ты, Балу, что ж ты, как овца к ним на заклание! Что, слово «нет» слабо было сказать? Вот теперь выкарабкавайся, чудо в перьях!

Доктор, забирая Балу, был очень откровенным и сказал, что шансов у пацана практически никаких.

— Максимум, три дня, — опустил глаза, выдал он свой прогноз, добавив лаконичное и ужасное: — Готовьтесь!

Похороны Балу состоялись через две недели. Попрощавшись с пацанами, понимая, что дело идет к финишу, Толик оставил видеозапись, назвав на телекамеру имена наркоторговцев и места, где покупал последние дозы. К сожалению, ожидая изменения законодательства и приостановив свою активность в акции «ОБРЫДЛО», мы услышали о все тех же личностях, известных мариупольским наркоманам.

— Пастор, как же так? Президент в Донецке, когда ему передали документы об акции, сказал, что все юридические проблемы уже решены, осталась, мол, пара деталей! — возмущался Шустрик на внеочередном заседании правительства. — Что ж за беспредел, если барыг нельзя разогнать?

— В прокуратуре говорили, что вот-вот изменят закон и наведут порядок! — не менее оживленно шумел участник первого донецкого пикета Сега.

— А давайте я их сфотографирую! — опять принялся лоббировать свою идею Павлин.

— Да хорош вам, фотографии, балаболим только, когда надо за дело браться. Пока мы тут дискутируем, они таких, как Балу и Геца, в могилы упаковывают. Надо действовать самим, не дожидаясь, пока бюрократы писульки свои начиркают, — констатировал Джакс.

Беспризорные террористы

— Подожди, террорист-радикал. Ящики им на голову одеть мы всегда успеем, надо по закону до последнего идти, — не соглашался с аргументами Спартак.

— Какие законы? Мочить надо этих сволочей! Пусть их хоронят, а не База, Балу и Мавпу.

— А давайте Президенту письмо напишем! — вдруг предложил Дуче, — и на похоронах Балу послезавтра зачитаем, а журналистам его отдадим и правительству пошлем.

Идея понравилась, и через десять минут был готов черновик. В день похорон не только мариупольским журналистам, но и всем центральным СМИ было разослано послание от пилигримовского правительства. Оригинал был отправлен в приемную Президента Украины. Через два дня в наше непризорное государство прибыли журналисты всеукраинских телеканалов, а также, пожалуй, самого рейтингового постсоветского, ныне российского телеканала НТВ. В своих репортажах все они цитировали отрывки из нашего письма:

*Открытое письмо Президенту Украины
от бывших непризорников Мариуполя
«Республики Пилигрим»*

Уважаемый господин Президент! К Вам обращаются бывшие непризорники города Мариуполя. Сегодня мы хорошим своего друга. С 8 лет он употреблял наркотики, в частности, самый популярный у молодежи Украины трамадол.

Еще в марте мы начали в Мариуполе акцию общественного протеста «Обрыдло». При поддержке городского руководства и милиции в течение месяца были арестованы многие известные в Мариуполе продавцы наркотиков. Однако их в очередной раз отпустили, ссылаясь на несовершенство в законодательстве, и сегодня они продолжают убивать наших друзей.

Непедагогическая поэма

Уважаемый Президент! Объясните нам, почему в нашей стране, где есть армия, милиция, служба безопасности, прокуратура и прочие структуры, наркодельцы стоят на рынках и улицах и открыто продают наркотики тысячам молодых людей в день?

С начала марта нам обещают, что вот-вот будет изменен закон, эти люди будут арестованы и понесут ответственность. За каждым из них уже сотни погубленных жизней и Анатолий, которого мы сегодня хороним, — лишь один из многих.

Если вся власть в Украине и вообще все взрослые люди не могут остановить торговцев наркотиками, то просим нас прямо об этом сказать. Тогда мы сами будем останавливать этих злодеев-убийц. Ждем от Вас ответа.

С молитвой о Вас и Вашей семье
бывшие беспризорники Мариуполя,
воспитанники Центра детской реабилитации
«Республика Пилигрим»

Президент «Республики» — Роман Аржинт
Премьер-министр — Валентина Барнич
Члены правительства: Дмитрий Биркин, Руслан
Стрельченко, Александр Курситов, Александр Павленко,
Станислав Поронник, Константин Бичиков
Директор Благотворительного фонда «Пилигрим»
Пастор «Церкви Добрых Перемен»
Геннадий Мохненко

Вампиры, Свична И разрушен- ный «рам

*А мы туристами родились и туристами умрем,
за туристов выйдем замуж, туристяток разведем.*

Народная песня

Усиленная борьба с наркоторговцами, тем не менее, не препятствовала бурной туристической активности пилигримов. С каждым годом походные проекты становились все более дерзкими, и одна за другой под натиском нашей лодочной флотилии были покорены реки. Северский Донец, Кальмиус, Старый Оскол — это лишь первые страницы походной летописи «Республики».

— Через неделю отправляемся на покорение реки 3-й категории сложности! — обратился я к ребятам, выстроившимся в шеренги. — Ставлю боевую задачу: хотя бы каждому пятому вернуться живым!

Непедагогическая поэма

— Есть! Приказ выжить будет выполнен, сэр! — рапортовал Спартак.

— Пороги там огромные. Труссы, дезертиры, слюнтяи и маменькины сыночки — три шага вперед! — продолжал я нагнетать обстановку.

— Перед началом похода всем написать завещания и, как говорится в таких случаях, привести все дела в порядок, — добавил Евгений Николаевич.

— Я завещаю свои спортивные штаны дяде Андрею Япраху! — тут же распорядился Сега.

— Мои кеды передаю Юрию Андреевичу! — подхватил Млин.

— Прошу мой прах развеять над «Пилигримом», а его часть замуровать в родной 26-й комнате! — с печальным взглядом промолвил Фил. — И обязательно съешьте за меня по пирожку!

Под ежедневное страдание о серьезнейших опасностях, которые подстерегают нас в первом, таком далеком походе, пилигримы упаковывали свои рюкзаки. Однако никто из нас не предполагал, что путешествие на Южный Буг в Центральную Украину плавно перерастет в наш первый карпатский поход.

— Если это третья категория сложности, то меня зовут Вася, — едко оценил вялотекущие воды Южного Буга Фил.

— Это здесь, что ли, погибают четверо из пяти!? — расхохотался Шустрик. — Нужно будет очень постараться.

— Пастор, куда ты нас привез? — недоумевал Дуче. — Здесь же петуху по колено!

— Н-да! Мне три года рассказывали о том, какая здесь бурная стихия, говорили, что соревнования проходят международные, — печально осматриваясь, вздыхал я. Это ж надо было на это болото припереться за 900 километров от дома!

Вампиры, Свична

— Интересно, какие же здесь соревнования устраивали? — вопрошал Хома. — Уж точно не по плаванию на лодках. К тому же мы тут наши машины угробим. Я нашего старика «Мерса» только поднял, а тут такие дебри, что мы его добьем окончательно.

— Отставить панику, подготовиться к спуску! Сегодня сплавляемся отсюда, а завтра будем определяться, что делать дальше.

— Да, утро вечера мудренее, — вспомнил древнюю мудрость наш дьякон Вячеслав.

Однако утро далось нам после той ночи не очень легко. Вне всяких сомнений, первые сутки этого похода на всю жизнь останутся в памяти всех его участников.

— Андрей, — попросил я своего сопастора, отправившего с нами в путешествие в качестве дополнительного водителя, — встречаемся в селе Свична, — указал я на карту. — Думаю, нам не больше двух часов по воде. Ищите на машинах подъезд, ставьте палатки и готовьте ужин.

— Любители покурить — в штрафбатальон! — распорядился я, наказывая залетевших с сигаретами подростков. Вы едете на машинах.

— Пастор, ну прости, — начал речь раскаяния Скит, — я просто не сориентировался, давай я потом на кухне отработаю.

— Любое наказание, только не снимайте с лодок, мы потом по полной отработаем наряды, — желая попасть в первый же заплыв, присоединился к исповеди Акрам.

— Отставить ныть! — скомандовал я. — Штрафники-залетчики по машинам, остальным — шлюпки на воду! В лодки ничего не брать, все вещи в машины. Ориентировочное время в пути — два часа, — не подозревая своей неправоты, ободрил я ребят. — Капитаны, начать погрузку!

Через час мы уже добрались до деревеньки Свична и порадовались тому, что опередили наши транспортные средства.

— Так, орелики, сейчас шесть часов, вот-вот подъедут наши. Начать заготовку дров! Джакс, ты — ответственный за костер. Через пять минут, чтобы было тепло.

— Будет выполнено! — отрапортовал пацан. — Однако спички надо найти, а в этой захудалой деревеньке ни одной души, как повымирали все, какой-то «колхоз-призрак».

Через час костер уже горел вовсю, поскольку в этом странном поселке все же был обнаружен живой старичок, и у него нашлись спички. Однако с каждой минутой я начинал чують что-то неладное, и через полчаса отдал распоряжение:

— Всем раздеться до плавок и начать просушку вещей, — еще не высказывая своих подозрений, скомандовал я.

— Че их ща сушить? Вот-вот пастор Япрах подъедет, там у всех есть теплые вещи, а это с утра подсохнет и опять на воду, — как всегда, чтобы избежать лишней нагрузки, включил свою логику Фил. Надо сказать, каждый раз у него были интересные аргументы, в соответствии с которыми любая работа казалась глупой и нелогичной. О чем бы ни шла речь, железная логика Фила была способна подорвать любой порыв трудолюбия, парой фраз продемонстрировав его абсурдность и абсолютную нецелесообразность.

— Отставить суесловия, Мудроил Вскобкович! — обратился я к нему, — всем сушить вещи!

— Что тут сушить? Футболки и шорты? Они и сами подсохнут за час, — продолжал противиться Фил, — вот-вот наши с рюкзаками подъедут.

В последнем с каждой минутой я начинал все больше сомневаться. Время шло. Солнце стремительно уходило за горизонт. В желудках начиналась вечерняя мелодия, намекавшая на привычный, уже сильно отстающий от графика прием пищи.

— Че-то наших не видать, — наконец-то решился озвучить мои усиливающиеся подозрения Млин. — Пастор, а они не могли ничего перепутать?

Вампиры, Свична

— Нет, Япрах опытный походный волк! Он даже в этих диких степях не заблудится, — заступился Хома за своего начальника. К тому времени этот парень, выросший при «Пилигриме», стал помогать нашим водителям, проявляя немалую смекалку автослесаря и шаг за шагом осваивая эту специальность в нашем гараже. Качество наших автомобилей гарантировало ему бесперебойный поток ремонтных работ, и, надо сказать, он с ним шустро справлялся. — Япрах — это вам не хухры-мухры! — многозначительно подняв палец к небу, подвел итог парень.

Однако с каждой минутой становилось все более свежо, усиливался аппетит и вместе с ним ропот в нашем туристическом стане.

— Холодно, однако, — пробормотал Марио, поближе подвигаясь к костру.

— И голодно к тому же, — охотно согласился Дуче.

— Пастор, тут на огородах что только не растет. Может, прошвырнемся?

— Отставить! — скомандовал я, — костер есть, скоро наши появятся, за час ужин сварганим.

Однако наш автомобильный кортеж не появился ни через час, ни через полтора. Ситуация становилась критической. Несколько десятков голодных подростков, в мокрых шортах и футболках, десятый час вечера и абсолютная глухомань вокруг.

— Тут на огородах, между прочим, и картошка есть, — как бы вслух высказывая мысли, заявил Млин.

— А огурцов, пастор, полным-полно! — продолжил Джакс.

— Так, — решился я, — слушай мою команду! Попытаться найти местных жителей и попросить попасть в огородах, объяснив нашу критическую ситуацию.

— Да нет здесь никого! — уверенно и как-то излишне радостно объявил Чека.

Непедагогическая поэма

— Хорошо, по Ветхому Завету можно было нуждающемуся зайти в огород и поживиться, грехом подобное не считалось, — начал я богословскую лекцию.

— Здорово! Аминь! — непривычно активно и на редкость единодушно отреагировали на мой теологический тезис пацаны.

Через пятнадцать минут у костра лежали кучи огурцов, помидоров, моркови, перца, подсолнухов и картошки. Отдельно красовалась гора яблок разных сортов.

— Ну мы, блин, даем! — заявил Сега, оценивая количество собранного провианта.

— Я думаю, что мы все же немного переборщили даже в контексте Ветхого Завета.

— Ничего у пилигримов лишнего не бывает! — уверенно продекламировал Дуче. — К тому же, до утра времени много! — впервые осмелился он произнести столь страшный прогноз.

— До какого утра? — возмутился Фил. — Ты чего паникуешь? Сейчас нас обязательно найдут!

— Ты, неисправимый оптимист! — подковырнул его Джакс. — Молись, чтобы нас хоть к концу недели нашли!

— Типун тебе! — не унимался Фил. — Как мы ночевать будем в трусах под открытым небом? Что там наши водилы, не понимают что ли? Конечно, они нас найдут!

— А может, это пастор с Япрахом сговорились? — выдвинул версию Джакс. — Разыгрывают нас, проверяют на командную выдержку?

— Хорошая версия, — согласился я, — но, увы. Построение! Слушай мою команду! В нашей походной флотилии объявляется чрезвычайное положение! Ситуация критическая и вероятность того, что нам тут до утра куковать весьма приличная. По этой причине любое проявление ропота будет рассматриваться как государственная измена. Каждый, кто распустит нюни, будет судим по законам военного времени!

Вампиры, Свична

— Есть, сэр! — охотно поддержал перевод нашего положения в любимый им боевой режим неутомимый Спартак. — Есть перейти на особое стратегическое положение!!!

— Вполне возможно, что нас не найдут до весны! — начал я пугать пилигримов. — Будем рыть землянки, заниматься животноводством и рыбной ловлей! Но для начала надо дожить без потерь хотя бы до утра!

В начале двенадцатого, наевшись картошки и добытых на огородах овощей, мы окончательно утратили надежду на появление нашего автобуса с провиантом и столь желанными сухими и теплыми вещами. Было принято решение отправить в село команду, которая будет дежурить на перекрестках дорог на случай, если нас еще ищут. Вместе с этим разведотрядом я отправился в достаточно рискованный путь.

— Джакс, я тебя не вижу, — держа руку на плече идущего впереди друга, заявил Млин. — Вот что значит библейское «тьма внешняя»!

— Это — жуть какая-то, я дальше не сделаю ни шага, — запротестовал Хома, — здесь где-то был обрыв над рекой, я ничего не вижу, мы сейчас все полетим с кручи в реку!

— Выстроиться цепочкой, идущий впереди проверяет каждый свой шаг, а тот, кто сзади: положить руку на движущегося впереди! Двигаемся десятисантиметровыми шагами, — отдавал распоряжения я.

— Да, такой темноты я за всю жизнь не видел. Хоть бы одна звездочка в небе появилась, ничегошеньки не видно.

Преодолев за полчаса не более двухсот метров, мы добрались к домам в надежде получить консультации и поддержку у местных жителей. Однако и это оказалось достаточно сложной задачей. Обойдя практически всю деревню и издавая местами истерические крики о помощи, мы все же добились того, что в одной из хат зажегся свет в окне.

— Аллилуйя!!! — взмолился от радости Фил. — Есть Бог на небе!!!

— И есть жизнь на этом «Марсе»! — не менее радостно добавил Джакс.

— Чего орете? — не очень вежливо кинула с порога пожилая женщина. — Вы откуда здесь взялись? Кто такие? — подтверждая подозрения Спартака о том, что в этом селе последние гости были при нашествии татаро-монгол, спросила хозяйка.

— Мы — туристы! Лодочники! Байдарочники! — хором заорали пацаны, не давая в этом многоголосье уловить смысл своих заявлений. — Мы тут плыли просто!

— Ну?! И че вам надо среди ночи?!

— У нас ЧП. Нас потеряли. Помогите нам! — пытался я внести ясность в ментальную систему разбуженной старушки. — У вас, случайно, телефона нет? — сильно сомневаясь в положительном ответе, спросил я.

— Чего ж нет? Что мы, дикие, что ли? — очевидно напрашиваясь на положительный ответ, обиделась местная жительница. — Катюха! — позвала она кого-то из дома. — Катюха, иди сюда, тут какие-то туры хейердалы заблукали! Где там твой телегфон сотовай?!

К нашему огромному удовольствию, из дома вышла еще одна женщина помоложе, не просто подтвердив концепцию Джакса о наличии жизни в этой дыре, а даже утвердив тезис о ее многообразии.

— Нам бы позвонить, — растолковывал Сега, — одну буквально минуточку. А то померзнем все к утру! К тому же гроза, похоже, приближается.

На небе действительно угрожающе поблескивало, намекая на то, что пик наших проблем еще только впереди.

— От даете! Звидкиля це вы такой гурьбой взялыся?

— Видповидаю! Мы з Донбасу — кацапщина мариупольска! — не хуже очередной молнии блеснул языкознанием Дуче. — Нам бы подзвоньты!

— Телефон берет только там, на холме, у разрушенной церкви. Там если на самый верх подняться, то, может, будет

Вампиры, Свична

связь. Пойдем, попробуем, — начиная понимать плачевность нашего положения, раздобрилась женщина.

Через полчаса, добравшись до заветного холма и с колоссальным трудом обнаружив пару квадратных метров, где, становясь на цыпочки, мы обрадовались, что на телефоне появился хоть и самый низкий, хоть и прерывающийся, но все же уровень связи.

— Есть контакт! Ура! — заорали мои орлы. — Минут через пятнадцать будем кашу есть! — понеслись со всех сторон оптимистические прогнозы.

«Абонент находится вне зоны досягаемости! — прошибла новость из трубки. — Абонент временно недоступен!» — подло, с какой-то нехристианской иронией добивал нас оператор мобильной связи.

— Приехали! — подвел итог Джакс. — Подохнем мы здесь от голода и холодрыги!

— А вот и кладбище! — каким-то замедляющимся голосом при очередном блеске молнии поробормотал Фил.

В этот момент все мы заметили в паре десятков метров от нас старые могилки. Прямо перед нами стоял разрушенный храм, в сочетании с кладбищем и учащающимися молниями придававший всему происходящему непередаваемый словами колорит.

— Ну ладно, вы тут оставайтесь, пробуйте, может, откликнутся ваши, телефон потом занесете! — пожелав нам удачи, наша спасительница направилась к селу, утешив нас последок: — Только вряд ли вы куда щас дозвонитесь. Да и батарея через десять минут, наверно, выдохнется.

— Тетя, а сколько время? — поинтересовался на наши головы Маугли.

— Без пяти двенадцать! — удаляясь, порадовала владельца телефона.

— Без пяти двенадцать? — оглядываясь по сторонам и плотнее сбиваясь в кучу, стали перешептываться мои отважные туристы-спецназовцы. — Вот именно, без пяти двенадцать, — четко произнес Сега.

— Пастор, а зомби — это выдумка или, правда, бывают? — после ослепительно яркой вспышки молнии озадачил меня богословским вопросом Чека.

— Чушь это все! — уверенно начал я лекцию на тему народных суеверий. — Глупость! Давай, жми на кнопки мобилки! Пробуй еще разок!

— Пастор, а вампиры? — не унимался пацан, поглядывая то в сторону кладбища, то в сторону разрушенного старого храма.

— И вампиры чушь! — продолжал я, пытаюсь придать своему голосу особую твердость. Однако, моя лекция на фоне всего происходившего, явно не очень убедила командира младшего отряда.

— Ща кстати будет двенадцать! — прервал Джакс мои рассуждения о народных вымыслах-страшилках.

— Хорош, пацаны, пожалуйста, хорош, — взмолился кто-то, — волосы дыбом встают. — Пастор, а как ты?

— В порядке! — на всякий случай приглаживая прическу, ответил я.

За сотни километров от дома, в деревне без единого фонаря, у разрушенного храма, в нескольких шагах от кладбища, при мерцании молний, в сырых плавках, в двенадцать ночи — гамма чувств, пережитых нами в те часы, была весьма колоритной. Даже спустя несколько месяцев, по словам пилигримов, побывавших в том походе, сосало под ложечкой при воспоминании о произошедшем.

Нашли нас только утром. Гостеприимная женщина, подержав флотилию, определила ребят на сеновал. Мне, как охраннику нашего водного транспорта, пришлось ночевать в резиновой лодке, укрывшись байдаркой. В общем, ночь выдалась знатная. Но наше приключение только начиналось. Впереди был рывок на Карпаты с не менее впечатляющими ночевками, 70-ти километровым сплавом по настоящей горной реке и массой экстремальных ситуаций.

**«Обрыдло»
до КИЕВА
ДОВЕДЕТ.
ПИКЕТЫ
ПОД**

**ОКНАМИ ПРЕЗИДЕНТА И
ВЗОРВАННЫЕ МАШИНЫ**

*Глотку, я буду рвать, глотку!
Про безумные дали, где мы не бывали...*

Юрий Шевчук

Противостояние наркодельцам на городском и донбасском уровне возрастало с каждым месяцем с момента начала акции «ОБРЫДЛО». Добившись первых успехов, обратив внимание общественности, властей и журналистов на шокирующий беспредел, творящийся в этой сфере, мы немного успокоились. Обещания министров о решении этого вопроса в ближайшее время, прозвучавшие в присутствии Президента Украины, померещились нам финишной чертой в поставленной задаче. Однако никто из нас не был готов к тому, что после всех заявлений

на высшем национальном уровне, произошло в Донецке. Это был шок!

— Пастор, вы сидите в данный момент? — намекая на серьезность грядущей новости, поинтересовался администратор группы христиан, активно подхвативших акцию «ОБРЫДЛО» в Донецке.

— Присаживаюсь, говори, терпеть не могу долгого вступления к плохим новостям, — попросил я. — Что там у вас?

— Вчера в центре Донецка возобновили работу «трампадные» аптеки! — ошарашил голос из трубы.

— Не может быть! — ахнул я. — После министерских обещаний? После заявления об уголовной ответственности за такие нарушения? Вы уверены?

— Только что вернулся наш человек. Торговля кипит, как с цепи сорвались, изголодались за время простоя. Надо убытки наверстывать. Молодежь толпами ломится в центр города. Все опять в открытую, просто глазам не верится!

Приходя в себя, осмысливая эту новость, я понимал, что разговоры о способности наркодельцов лоббировать свои интересы на самом высшем законодательном уровне начали осуществляться на практике.

— Без сигнала сверху, о том, что вопрос замнут, местные барыги не рыпнулись бы, — подтвердил мои опасения Родион, — значит, кто-то из высокопоставленных лиц, по-видимому, за немалую мзду, все министерские бумаги притормозил.

Честно говоря, о суммах, которые проходят через руки наркомафии, мы поначалу имели смутное представление. Однако приезд одного из самых известных журналистов Украины с телеканала «Интер» Андрея Цаплиенко и проведенное им журналистское расследование для авторской программы «Спецкорр» ошарашило нас цифрами.

— По самым скромным подсчетам только в Донецкой области «трампадная» наркодилерская сеть имеет до пяти

«Обрыдло» до Киева доведет

миллионов долларов в месяц! — заявил в своей передаче Андрей. — Этим людям есть, за что цепляться. Слишком велика цена вопроса, — говорил он нам, снимая в «Пилигриме» специальную программу об акции «Обрыдло».

— Пастор, в понедельник день Святого Николая! Премьер-министр призвал бизнесменов всей страны сделать подарки детям, — говорил Сега. — Вот бы отыскать нам в подарок завалявшийся где-то наверху указ о введении уголовной ответственности за продажу трамадола и все-таки его подписать!

— Давайте рванем прямо в Киев! Прямо под окна Президента! Может, нас отсюда дядям министрам не слышно! — высказал идею кто-то из пацанов.

Проведя экстренное совещание «Республики» и получив от наших друзей-пасторов из Славянска Сергея Демидовича и Петра Дудника поддержку в виде оплаченного ими автобуса до Киева, мы принялись готовить транспаранты. Уже в понедельник «Республика Пилигрим» десантировалась прямо под Кабинет министров Украины и провела крупный митинг под окнами руководства страны.

— Да, пожалуй, в истории Украины за тысячу лет такого не бывало, чтобы детский дом Кабмин пикетировал! — восхищался Джакс, присоединившийся к нам уже по пути в Киев. Побывав в гостях у матери-инвалида и узнав о наших планах, он подсел по дороге в нашу автоколонну из двух больших автобусов и нескольких легковых машин.

— Выносите гробы! Разбейте транспаранты! — командовал Спартак, раздавая пилигримам и выпускникам реабилитационного центра изготовленные прямо перед отъездом щиты с надписями: «Наркоторговцев к ответу!», «Дяди министры, остановите убийц!», «Наркогеноциду — нет!» — гласили иногда с ошибками написанные строки на растяжках.

— «Нам не надо шоколада, нам не нужно леденцов, призовите Вы к ответу всех убийц и подлецов!» — скандировали

наспех сочиненные стихи наши доморощенные поэты, намекая на специфическую просьбу в день Святого Николая.

К нашей радости под окна Кабинета министров вышло несколько сотен киевлян из местных церквей, которые узнали о теме спонтанной и совершенно не запланированной акции. Матери из Комитета по борьбе с наркоторговлей, прозвонив друг друга, за сутки распространили информацию среди знакомых о нашем приезде, и, несмотря на разгар рабочего дня, многие из них присоединились к митингующим пилигримам. Из Донецка также прибыло несколько машин с активистами акции «ОБРЫДЛО», составив нам столь необходимую компанию. Пастор из Славянска Петр Дудник и ряд служителей из Киева: Валерий Тимошук, Виктор Ларионов присоединились к митингу и шествию. Пастор киевской церкви «Новая Жизнь» Анатолий Калюжный успел объявить в своей общине о том, что в понедельник детский дом собирается пикетировать институты власти. Сотрудники столичного детского центра «Отчий Дом», узнав о нашем приезде в Киев, позаботились о горячем чае и прекрасном обеде, а также поддержали нас во время пикета. Около тысячи людей без всякой подготовки собрались под стенами Кабмина, требуя экстренных мер по прекращению открытого убийства молодежи обнаглевшими наркодилерами. Приятным фактом стало участие в пикете и одного из видных бизнесменов и политиков Мариуполя Олега Толстенко, оказавшегося в этот день в столице и поддерживающего требования акции о необходимости немедленного решения вопроса.

— Ваши требования будут переданы руководству страны, — уверяли очень радушно встретившие нас представители Кабмина. — Мы обязательно примем все необходимые меры. Сегодня премьер-министр в России, а сразу по возвращении ему будет доложено о всех ваших пожеланиях.

«Обрыдло» до Киева доведет

Проведя почти двухчасовой митинг под окнами министров, мы все направились на знаменитую Банковую улицу, к администрации гаранта Конституции. Там нас также очень хорошо приняли, а после второй части митинга организовали встречу с руководителем приемной Президента.

— Честно говоря, даже не верится, что все так открыто работает, — удивлялся этот чиновник достаточно высокого ранга, — просто ужас какой-то. Я в ближайшие дни займусь подготовкой проекта решения Президента по этому вопросу! — пообещал он.

Двухчасовая беседа в приемной Президента и встреча с руководством милиции стали итогом нашего визита в Киев. На этих переговорах нами была передана конкретная информация и совместно с чиновниками высшего уровня намечены шаги по решению данной проблемы. Приятно было видеть искреннюю благодарность этих людей в больших креслах за то, что нам не все равно.

— Немногие сегодня готовы даже анонимно возмущаться против наркоторговцев, — сетовал один из руководителей УБНОНа страны. — Спасибо вам за то, что не молчите! Будем с вами держать прямой контакт и непременно всем миром додавим эту компанию, и закон додавим! — пообещал он.

«Рывок на Киев», по мнению пилигримов, удался. Но намного важнее оказалось то, что в течение следующей недели некоторым министрам пришлось объяснять в СМИ свою позицию по данному вопросу. Политики областного уровня, понимающие цену вопроса и осознающие масштаб трагедии в регионе, также отдали свои голоса в поддержку «ОБРЫДЛО». Уже через три дня после нашего визита в Киев руководитель одной из партий Донецка объявил о пресс-конференции по данному вопросу, где пообещал назвать поименно всех деятелей, причастных и непосредственно «крышующих» открытую наркоторговлю в регионе.

Непедагогическая поэма

Цена вопроса, поднятого нами в акции «ОБРЫДЛО», стала нам еще более понятной, когда утром в назначенный день была взорвана машина этого молодого политика. К счастью, обошлось без жертв — бомба сработала не полностью. Общение с журналистами, несмотря на столь очевидный намек, все же состоялось, и был предпринят еще один шаг в нашем противостоянии тем, кто стоит за смертями тысяч пацанов и девчонок. Так что наши надорванные голосовые связки и ночи, проведенные в пути, не были напрасной тратой времени и сил.

Церковь в проблеме или разорван- ная цепь

Если человек хочет устоять на ногах, он должен постоянно двигаться вперед, балансируя, как акробат на канате.

Артур Шопенгауэр

Когда я начал писать эти пилигримовские заметки, то даже не подозревал, как сложно будет остановиться. Жизнь нашего «Государства бывших беспризорных» кипит и бежит с не менее впечатляющей скоростью, чем упомянутые выше горные реки. В ежедневном режиме происходят достойные внимания, как минимум, отдельных глав события. Растут и крепчают пацаны.

Конечно же, не так просто складываются судьбы многих, и, безусловно, не с каждым подростком наша работа заканчивается успешно. Однако многие пилигримы, некогда взятые с улицы, оканчивают нашу школу, поступают в

училища и уже создают первые семьи. Недавно в течение двух недель выпускницы «Республики», как будто сговорившись, сделали меня и всех воспитателей, соответственно, дедушками и бабушками. Таха и Алка, на радость всем нам, родили сыновей.

Данное событие стало импульсом к встречным перспективным планам по поводу того, кто сколько внуков выдаст на гора в подарок педколлективу. Особенное рвение в составлении обязательств, естественно, проявили наши парни. Их демографические обеты звучат крайне оптимистично и, похоже, способны вывести страну из демографического кризиса.

Об эффективности работы «Пилигрима» с беспризорниками ярче всего говорит простое сравнение ситуации на городских улицах. Несколько лет назад, когда люди из «Церкви Добрых Перемен» только начинали кормить детей на улицах города, десятки ребят годами проживали на территориях, прилегающих к шумным мариупольским перекресткам. В те годы за полчаса, без особого труда, сотрудники центра собирали пару десятков детей, обколотых наркотиками и нанюхавшихся клея. Сегодня в результате ежедневной работы на протяжении этих лет становится привычной норма, когда наш трехчасовой рейд по притонам, подвалам и канализационным системам дает результат в два-три найденных ребенка. Все чаще сотрудники «Пилигрима» вообще возвращаются из ночного «круиза» с пустыми руками.

Круглосуточная и многолетняя работа коллектива церкви и благотворительного фонда в корне изменила ситуацию в Мариуполе. Очень важен тот факт, что нам удалось разорвать порочную цепочку, когда профессионалы, многие годы проживавшие на улице, быстро и глубоко втягивали в систему только появившихся у них пацанов. Остановив этот конвейер, мы значительно уменьшили количество детей,

быстро и решительно скалывающихся под вдохновением старших беспризорников.

Сегодня ребенок, оказавшийся на улице, в течение короткого времени попадает к нам и тотчас возвращается в интернат или семью. Та детвора, которая «зависает» между далеко несовершенными правовыми полями, быстро приживается, а мы ищем варианты их дальнейшего определения под опеку или в семейные детские дома.

Один из чиновников сказал о том, что, благодаря работе «Пилигрима», нам удалось заткнуть бюрократические провалы в системе, из-за которых за прошедшие десятилетия погибло огромное количество беспризорников.

Очередной визит мэра Мариуполя в «Пилигрим» порадовал откровенными комплиментами от городского руководства.

— В том, что в нашем городе радикально изменилась ситуация с беспризорностью, — сказал Юрий Юрьевич собравшимся сотрудникам, — огромная заслуга именно вашего коллектива. — Когда-нибудь о том, что вы сделали за последние годы, еще напишут в книгах, — ободрил нас мэр. — Большое вам человеческое спасибо за ваш труд!

Один из девизов нашей христианской общины — «быть в проблеме». Именно так мы ощущаем свое христианское призвание. Церковь должна не просто находиться на обочине социальных процессов, а решительно направляться в самый эпицентр общественных потрясений. Входя в центр той или иной беды, осматриваясь вокруг и закатывая рукава, мы должны браться за непопулярную, непростую, а порой и рискованную работу. «Быть в проблеме» — нелегкое и не всегда благодарное дело в глазах людей. Однако именно так мы ощущаем свой долг в служении Богу и людям. Именно так старается жить команда, руками и сердцами которой на земле и на небесах продолжает писаться «Непедагогическая поэма»!

Непедагогическая поэма

«Но боящиеся Бога говорят друг другу: “внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его”» (Малахии 3:16).

Наши молитвы о всех тех людях, делами которых вписаны и вписываются в эту живую книгу добрые страницы.

ПИКЕТЫ, УГРОЗЫ, АРЕСТЫ

*Единственное, что требуется для триумфа зла,
это то, чтобы хорошие люди ничего не делали.*

Эдмунд Берг

Вряд ли мы представляли, начиная акцию «Обрыдло», что нам придется на достаточно долгое время вступить в острое противостояние с системой наркоторговцев, заполонивших всю страну. Проведя первый в истории Украины пикет детского дома под кабинетами высокопоставленных лиц страны, мы не предполагали, что понадобится несколько лет жесткого противостояния структурам, сросшимся с наркодилерами на высочайшем депутатском, министерском уровне. Однако результаты этого протеста, зародившегося в «Государстве бывших беспризорников», сегодня очевидны уже в национальном масштабе.

Непедагогическая поэма

Во многих городах, подхваченное местными церквями слово «Обрыдло» понеслось в виде акций, митингов и шествий. Целый ряд пасторов самых разных церквей активно включились в проблему и в сотрудничестве с различными силовыми структурами начали проводить контрольные закупки и аресты.

Однажды, в поминальные дни после Пасхи, мы приняли нестандартное решение и прямо после воскресной службы отправились под окна к нашим местным наркобаронам. Зрелище, надо признаться, удалось на славу! Около 1000 человек с флагами, транспарантами, с гробами и фотографиями убитых наркоторговцами ребят в сопровождении колонны автомашин. Мягко говоря, не часто такое увидишь в Мариуполе. В первых рядах вместе со взрослыми, скандируя в мегафоны: «О-БРЫ-ДЛО, НАРКО-МАФИЮ ПОД-СУД!» — пилигримы прошли по центральным проспектам города. Прямо на ступеньках тех домов, где много лет действовали точки наркоторговцев, мы провели наши поминальные митинги. При поддержке всех телеканалов и прессы Мариуполя событие имело большой резонанс и дало очередной импульс властям страны для осознания серьезности ситуации.

Интересное событие произошло после того, как наше нестандартное поминальное воскресенье закончилось. Люди потихонечку разошлись, а машину, в которой я уезжал с места акции, подрезала «крутая» иномарка. Из нее вышли все те же лица — «звезды» мариупольской наркоторговли Тома и Абрамиха решили выразить мне свои эмоции по поводу шокирующего визита под их окна. Признаюсь, что даже меня, выдавшего виды, удивил цинизм, с которым эти дамочки говорили мне о своем прикрытии милицией. Несмотря на предельно резкий тон беседы, проходившей прямо посередине улицы возле наших пересекшихся машин, веселило то, что женщины начали что-то говорить о своей религиозности!!! Неожиданно проснувшаяся «православность»

Пикеты, угрозы, аресты

наркодилеров меня сильно позабавила, особенно с учетом того, что они тут же перешли к откровенным угрозам, несколько раз повторив мне напоследок: «Ты — покойник!»

Печально, когда барыги действуют в открытую, но когда торговцы смертью, ни сколько не смущаясь, говорят о своих покровителях в милиции и о своей «набожности», угрожая священнику, регулярно хоронящему убитых ими детей, — это уже абсурд и в тоже время трагедия. Говорят, что в былые годы даже у самых отпетых уголовников существовало правило не трогать «учителей», «врачей» и «священников». Что ж, судя по всему, мир совсем перевернулся.

Получив очередную порцию угроз в тот день, я по настоящему радовался, наблюдая, как бесятся в прямом и переносном смысле торгаши смертью. Предприняв определенные меры безопасности для себя и семьи, я, как холерик, получил в тот день еще один мощный мотивационный повод для продолжения наших действий в этом направлении, и вместе с сотрудниками церкви, а также «Пилигрима» мы стали обдумывать наши дальнейшие действия.

Серьезный шум с призывом «ОБРЫДЛО» нам удалось организовать в прессе. При поддержке местных и региональных журналистов «Пилигрим» продолжал наращивать напряжение вокруг проблемы наркоторговли. Стоит в очередной раз отдать должное корреспондентам, которые вместе с нами приходили прямо под двери торгашей. Ребята снимали закупки, и даже бывали случаи, когда на съемочные группы набрасывались наркоторговцы с угрозами и ломали аппаратуру. Дело доходило до вызова оперативников с автоматами наперевес. Хочется поблагодарить тех, чьи статьи в местной и в общенациональной прессе стали ступеньками, по которым мы все ближе продвигались к цели коренного изменения ситуации в сфере оборзевшей и практически легализованной наркоторговли. Приезды

журналистов национальных телеканалов, их многочисленные сюжеты пробивали бюрократические преграды и все громче требовали добрых перемен.

Особенно запомнился визит в «Пилигрим» одного из наиболее ярких тележурналистов Украины Андрея Цаплиенко с его авторской программой «Спецкорр». В течение двух дней этот парень поднял на уши всю бюрократическую систему и сделал одну из самых громких передач на тему «трамадольного» геноцида на всеукраинском телеканале «Интер». Запомнился забавный и весьма показательный эпизод, когда после всего лишь одного звонка в ОБНОН (отдел борьбы с незаконным оборотом наркотиков), где мы попросили встречи Андрея с руководством милиции, произошло нечто впечатляющее. В течение трех суток в Мариуполе не отвечал ни один из известных нам телефонов наркоторговцев. Все залегли. Все замерло. Эта история еще раз продемонстрировала нам, насколько коррумпированы структуры, по самому своему определению призванные бороться с наркоторговлей.

Однако вскоре после этого пошатнулась и вся система многолетнего «крышевания» наших барыг. Не скрою, приятными новостями оказались аресты видных офицеров мариупольского ОБНОНа. Эти задержания, проведенные отделом внутренней безопасности МВД, последовали вскоре после наших многочисленных заявлений об очевидности покровительства наркоторговцам со стороны людей в погонах. Прямо у дверей притонов, что называется с поличным, брали тех, кто должен был бороться с наркобарыгами. Однако после этих арестов началась комедия под названием «судебные тяжбы», наблюдая которые, ни у кого из нас не было сомнений в том, что наша фемида весьма сребролюбивая дама. Вопрос заключался только в том, о каких суммах идет речь. Информация по этому поводу, которая просачивалась к нам из разных источников, очень впечатляла.

Пикеты, угрозы, аресты

Спустя год после того, как многочисленные пресс-конференции были проведены нами и нашими партнерами по акции, мы, наконец-то, добились изменения законодательства в стране, что предоставило зеленый коридор сотрудникам милиции и прокуратуры для изменения ситуации. Только за несколько последних месяцев 2007 года в Донецкой области было проведено более 50-ти арестов торговцев трамადолом. А недавно мы не без удовольствия решали, кто будет присутствовать в качестве понятых при аресте той самой пресловутой Тома!

Даже сегодня, спустя несколько лет, мы еще далеки от финишной черты в акции «ОБРЫДЛО», наверное, все же приговоренной стать бессрочной, поскольку жизнь подбрасывает нам серьезные поводы для социально-духовного противостояния. Однако первые промежуточные результаты радуют. Кто-то из наркоторговцев принял мудрое решение завязывать. Некоторые вынуждены уходить в глубокое подполье. Есть те, которые начали сдавать с потрохами своих покровителей в погонах и давать на них показания.

«Вы еще торгуете наркотиками? Тогда мы идем к вам!» — перефразировав известную рекламу, заявил «Пилигрим» в лице сотрудников и воспитанников. Работы еще много, но мы не унываем, веря, что «самая великая привилегия человека, данная ему Творцом, — привилегия быть причиной добрых перемен. Мы пообещали с пацанами и церковью, что будем портить наркодилерам нервы, «доколе мы есьм». Обещания в «Пилигриме» — дело святое, так что пацаны настроены сражаться до победного конца.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

*Наше старшее поколение в это время уже подходило к раб-
факу и к комсомолу, уже начинало понимать вкус в утонченной
вежливости и в интересной беседе.*

Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

В кипящем котле первых пилигримовских лет мы не очень часто обращали внимание на то, как быстро растут наши воспитанники. И вот однажды со всей ошарашивающей очевидностью перед нами произошла смена поколений в «Республике». Те, кто в 12-14 лет были подобраны нами на улицах, как всегда, неожиданно стали оперяться и поначалу по одному, а потом целыми стайками покидать стены «Пилигрима». Как водится в таких случаях, удивили первые быстрые браки и, конечно, отдельно порадовали первые внуки. Опередив всех, под венец ушла Алка, выйдя за хорошего парня из церкви. Уже через год мы получили внука — первого пилигримовского внука.

Потом, как прорвало: один за другим ребята стали создавать семьи и начали самостоятельную жизнь. Марио уехал учиться, хорошо, что недалеко, поэтому не выпал из обоймы. По выходным, бывая в Мариуполе, он активно включился в служение и стал настоящим профессионалом, занявшись музыкальным творчеством. Закончив обучение, парень вернулся в город и почти сразу же возглавил в церкви музыкальное служение. Сегодня он готовит к записи свой первый авторский альбом с потрясающими христианскими песнями и начинает свой музыкальный тур по другим церквям. Недавно мы отсняли его первый видеоклип. Без сомнения талант нашего первого президента еще не раз даст повод восхититься добрыми переменами в его судьбе. Маугли спустя пять лет нашел свою семью и вернулся к родным. Возмужали и потихонечку ушли на свои хлеба Спартак и Киндер. Закончив пилигримовскую школу, поступили в училища и разбрелись по общежитиям и квартирам Шустрик, Сега, Миха и Джакс. В самостоятельное плавание по жизни отправилась Барби. Женился Плюс. Уехал к родственникам Баз. Создали семьи Таха и Тихоня.

Конечно, не всегда и не у всех складывалось благополучно. Кит и Тоха попали в тюрьму после того, как влезли в отвратительную историю. Но, выйдя на свободу, они не ушли из церкви, а это дает хорошие шансы на то, что все в их жизни наладится. Комару одного визита в зону не хватило для просветления мозгов, и, выйдя, он вскоре вернулся за решетку. Однако, голова, вроде, начинает работать. Надеюсь, то, что он сегодня говорит, когда звонит из лагеря, — правда, а значит, есть свет в конце тоннеля. После нескольких кругов «блудного сына» всплыл Фил. Сегодня он — при церкви и, вроде, жизнь повернулась в лучшую сторону. Женился и трудится в церкви Млин. Хоть и кругами, но все же недалеко от церкви ходят по жизни Миха, Чека, Дуче, Бумер и Фан.

Совсем недавно у меня устроили весьма спонтанную вечеринку выпускники самого первого нашего пилигримовского поколения.

— Ого, компания собралась! — входя в переполненный дом, воскликнул Джакс.

— Так нам и двух ведер пельменей не хватит! — как всегда возмущался возмужавший и отпросившийся с работы Спартак. — Я этот народ хорошо помню! Пастор, надо еще в магазин кого-то заслать.

— А тебе хоть сколько заряди, все, как в прорву, — хохотала Тихоня, не выпуская из рук детвору своих подружек, — ты у нас так и остался по жизни недоедающим!

— Я работаю хорошо, потому и ем большими объемами! — с умудренным видом заявил Спартак, — не то что вы, ледацюги!

— Сега, врубай, наконец, что ты там все копаешься? — подгонял Фил подключающего компьютер приятеля, — по-прежнему притормаживаешь, дружище! Не томи!

— Ты жуй пельмени, это единственное, в чем ты толк понимаешь, — парировал Сега, копаясь в каких-то проводках и что-то к чему-то прикручивая. — Готово! Внимание! «Вечер воспоминаний» объявляется открытым!

Под шум и хохот в моем забитом до отказа доме мы ли- стали сотни старых пилигримовских снимков, то взрываясь хохотом, то грустно улыбаясь. Вспоминали пробегающую перед нами жизнь первых лет нашей «Республики». На большом экране, специально повешенном нами, через проектор мы вновь лезли по крымским ущельям, заново преодолевали пороги на Северском Донце и карпатском Белом Черемоше. В этих кадрах, мелькавших на простыне, вывешенной на моем шкафу, сменялись лица, улыбки, мячи, рюкзаки и походные миски в руках у изголодавшихся туристов. Открывая одну за другой старые папки и листая файлы, мы вновь познавали боль потерь и опять радовались

уже подзабытым победам. Смех и печаль, восторг и горечь наполняли нас в тот вечер, казалось, все будто повторяется снова.

Я сидел в стороне. К горлу подступил ком. Стараясь не выдавать своих эмоций, я постепенно начал смотреть не на экран, а на лица пацанов и девчонок, наполнивших мой дом. Память, как самый лучший фотограф, вдруг приоткрыла свои архивы. Переводя взгляд с одного молодого человека на другого, уже почти мужчину, я вдруг испытал один из тех моментов редкостного счастья, ради которых, вне всякого сомнения, стоит жить. Казалось, навсегда забытые эпизоды стали всплывать в моем сознании о каждом из тех, кто, не замечая моего взгляда, был увлечен нашим слайд-шоу. Вспоминались подвалы, из которых мы многих из них вытаскивали, всплывали в подсознании чумазные мордашки, какими они были при первом знакомстве на улице, откуда-то в памяти прозвучали первые слова, сказанные им много лет назад: «Ну, привет, чудо в перьях!» Улыбка и ответ: «Я не в перьях!» Вдруг перед моим взором предстал Хома, весь в слезах, с диким криком под моим домом:

— Пастор! Пастор! — кричал он, держа на руках Боровика, своего старшего брата, умирающего от передозировки наркотиком. — Пастор! Без тебя в больнице будут муру водить! Помоги! Может, еще успеем.

Смотря на то, как они сидят рядом и любуются мелькающими фотографиями, на глазах выступили слезы. Смахнув их и переведя взгляд на Катюху, которую друзья под руки привели ко мне в тот вечер, вдруг вспомнил один из эпизодов, пожалуй, пятилетней давности:

— Катя! — резко ударив по тормозам на центральном проспекте, крикнул. — Стой! — выскакивая из машины, побежал я за ней. Девчонка, еле живая от наркотиков, заметив меня, в пасторской рясе выскакивающего из авто, начала убежать. В тот момент я ехал в официальном виде на

какую-то важную встречу в горисполком и был, что называется, «при пасторском параде».

— Стой! — рванул я за ней. Но, резко остановившись, понял, что не догоню ее, если не сниму свою мантию. — Стой, Катя! Я же не отстану!

Сбросив рясу через голову и кинув ее в машину, я бросился вдогонку и, проявив свои спринтерские навыки, не раз выручавшие меня за эти годы в рейдах, уже через пятьдесят метров схватил девчонку за руку.

— Нет! Нет! — орала она на весь проспект, обеспечив мне немалую зрительскую аудиторию, замершую в недоумении от происходящего.

— Спокойно, товарищи! Спокойно! — мгновенно оценив степень Катюхиной невменяемости, одним движением подсев под нее и взвалив девчонку на плечи, успокаивал я народ. — Все в порядке! Доброго вам дня! «Республика «Пилигрим»! Все хорошо!

— Нет! — орала моя пленница и лупить меня руками и ногами. — От-пу-сти! Не хочу! — продолжала надрываться девчонка.

— Все хорошо! — улыбаясь под извивающейся поклажей, повторял я, впихивая Катю в машину и захлопывая дверь. — «Пилигрим»! Всем спасибо! Концерт окончен! — вытирая пот, выступивший не столько от бега и от своей нестандартной ноши, сколько от остроты и традиционного разнообразия зрительских реакций.

Сев за руль и резко рванув с места, я вдруг обратил внимание на пару троллейбусов, переполненных людьми, которым я, как оказалось, на несколько минут перекрыл путь своим автомобилем. Время дня было достаточно жаркое, а народу в них набилось много. Таким образом, количество зрителей этого спонтанного «шоу» оказалось весьма впечатляющим.

— Да, Катюша! Цирк ты устроила еще тот! — заметил я, размышляя о том, что в головах у людей, видящих, как

батюшка, бросающий посередине дороги авто, снимает через голову рясу и, догоняя пятнадцатилетнюю девочку, запикивает в машину, несмотря на ее отчаянное сопротивление. — Да уж, Катюша! — подытожил я свои веселые «думы».

Катя сидела в моем доме в тот вечер и, наверное, ярче всех реагировала вспышками веселья на лице. Однако ее комментарии, в отличие от остальных, были без слов. Речь этой уже двадцатилетней девушки до сих пор так и не восстановилась после употребления наркотиков. Сегодня она инвалид и практически не может разговаривать. Наши сотрудники оформили ей инвалидность и помогли наладить вопрос с пенсией.

Плюс хохотал, как ребенок, видя себя на старых снимках, и мой взгляд остановился на нем. Резало глаз, что он, похоронивший вместе с пилигримами брата в 14 лет, который умер от наркотиков, пожалуй, уже совсем мужичок.

— Бригадиром работаю! — похвастался парень в тот день при встрече. — Тяжело это, пастор, народом командовать! — с деловым видом зажав под мышкой солидную барсетку, делился он. — К тому же, в семье хлопот немало!

Смотря на эту гогочущую и сильно повзрослевшую толпу, любуясь малышами на коленях у некоторых из них, я совсем расчувствовался. Предательский комок в горле не сдавал своих позиций. «Приступ счастья» — пожалуй, именно так лучше всего описать мои переживания в тот вечер. Прав был Паскаль — действительно, «самая большая привилегия, данная Творцом своему созданию, — это привилегия быть причиной».

Дуче, Азиат и потеряв- шийся Бублик

Приход новых колонистов сильно расшатал наш некрепкий коллектив, и мы снова приблизились к «малине».
Антон Макаренко «Педагогическая поэма»

Так один за другим оставляя стены «Пилигрима», старшее поколение начало уступать позиции новым лидерам. Всем хорошо известна истина о святом месте, которое не бывает пусто, однако, в нашем случае лидерские места не просто занимал кто-нибудь, на них восходили по-настоящему яркие «звезды» «Республики». Среди второго и третьего поколения пилигримов количество «шедевров» просто шокировало. Персонажи, во всей красе проявившиеся за последние пару лет, — это просто какая-то специальная подборка талантов. Порой возникает

ощущение, что путевку в «Пилигрим» выписывают после кастинга, как минимум, национального масштаба. Когда смотришь на нынешнее население «Республики», создается впечатление, что это — элита, прошедшая многочисленные отборы на своеобразной «фабрике звезд».

Дуче был прирожденным лидером, но в первые годы его потенциал работал в серьезный минус. Многократно сбега из «Пилигрима», он постоянно уводил за собой пацанов. Однако в последнее время что-то щелкнуло в достаточно озлобленном на этот мир сердечке, и, наконец-то, включился некий добрый свет. Вместе со своим младшим братом Бубликом и старшим Ромкой они прибыли к нам откуда-то из-под Севастополя. Их мать пропала, когда пацаны были еще совсем маленькие. Отец сильно пил, поэтому дети были практически предоставлены сами себе. Хорошо, что их родственник позаботился и забрал пацанов из Крыма, а затем привез к нам в Мариуполь. Старший пробыл у нас недолго, окончил школу, женился, устроился на работу, купил собственный домик и отправился в самостоятельную жизнь. А Бублик с Дуче прижились и стали одними из очень ярких персонажей в нашем центре, правда, каждый в своем жанре.

— Чьи проказы? — спрашивала наша воспитательница Виктория, указывая на лица, измазанные зубной пастой, и держа в руках одеяла в таком же состоянии.

— По стилю, сдается мне, что это Дуче с компанией шалил, — со знанием дела оценив ситуацию, заметил пронывательный Александр Матюшин. Руководя реабилитационной работой для взрослых и расположив свой офис в помещении «Республики», он со своей командой частенько, по просьбам воспитателей, был экспертом в достаточно сложных ситуациях. — Его почерк! — попивая чаек, тоном знатока подтвердил Александр.

— Чуть что, сразу Дуче! — горячился наш герой, но во взгляде что-то выдавало правоту старшего служителя наших

реабцентров. — И вообще, не пойман — не вор! — настаивал пацан.

— Вот скажи, Дуче, правду! — заискивающе добрым тоном настаивал воспитатель Станислав Александрович.

— Ну ведь ты же... ну не обошлось без тебя! Ну не могло же без тебя подобное случиться!

— А вы докажите сперва! — продолжал упорствовать Дуче. — Может, это Азиат! Он только выглядит тихоней, а как только воспитатели отвернутся, такое вытворяет! — продолжал развлекаться подозреваемый.

— Да, есть грех! Лицеприятен я и, как там, в Писании: «Чего не хочу, то все равно делаю!» — блеснул богословскими знаниями Азиат.

— Короче, так, — подвела итог Татьяна Николаевна, много лет работающая волонтером в пилигримовской команде, — поскольку виновные не колются, отвечать будут все. Объявляется генеральная уборка в «Пилигриме»! До вечера будем заниматься порядком, поэтому все мероприятия отменяются, включая запланированный футбол! — надавила она на самое больное.

— Да ладно, — сделал шаг вперед Дуче, — ну, я это, сам постираю. Уже и пошутить ни с кем нельзя.

— Шутка, юноша, это когда на природе у костра на нос пару капель, а не когда два тюбика на голову в постель, — резонно заметил Александр Владимирович. — Я бы тебя за такие шутки на камбуз на недельку картошку чистить отправил.

Шутки Дуче, действительно, всегда были, мягко говоря, своеобразными. Будучи лидером, он постоянно втягивал пацанов в какие-нибудь экстравагантные приключения и в основной своей массе пацаны шли за ним, как овцы за хорошим пастырем, на любое затеянное им дельце. А в первые годы дела были более серьезные. Уводя пацанов на улицу, Дуче занимался привычным для себя делом. Немало машин

осталось без магнитофонов в те времена. Многие пьяные мужички в Мариуполе, трезвея утром, не находили своих мобилок, кошельков и часов после рейда Дуче и компании. Причем все эти приключения носили некий иронический характер. В исполнении Дуче это всегда преподносилось, как шутки.

Бублик, наоборот, больше выступал в сольном жанре, поэтому практически ни один день не обходился без юморной истории с его участием.

— Здравие желаю, товарищ пастор! — приложив руку к сердцу, рапортовал он, по всем правилам исполняя обязанности дневального по «Пилигриму» и встречая меня на входе.

— Во время... — сбился он вдруг, оглядываясь лихорадочно по сторонам в надежде на то, что кто-нибудь напомнит уставную форму доклада. — В то время... — продолжал он соединять свои мысли в форму рапорта, — в то время, когда вы отсутствовали, то есть, потому, что вы, товарищ пастор, отсутствовали, происшествий не произошло!!! Дневальный по «Пилигриму» Бублик! — не понимая комичности сказанного, с очень серьезным видом отчеканил пацан.

— Сейчас произойдет!!! Ну, ты, Буля, нарвался на хорошую пасторскую лычку! — согнулся от смеха Азиат.

— Пастор, — приходя в себя от хохота, продолжал Азиат. — Если бы вы слышали, что он тут с самого утра выдает. Его же нельзя дневальным ставить. Он даже доклад запомнить просто не в состоянии. Полчаса назад Юрий Андреевич заходил. Знаете, что он ему сказал? «За ваше происшествие отсутствия не произошло!» — надрываясь от смеха, выдавил пацан. — Это цирк бесплатный, а не дневальный по «Пилигриму»!

Бублик, действительно, «зажигал» в «Республике». Истории с его участием стали практически ежедневными шоу, и редкая планерка сотрудников церкви не взрывалась

Непедагогическая поэма

хохотом из-за того, что очередное происшествие с его участием становилось известным общественности.

— Где Бублик? — мотаясь по «Пилигриму», разыскивали пацаны своего одноклассника. — Там у нас математика, Оксана Георгиевна его ищет, очень уж хочет видеть!

— Никто Бублика не видел? — вопрошала очередная голова, заглянув в офис. — Уже русский начался, Изудим Акимович его спрашивает.

— Елена Георгиевна просила узнать у вас, куда Бублик делся! — еще через полчаса передали воспитателям привет от учителя, теперь уже украинского языка.

— Может, во дворе? — предположила наша учительница по труду Тамара Ивановна. — На заднем дворе искали?

— Да искали! Уже везде искали! Третий урок идет, как он куда-то потерялся, — комментировала воспитатель Марина Евгеньевна. — Это не Бублик, а приключение сплошное!

По прошествии двух часов, идя из «Пилигрима», учитель Оксана Викторовна, заметив искомого воспитанника на баскетбольной площадке неподалеку от «Пилигрима», воскликнула:

— Ну, наконец-то! Там все с ног сбились, тебя уже три часа, как всей «Республикой» ищут! Весь центр оббегали, повсюду искали!

Застигнутый с баскетбольным мячом и вспотевший от баталий на спортплощадке, Бублик не сразу сориентировался, как себя вести, и не нашел ничего лучшего, как ответить вопросом на вопрос. Эта фраза впоследствии превратилась в одну из пилигримовских «цитат Бублика» и не раз звучала на наших вечерах воспоминаний.

— Ну и как, нашли?! — без тени иронии с неподдельным интересом ошарашил учителя Бублик.

Золотые медали. Крепыш, Биток и Кучер

*Бог не призывает квалифицированных,
Он квалифицирует призванных.
Христианская поговорка*

— **А**лександр, — протягивая мне руку, представился парень.

— Слушай, брат, если бы ты мог иногда заскакивать в «Пилигрим» и тренировать ребят, буду тебе весьма признателен, — предложил я одному из выпускников реабилитационного центра, который имел серьезные спортивные заслуги и был мастером спорта до того, как почти на десятилетие провалился в наркотики. — Смотри, если можешь, приходи, погоняй пацанов в спортзале.

Чепедагогическая поэма

— Ну, давайте знакомиться. Тебя как зовут, кучеряшкин? — приступил к собеседованию с будущими боксерами Александр.

— А так и зовут, Кучер! — рассмеялся Чека. — У него фамилия из-за того, что он кучерявый!

— А у тебя из-за того, что ты головастик! — не со злостью, но, достаточно твердо дав осадку приятелю, отреагировал претендент в секцию.

— Знакомьтесь, — положив руку на плечо подростка, представил его Саша, — это — мой сын, он будет тренироваться с нами, и вам у него уже есть чему поучиться, поскольку парень боец со стажем. Можете звать его Биток! Тренировки будут по четыре раза в неделю, но это только вначале. Потом, как раскочегаримся, перейдем на ежедневный график. Дисциплина железная. Послушание абсолютное. На этих условиях буду вас учить. Думаю, что толк из вас будет.

— А почему вы так уверены, что из Кучера толк будет? — дразнился Ара. — Он по жизни бестолковый!

— Отставить! — остановил ребят наш новый тренер. — А ну давай, говорливый, с Кучей в спарринг для начала и станешь. Посмотрим сейчас, кто из вас толковей!

Секция бокса за короткое время стала набирать авторитет в «Пилигриме» и достаточно быстро заставила меня пересмотреть свое весьма скептическое отношение к этому виду спорта. Ребята, которые начали посещать спортзал, очень быстро изменились. Уже через короткое время мы увидели достаточно серьезные перемены в наших традиционных бегунах.

* * *

Чемпионы бывали в «Пилигриме» и раньше. Еще в первые годы «Республики» нас порадовали успехи Джакса, Маугли, Тохи и Фила. На одном из городских футбольных чемпионатов, где за лидерство боролись 35000 школьников, в команде-победительнице оказались четверо наших

Золотые медали

ребят. Мэр Мариуполя вместе с директором комбината Ильича одевали нашим орлам медали под крики пилигримовского восторга. Всех просто распирало от гордости за пацанов.

Однако прошло время, и количество медалей, завоеванных нашими воспитанниками, стало расти на глазах. Сначала на городских, затем на областных турнирах наши боксеры под руководством тренерской команды клуба «Портовик» решительно выигрывали все, что им попадалось на пути.

— Ара, у нас проблемы, — произнес тренер после взвешивания нашему юному бойцу, — в твоей весовой категории пацан, который уже почти три года занимается. Он тебя, новичка, просто забудет. Будем сниматься с турнира, — грустил наставник.

— Еще чего! — взорвался мальчишка. Вы за кого меня держите? — все более разгорался он.

— Не кипятись! — пытался остудить пилигрима тренер. — Ты всего пару месяцев тренируешься, это твой первый бой, а он уже несколько лет на ринге. Тебе нельзя против него выходить!

— Я буду биться! — упрямой интонацией, не оставляющей сомнений в его намерениях, подвел итог пилигрим.

— Ну, смотри! — разозлился тренер, — раз хочешь — иди, но получишь здорово! Это не умно, но пусть станет тебе уроком! Иди, бейся, «герой»!

После нескольких первых секунд этого памятного боя мнение тренера о возможностях своего нового подопечного резко изменилось. Пацан с таким энтузиазмом рванул в центр ринга и так набросился на своего соперника, что ошарашил его своим напором и с лихвой перекрыл своим волевым натиском весь профессионализм соперника.

— Встреча остановлена из-за явного преимущества! — таковым было заключение рефери, поднявшего вверх руку Ары.

Разгоряченный поединком и явно восторженный своей столь неожиданной победой, мальчишка прямо на ринге повернулся к тренеру и, ткнув руки в пояс, произнес сквозь отдышку, но достаточно громко и внятно:

— Ну и что, ему помогли эти три года?

У матери Ары был сожитель, оба здорово пьянствовали. Пацан частенько убегал из дома. Когда его впервые задержали в рейде, он поведал воспитателям истории о том, как над ним издевались в семье, привязывали к дереву, держали в сарае. Наша попытка передать его с сестрой в детский интернат закончилась провалом. Сестра прижилась, а мальчишка быстро «сделал ноги». Многократно мы подбирали его в рейде, но вновь и вновь он возвращался на улицу. Вместе с беспризорной бригадой, возглавляемой Дуче, вместе с Павлином и другими беспризорниками Ара нюхал клей, попрошайничал, шкилял, бродяжничал и, естественно, воровал. Однако, в очередной раз попав в «Пилигрим», нашел общий язык с воспитателями и, в конце концов, прижился. Спустя некоторое время мы увидели в нем хорошие перемены. Похоже, из мальчишки будет толк. Через несколько лет мы похоронили его мать и забрали из приюта сестру. Теперь они живут в одной из семей наших сотрудников.

— Эй, Крепыш, активней, активней работай левой! Чего возишься, как сонный? А ну, поддай жару!!! — командовал тренер, проводя очередную разминку.

— Как котлеты лопать, так он у нас активный! — комментировал Чека, которому всегда было что добавить к сказанному по поводу его друзей.

— Да, с котлетами вы все мастаки! — согласился наш новый сотрудник Александр Борисович. — Давай, не ленись! — подбодрил он Крепыша, работающего с боксерской грушей. — Порезче, вот так! — со знанием дела добавил Александр полжизни из своих тридцати пяти просидевший в тюрьме.

В шестнадцать сев в тюрьму, этот парень вышел в тридцать пять, а после того, как мы присмотрелись к нему ближе, стал здорово помогать в «Пилигриме». Радикальная перемена в жизни парня, когда-то мечтавшего стать киллером, но пережившего покаяние в тюрьме, стала очень ярким примером для подражания нашими воспитанниками. Сам с детства побродив по улицам и сполна заплатив за это, он мог очень авторитетно поговорить с пацанами, для которых криминальный мир казался весьма привлекательным.

— Чека? А ты чего расслабился? Еще пятнадцать минут работаем! — поглядывая на часы, взбодрил тренер.

Чека и Крепыш сдружились уже после того, как появились в «Пилигриме». Мама первого умерла, брат, что называется, потерялся в жизни, подсев на наркотики и выпивку. Сначала Чека с сестрой, уйдя из дома, жили в Артемовске под мостом, а потом перебрались в Мариуполь, где куда существенней уличные доходы от попрошайничества и криминала. Здесь пацан начал воровать. Вместе с Юрчиком и Башкатым они стали грабить машины. Первый раз иглу в вену Чеки вогнал именно Юрчик, которого тоже в свое время, когда ему было всего восемь лет, посадили на наркотики, уколов в подвале. Когда Чека оказался в «Пилигриме», он очень быстро стал одним из наших любимчиков.

Крепыш, по крови цыганенок, но матери толком не помнит. Однако об отце, передавшем его в своеобразную аренду какой-то дамочке, воспоминания остались достаточно четкие. Эта мадам, собрав компанию из неблагополучных детей, организовала настоящий «бизнес», отправляя пацанов на перекрестки, заставляя попрошайничать и воровать. Если не выполняли суточную норму, то их могли лишиться еды и достаточно жестко наказать. Приходилось по-настоящему вкалывать. Живчик попал в эту же бригаду в результате того, что с пяти лет после смерти утонувшей матери и угоревшего от водки отца, жил на улице. Там же, на «работе», сблизившись с Крепышом, стал представляться

его старшим братом. Последняя деталь была особо комичной ввиду того, что Крепыш был на голову выше и, как позже мы выяснили, на три года старше. Эту парочку мы задержали в рейде, однако через некоторое время дама, лишившаяся доходов, умудрилась выманить пацанов из «Пилигрима». Но вскоре ребята сбежали от нее и вернулись к нам.

— Так сколько тебе лет, говоришь? — не скрывая своих сомнений, спросил Олег Владимирович, наш администратор.

— Четырнадцать! — не моргнув глазом, соврал Живчик.

— А ты, стало быть, его младший брат? — с насмешливым тоном продолжал наш сотрудник.

— Да, — как-то неуверенно отвечал Крепыш, согнув ногу в колене и присев на нее, что, однако, не могло сильно уменьшить контрастного несоответствия данной информации.

— Ты что, курил много, что от младшего брата на полметра отстал? Что-то вы мутите, ребята, — сомневаясь в достоверности полученной информации, усмехнулась Анна Владимировна. Будучи опытным журналистом, Аня не раз выезжала с нами в рейды по ночам и уже поднаторела, легко вычисляя лживые истории пацанов.

— Ладно, утром с Татьяной Николаевной будете разбираться, — подытожил воспитатель.

Фамилию Живчик взял себе Крепыша, потому что свою подзабыл. Только спустя пару лет мы узнали об этом, и теперь Живчик с Крепышом по новым документам так и числятся на одной фамилии как родные братья.

* * *

После того, как наши гвардейцы выиграли первые титулы чемпионов города, они отправились на областные соревнования, где Биток, Крепыш и Кучер стали чемпионами. А вскоре после этого нас ждал приятный сюрприз.

— Ну что там, звонили? — поинтересовался я во время воскресного богослужения у нашего дьякона Сергея Леонидовича.

Золотые медали

— Пока нет. Сейчас идет бой! Биток бьется за титул чемпиона на первенстве Украины! Надо молиться, пастор!

— Не знаю, — прокомментировал я, пытаюсь скрыть свое волнение за догматической неопределенностью в вопросе, можно ли молитвенно поддерживать боксера на ринге. — Благослови, Господи! — к моему собственному удивлению, закончил я фразу.

— Выиграли! Выиграли! Наши выиграли! — подскочив ко мне в перерыве между служениями, кричал один из наших волонтеров Андрей Васильевич. — Все трое выиграли! Чемпионы!

— Кто? Кто победил? — спрашивали один за другим подбегающие пацаны.

— Все трое — Крепыш, Биток и Кучер! Все трое теперь чемпионы Украины!

Нашей гордости не было предела. Если Биток уже около пяти лет занимался боксом и имел немалый опыт, то Крепыш и Кучер меньше года, как вышли на ринг, и такой ошеломляющий успех, конечно же, здорово нас порадовал.

— «Республика», равняйся! — скомандовала Татьяна Николаевна. — Равнение на чемпионов!

Ребята торжественно встречали наших вернувшихся победителей.

Через несколько недель спикер Верховного Совета, приехав в Мариуполь, открывал новый стадион. В центре праздничной церемонии, на великолепном зеленом газоне стояли наши пацаны. Вместе с директором металлургического комбината Владимиром Семеновичем Бойко спикер одевал на шеи наших героев чемпионские медали.

— Это было круто! — как всегда лаконично и метко подвел итог праздничной церемонии наш всеобщий любимец Кий, о персоне которого стоит рассказать подробнее. — Скоро и мне так медали наденут!

Кий-великопостник

Запретные плоды выжимают из человека много пивидла.

Заметка блогера

Появление Кия произошло при следующих обстоятельствах.

— Дядя, дай двадцать копеечек на хлебушек, — прищурившись и улыбаясь просто неземной улыбочкой, не говорил, а почти пропел пятилетний пацан.

При его азиатском разрезе глаз это срабатывало на сто процентов, сильно смягчая сердца субъектов беспризорной предпринимательно-попрошайнической деятельности.

— Иди сюда, у меня в машине кошелек, — подманил пацана наш водитель. — Сколько, говоришь, тебе надо?

— Ну, сколько не жалко! — запрыгивая в машину и радуясь в предвкушении щедрых пожертвований, весело отвечал Кий.

— Нам для таких, как ты, ничего не жалко! — захлопывая двери и на всякий случай придерживая пацаненка за руку, ответил он. — Будет тебе и кровать чистая, и одежда вместо твоего тряпья, и хороший борщ от Татьяны Васильевны! Едем в «Пилигрим»! — стартуя, заявил наш служитель.

— Ты обещал 50 копеек! — начал ныть мальчишка.

— Обещал — выполню! — отчеканил наш сотрудник. — И даже перевыполню! Ну, если, конечно, человеком будешь.

— Сколько тебе лет? — проводила опрос доставленного Татьяна Николаевна.

— Шесть! — отвечал насупившийся малыш.

— Откуда ты такой взялся? Родители есть?

— Мамка есть!

— Ну и где она, мамка? Почему живешь на улице?

— Пьет.

Как мы выяснили, пацаненок уже приличное время жил по подвалам, с каждым днем все больше втягиваясь в беспризорную систему.

Уже на следующий день Кий бегал по «Пилигриму», и, казалось, от его кипучей энергии удвоилась и без того чрезвычайно активная жизнь в «Республике». Остроты, реплики, любопытство, напор, веселье — все это излучала непривычная, с учетом восточного шарма, личность этого малыша. Однако через несколько дней он вновь исчез, сбежав с группой хронических беспризорников.

— Стой! — шокировал громким криком весь троллейбус один из наших сотрудников, — стой! Быстро! — скомандовал он водителю, который, видя на его лице решительность, не стал вступать в полемику и включил практически экстренное торможение.

— Что случилось? Осторожней, шеф! — раздавалось со всех сторон замершего посреди центрального проспекта троллейбуса. — В чем дело? — переспрашивали друг друга люди.

Причина внезапной остановки стала ясна для пассажиров через пятнадцать секунд, когда выскочивший из открытой двери работник «Республики Пилигрим» рванул назад и, подбежав, со спины схватил за шкуру какую-то телогрейку, прогуливавшуюся прямо посередине одного из главных проспектов Мариуполя. Из этого полушубка выглядывали только ноги, которые топали между несущимися, изредка сигнализирующими и увиливающими от него машинами. Внутри тулупа был Кий.

— Ой! — заорал пацан, — отпусти!

— В «Пилигриме» отпущу! — не оставляя никаких шансов и давая понять, что дискуссия окончена, ответил воспитатель. — Езжайте! — махнул он рукой водителю троллейбуса, давая понять прильнувшему к окнам пассажирам, что концерт окончен. — Сами доберемся!

С учетом вонь, исходившей от клиента внутри этого грязного и толстого тулупа, решение дойти пешком до «Пилигрима» оказалось верным.

— Сколько дней не мылся? — стараясь держать нос в потоках свежего ветерка и для этого отворачиваясь от замухрышки, поинтересовался наш сотрудник.

— Я в «Пилигриме» мылся! — обиделся задержанный.

— Так это, стало быть, уже, пожалуй, полтора месяца прошло. Тогда каюсь, сэр. Всего полтора месяца по подвалам — это практически только что из бани, — смеялся воспитатель, — однако бельишко что-то у вас слишком засаленное. Если б в троллейбус сели, то люди бы в обморок попадали. — На футбол сегодня поедешь? — сменил наш сотрудник тему разговора.

— А возьмете? — повеселел Кий.

— Ну, если вымоешься, как следует, то возьму!

Уже вечером Кий бегал по футбольному полю, а через пару месяцев он прибыл на городские соревнования по боксу. Тут случилось ужасное: в его весовой категории

просто никого не оказалось! Самый мелкий соперник был на десять килограммов крупнее нашего бойца.

— Нет тебе равных! — успокаивал Биток расстроенного до слез Кия.

— Да мне все равно, я хочу драться! — рыдал Кий.

— Вон, груша в углу, молоти ее, пока не созреет! — подкалывал приятеля Крепыш, разминаясь и готовясь к бою на первенство города.

— Сам ты груша! — огрызнулся Кий, — я тебя по рингу загоняю! — дыша Крепышу в пуп, выдавливал сквозь слезы пацан. — Хочу биться!

Однако в тот раз Кию действительно не нашлось равных. Он оказался вне конкуренции, и мы всем педагогическим составом успокаивали его еще пару дней. Однако, спустя несколько месяцев, наш малыш подтянулся и помаленечку стал проявлять характер на ринге. На данный момент он уже выиграл чемпионат города по боксу, а еще спустя полгода стал серебряным призером первенства Украины по кикбоксингу.

Помимо спортивных успехов, Кий вошел в историю «Пилигрима» многочисленными анекдотическими ситуациями, которые окружали его повсюду и были практически ежедневным предметом для веселья в «Республике».

Вскоре после своего появления в «Пилигриме» Кий оказался в своем первом Крымском походе. Как водится, вечером у костра мы вели небольшое общение, рассказывая о впечатлениях прожитого дня. Потихонечку перешли к свидетельствам ребят о том, как Господь изменил что-то в их жизни. Один за другим пацаны рассказывали о том, как они освободились от наркотиков, от воровства, от токсикомании и курения.

— Я тоже хочу свидетельствовать! — тянул руку Кий.

— Слово предоставляется самому младшему туристу. Кстати, очень достойно себя ведущему в трудностях

Непедагогическая поэма

похода, — представила героя дня наш директор Татьяна Николаевна.

— Меня Господь также освободил от многолетней зависимости, — подражая выступавшим до него ребятам, с реальными и весьма серьезными проблемами в прошлом, решительно заявил шестилетний Кий, повергая этой фразой в недоумение всю нашу походную братию.

— Ой, держите меня! — закатился Спартак. — Кий от многолетней зависимости! — ой, не могу, люди!!!

— Ну и от какой же проблемы Господь освободил тебя? — пытаюсь остановить шквал хохота и поддерживая сквозь улыбку максимально серьезный тон, поинтересовалась Ольга Владимировна.

— Курил я четыре года! — сорвав план по успокоению пилигримов, заявил шестилетний Кий. Но, вот уже два года, как я свободен! — повторяя свидетельства предыдущих ребят, без тени иронии заявил малыш.

Хохот, накрывший горное озеро, на берегу которого стоял наш лагерь, нарушил тишину и мощным эхом стал разгуливать по окружающим горам. После того, как все начали приходить в себя от «свидетельства» Кия, по незнанию математики попытавшегося таким образом удовлетворить свою значимость в коллективе, Чека спросил:

— И какие же сигареты ты предпочитал с пеленок?

Растерявшийся пацан пытался лихорадочно вспомнить хоть какое-нибудь название сигарет. После короткой паузы, вероятно, воспользовавшись ассоциациями прожитого на черноморских пляжах дня, Кий выдал, окончательно добив публику, придуманное им на лету:

— Сигареты «Море»!

Этому «свидетельству» суждено было войти в историю! Уже несколько лет пилигримы вспоминают и по разным поводам подкалывают Кия картиной, как он в перерывах между потреблением молока из материнской груди начал

покуривать и получать глубокую зависимость от несуществующих в природе сигарет с названием «Море»!

Став частью «Пилигрима», Кий, что называется, поддавал жара своими практически ежедневными выходками.

— Дядя, — ходил он вокруг водителя, — дай прокатиться на «Запорожце»!

— Не дам, он у нас один на десятерых. Когда он будет твой лично, катайся, сколько вздумается, а сейчас не дам.

— Ну, тогда подари! — не унимался Кий.

— Молись, постись, чтобы Господь дал нам другую машину, тогда подарю тебе эту, — думая, что отделался шуткой, предложил наш сотрудник.

— А если я за новую машину поститься неделю буду, подаришь мне «Запорожец»? — продолжал клянчить Кий.

— Ну, если неделю, то, пожалуй, подарю! — рассмеялся воспитатель.

Во время обеда наш автолюбитель демонстративно не сел за стол, подчеркивая, что намерен добиться цели.

— Так у тебя же ноги до педалей не достают! — хохотал Чека.

— Он сиденье переделает, ниже опустит, — предположил Крепыш.

— Ага, а как тогда из-под капота будет дорогу видеть? — доедая кашу, скорчился от смеха Ара.

— Перископ сконструирует! — выдал Кучер.

— Чего ржете, кони, вот буду поститься неделю — от зависти лопнете! — отрезал Кий.

В тот день на ужин было особое угощение. По поводу прибытия гостей приготовили окорочка с картошкой. К всеобщему веселью, была очередь Кия дежурить на кухне и мыть посуду.

— Садись кушать, хватит дурака валять! — гоготал Чека, — не доживешь ты в посте до конца недели, погубит тебя любовь к «Запорожцу»!

Непедагогическая поэма

— Эй, Кий, картошечка с окорочками — это круче любого «Фольцвагена», а не то, что ржавого «Запорожца»! — настаивал Куча.

Непреклонность и целеустремленность Кия, с которыми он ввязался в бой за свою мечту, была главным предметом разговора во время ужина. Однако пацан был тверд в своем намерении и, выполняя функции дежурного по кухне, с хладнокровным видом собирал посуду со стола.

— Эй, юноша, а в чем у тебя вся голова? — указав на Кия, в очередной раз вернувшегося с кухни за следующей порцией грязной посуды, спросил Крепыш.

— Да это же картошка у него на волосах и на ушах висит! — взорвался от смеха Куча.

— «Не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть?» — сползая со стула от приступа хохота, вопрошал басом Ара.

— Кий, ты что, кушал там тайком? — поинтересовался воспитатель.

— Нет, — не моргнув глазом, соврал пацан.

— А почему вся голова в картошке? — тыча пальцем и держась за живот от приступа смеха, выдавил Биток.

— Ну, там, на дне кастрюли, чуть-чуть оставалось, — опуская глаза, раскаялся Кий.

— Бегом за стол! Великопостник ты наш! Прокачу я тебя, прокачу, — пытался успокоить проколовшегося пацана наш сотрудник. — А как ноги дорастут до педалей, то и самому дам покататься! Окорочок ему призовой, за особое усердие! — распорядился воспитатель.

Семейные детские дома и десантирование со второго этажа

Счастлив тот, кто счастлив у себя дома.

Лев Толстой

Татьяна Николаевна была назначена на должность директора после долгих и продолжительных уговоров. Вместе со старейшинами церкви и бывшим директором «Республики» Евгением Николаевичем мы настойчиво, почти в принудительном порядке, подключили Татьяну к руководству «Республикой». Надо признать, что множество раз мы благодарили Господа за то, что нам это

удалось. За последнее время кипучая энергия Татьяны и работа коллектива под ее руководством привела к весьма ощутимым добрым переменам в жизни нашего некогда беспризорного государства.

Подтянув работу «Республики» во всех отношениях, наш новый директор проявила немалый напор и в битвах, и в сотрудничестве с чиновниками. Структура центра была усовершенствована и отлажена на новом уровне.

Все четче мы видели, что простое механическое возвращение найденных нами на улицах беженцев из интерната в учреждения, за которыми они числились, далеко не всегда является возможным. Все отчетливее назревала необходимость структурных реформ в нашей работе.

Кучер числился за донецким интернатом, однако многократно убегал оттуда. Отца убили, куда-то исчезла мать, которую пацан последний раз видел в пять лет. Не раз мы подбирали этого симпатягу на улице, но периодически он опять сбегал. Его спортивные таланты были настолько очевидны, что мы пытались не раз определить мальчишку в различные секции, но характер давал сбой, поэтому парень недолго задерживался, каждый раз бросая тренировки.

— Мы его забираем, — в очередной раз приехав за Кучером, достаточно резким тоном поставила нас в известность воспитательница его интерната, — подготовьте побыстрее документы.

— Не поеду я с вами, — спокойно и достаточно твердо сказал пацан.

— Кто тебя спрашивать будет? — на всякий случай сделав шаг к двери, перекрывая таким образом пути к отступлению, отрезала воспитатель.

— Мальчишка уже зачислен в школу, — пыталась возражать наш новый пилигримовский директор Татьяна Николаевна. — Вроде и бегать перестал. Ну, почти перестал, — осеклась она. — Не стоит, как мне кажется, его сейчас забирать.

— Готовьте документы, — давая понять, что торг здесь неуместен, обрезала командированная за Кучером сотрудница интерната, — он числится за нами. А мы пока пойдем с ним и соберем вещи. Электричка через час.

В тот день электричка ушла с воспитателем, но без Кучера. Как только наша гостья завела его в комнату, предусмотрительно загородив дверь своим телом, парень сделал пару шагов к своей кровати и взял свитер в руки.

— побыстрее, — скомандовала она.

— Сейчас, — отозвался пацан и на глазах ошарашенного воспитателя приблизился к распахнутому окну второго этажа и, как заправский прыгун на олимпийских играх, сиганул в окно. — Пока! — донеслось приходящему в себя воспитателю откуда-то снизу. Подскочив к окну, женщина только могла убедиться в том, что посадка была выполнена профессионально, а мальчишка в целости удаляется легкой трусцой от «Пилигрима».

— Это у вас называется перестал бегать?! — дыша гневом, орала воспитатель в офисе Татьяны Николаевны. — Кого вы здесь воспитываете?

— Кстати, вы только что настаивали на том, что он ваш воспитанник! — не без иронии подметила наш директор. — Я же говорила, нельзя его было трогать. Надеюсь, что вернется.

Так и произошло. Уже через час после того, как электричка увезла, что называется, командированную «ни с чем» женщину, Кучер стоял в офисе перед Татьяной Николаевной.

— Простите, я просто не поеду туда, — судя по всему, чувствуя себя невиновным, извинялся наш беженец. — Сегодня тренировка. За нами приедут? — тут же уточнил он.

Подобные истории с побегами при виде приехавших за ними сотрудников интернатов в «Пилигриме» случались далеко не один раз.

Деловой, подобранный нами на улице, появился у нас откуда-то из-под Хлебодаровки. При установлении личности мы выяснили, что мама сильно пьет, поэтому для нее стало системой отправлять сына на воровство в поисках добычи, необходимой для закупки очередной дозы спиртного. Когда мальчишка не приносил достойной добычи, сожигатель матери просто выгонял его на улицу. В конце концов, парня определили в какой-то интернат под Донецком, но по факту он вращался в мариупольских подвалах, а иногда на некоторое время появлялся в «Пилигриме». Однако, в конце концов, начал заниматься спортом и резко пошел на подъем.

— Он у вас? — поинтересовался милиционер, прибывший за Деловым. — Мы его забираем!

— Как забираете? — в очередной раз пыталась возражать Татьяна Николаевна. — Мальчишка прижился, он впервые за столько лет сел за парту, начал серьезно заниматься спортом. Его нельзя сейчас «срывать».

— Где же вы раньше были? — как всегда вступила в полемику наш завуч Любовь Анатольевна. — Никто даже не вспоминал о нем несколько лет. А теперь, когда он только начал подниматься... Нельзя его сейчас забирать.

— Вот решение Службы по делам детей, — как непреложный аргумент предъявили милиционеры бумаги. — Мы уезжаем с ним.

Крепко взяв Делового за руку, опытные сотрудники милиции погрузили пацана в машину и увезли.

— Будешь убегать? — в лоб спросил директор интерната только что доставленного хлопца.

— Думаю, нет! — прикинув, что к чему, ответил Деловой. — У вас тут, я вижу, здорово! И кормят, лучше, чем в «Пилике». Останусь! Не убегу! — понимая, что дело пахнет карантинным отделением с большими решетками на окнах, уверенно заявил Деловой.

Семейные детские дома

— Вот и молодец! — обрадовался, по-видимому, не очень опытный директор, — вот и умница, а то у нас из-за тебя столько проблем с прокуратурой. Ты ведь у нас уже второй год, как числишься. Вот и хорошо!

Уже к вечеру Деловой в легком спортивном костюме по сильному морозу добрался в Мариуполь.

— Ты откуда взялся? — подняв брови и заключив в объятия друга, спросил Крепыш. — Ходу дал! Ай да молодец! Это по-нашему!

— Чаю давайте! — не скрывая радости, распорядился Куча. — Не видите, окоleet сейчас от холода! И Татьяне Николаевне сообщите, что клиент опять дома!

Подобные истории, переставшие быть редкостью в «Республике», заставили нас все же взяться за реформы. В конце концов, все сотрудники «Пилигрима» увидели необходимость радикальных шагов, и, наконец-то, мы стали организовывать первые подразделения «Пилигрима» в виде семейных детских домов.

Мечта о том, чтобы трансформировать работу «Пилигрима» путем создания приемных семей, появилась у меня еще в первые годы нашего служения беспризорникам. При всех плюсах жизнь большого приюта не могла никоим образом конкурировать с куда более персонифицированной моделью, дающей возможность созидать семейную атмосферу. Вместо большого здания, где при всем желании не избежать казарменного духа, мы давно подумывали о возможности подразделений «Пилигрима» на квартирах или в частных домах. История с «Орлиным гнездом» стала первой ступенькой к реализации этой давней затеи.

Автобус в подарок Президенту или проклятая буква

*И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы.
Марка 2:27*

К моменту, когда мы затеяли это гуманитарно-протестное шоу, подаренный «Пилигриму» микроавтобус уже три года стоял на мариупольской таможне. Братья с севера Германии подарили его нам, и нашей радости не было предела в тот день, когда «Форд» прибыл в Мариуполь. В самом страшном сне мы не могли себе представить, что процесс его растаможки может так сильно затянуться.

— Таня, как там дела по автобусу? — поинтересовался я на планерке.

— Все в порядке, пастор! — ободрила наш бухгалтер. — Комиссия в Киеве уже признала его гуманитаркой, остаются формальности в местной таможне.

Автобус в подарок Президенту

— Хорошо! Как думаешь, за неделю управиться?

— Ну, максимум, за десять дней! — предусмотрительно взяв запас по времени, ответила она.

Однако к трем дням, которыми подстраховалась наша сотрудница, пришлось прибавить ни много ни мало — три года бюрократических мытарств.

— Что там с «Фордом»? — в очередной раз, спустя три месяца, спросила директор «Пилигрима» Татьяна Николаевна на церковном совете.

— Есть небольшие трудности! — уже не так уверенно, но, еще не теряя надежды, ответила руководитель нашего финансового комитета. — Там какая-то буква на корпусе не соответствует указанию в немецких документах о том, что автобус грузовой.

— А чему же она соответствует? — поинтересовался один из наших пасторов Евгений Крутенко.

— Она, вроде бы, указывает, что автобус грузопассажирский, а не просто грузовой, и теперь мы должны заново отослать все документы в Киев на комиссию по социальным вопросам, чтобы нам его вторично, уже с учетом этой буквы, признали гуманитарным грузом, — объясняла бухгалтер.

— И насколько это еще теперь затянется? — спросил начальник нашего гаража Славик. — Мы же задыхаемся без отдельного пилигримовского транспорта.

— Я думаю, что к лету, к лагерям и походам, успеем, — утешала бухгалтер.

— А без этой буквы, что он не может быть признан гуманитарным по первому решению? — недоумевал мой сопастор Андрей Япрах, не владеющий тонкостями таможенной политики.

— Если его не признают гуманитаркой в Кабмине — эта буква нам будет стоить 12000 долларов! — огласила подсчитанную чиновниками сумму Татьяна.

— Да что ж это за буква такая! Будь она трижды неладна! — как всегда очень легко разгорячился Юрий Андреевич. — За такую сумму на рынке ведь можно автобус в лучшем состоянии, чем наш, приобрести.

— Ладно, наберемся терпения и разберемся с этой самой буквой. Побольше оптимизма, коллеги! — вдохновлял я, не подозревая, что вскоре и моему врожденному жизнелюбию придется пройти нелегкое испытание.

Переписка с Кабмином продолжалась три года. За это время куда мы только не подавали жалобы и прошения. От городского и областного руководства до писем премьер-министру и Президенту. Однако воз, как в пресловутой басне, не трогался с места.

Хочется отметить, что на каждом уровне мы встречали человеческое понимание и видели глубокое негодование чиновников по отношению к застопорившей на каком-то пустяке системе. Убежден, что большинство высокопоставленных чиновников понимали всю глупость происходящего «по букве закона» и искренне хотели помочь нам в сложившейся ситуации.

— Пастор, будь на то моя воля, я отпустил бы этот автобус со склада хоть сегодня! — говорил мне руководитель городской таможни Дмитрий Валентинович Черников. — Вы, правда, проводите такую чудесную работу с детворой и со взрослыми реабцентрами, но я скован рамками наших нелепых законов, поэтому вернуть автобус — просто не в моей компетенции.

— Понимаю, — констатировал я. — Но что мне еще предпринять, чтобы все же решить проблему?

— Честно говоря, я даже не знаю! Ну, напишите еще кому-нибудь, — посоветовал он. — Кстати, дайте мне ваш расчетный счет, я лично от себя, от своей семьи хотел бы вам помочь. Но отпустить автобус без указаний свыше не могу. Меня просто съедят за это с потрохами.

Автобус в подарок Президенту

— Осталось только в ООН обратиться или в Гаагу! — ухмылялся я, — или уже, особо не церемонясь, напрямую к Всевышнему!

Сколь не грустной была моя ирония, но из последующих за этим событий мы поняли, что выход в виде очень нестандартной идеи дал именно Господь!

— А давай, пастор, автобус этот застрявший с его проклятой буквой подарим нашим политикам! Чего добру пропадать? Пусть ездят! Может, он хоть им сгодится, может, им не на чем своих детей возить? — бросил кто-то из пацанов идею во время построения «Республики».

— Слушай, а это интересная мысль! — ответил я. — Хороший будет подарок руководству страны: «Автобус Президенту от бывших беспризорников!» Звучит впечатляюще!

Так, через три года мы «закипели» и «взорвались» в виде пресс-релиза, разосланного СМИ, а также запланировали пресс-конференцию в «Республике Пилигрим»! Планы детей-сирот подарить «слугам народа» микроавтобус привлекли внимание огромного количества журналистов, телевизионщиков и газетчиков.

В назначенный день зал «Пилигрима» был забит телекамерами центральных каналов и перед нашим, уже шестым за историю «Пилигрима» президентом по кличке Каскадер, данной ему за постоянные синяки и ссадины, стояло множество микрофонов с хорошо известными в стране логотипами.

— Мы, бывшие беспризорники, воспитанники Центра детской реабилитации... — начал он зачитывать официальное обращение к властям страны, — дарим вам микроавтобус «Форд-Транзит!» — волнуясь и сбиваясь, продолжал глава нашего «босоногого» государства. — Или Президенту Украины, или премьер-министру, кому из вас нужней, сами решите! Он, конечно, нужен нам позарез, но поскольку мы уже три года не можем его забрать из-за какой-то буквы, то мы решили, что не гоже добру пропадать!

Под щелчки фотоаппаратов и улыбки журналистов, оценивших по достоинству специфический «шарм» этого подарка, документ был торжественно подписан всем высшим руководством Центра детской реабилитации «Республика Пилигрим» и продемонстрирован представителям СМИ.

Надо отдать должное руководству страны, которое, как мы выяснили проверенным путем, не разучилось краснеть! Уже через три часа на сайте премьер-министра было вывешено распоряжение: немедленно разобраться и вернуть детям автобус! В девять вечера меня пригласили к телефону, приятно удивив:

— Пастор, там к вам министр звонит! Просит соединить.

— Министр? — не скрывая удивления, глянул я на часы и зафиксировал на них 21.00. — Ну, соединяйте!

— Простите, пожалуйста, что так вот бывает! — вежливо, но с иронией извинился руководитель таможенной службы Украины с очень педагогической фамилией Макаренко! Мы обязательно разберемся, дайте нам пару дней, что-нибудь придумаем с этой вашей «проклятой буквой», — вторя Юрию Андреевичу, заявил он. — И спасибо за то, что вы делаете, и за то, что не унываете со всей этой бюрократической возней. — Если что, не стесняйтесь, звоните! — добавил он, оставив все свои координаты.

Уже на следующий день после пресс-конференции и телевизионных сюжетов, прошедших в вечерних новостях по всей стране, в кабинете нашего бухгалтера раздался звонок.

— Вы не могли бы забрать ваш автобус сегодня? — спросил представитель таможенной службы.

— Сегодня? — переспросила Татьяна, ничуть не удивляясь. — Вы на часы посмотрите! Если я правильно понимаю, сейчас 23.00!!! Почему именно сегодня? Нельзя ли подождать до утра? Мы ведь три года вокруг вашего склада кругами ходили.

Автобус в подарок Президенту

— Ну, вы же понимаете? С учетом того общественного резонанса, который вы устроили... Ладно, давайте завтра, только с утра, буквально в 8.00!

На следующий день мы выкатили на прицепе «Форд-Транзит» с таможенных складов и повезли его через весь город в «Пилигрим»!

— Юра, — по телефону сообщил я нашим немецким друзьям, — передай Йоганесу, Вальдемару, пастору Генриху и всем братьям, кто имел к этому отношение, что мы прорвали бюрократическую оборону и, наконец, забрали автобус! — порадовал я наших партнеров, перед которыми (дело прошлое) все эти годы мне было, что называется, «за державу обидно».

— Мы победили!!! Ура!!! — огромной ватагой выскакивая из «Пилигрима», неслась детвора теперь уже к СВОЕМУ автобусу!

— Мы победили эту чертову букву! — бросил в тот день кто-то из мальчишек.

Говерла ИЛИ на пятой точке с вершины Украины

*Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес.
Владимир Высоцкий «Вершина»*

Наши летние лагеря и походы с каждым годом становились все «серьезней». Покорив впервые самые бурные горные реки Украины Белый и Чер-р-р-р-ный (именно так мы решили его произносить) Черемош, мы замахнулись на первую солидную гору — вершину Украины — Говерлу!

Два километра шестьдесят один метр не казались нам чем-то невозможным, поэтому в нашем втором карпатском походе мы решили штурмовать эту высоту. Однако уверенность в своих силах пошатнулась у нас уже в тот момент, когда, выезжая на прямую дорогу к турбазе, мы впервые увидели над облаками мрачную и покрытую снегом вершину.

— Ух! Ого! Ничего себе!!! — как-то приглушенно зашептались пацаны в автобусе.

— Пастор, ты уверен, что мы туда доберемся? — осмелился спросить значительно подросший Кий.

— Назад дороги нет! — почесывая затылок, пытался я вдохновить мальчишек.

— Шутки в сторону! — указывая на приближающуюся гору, в конце мая еще покрытую огромным слоем снега, начал свои наставления пастор из Прикарпатья Иван Мельник, уже во второй раз пригласивший и организовавший для нас карпатскую экспедицию. Именно он вдохновил нас подняться на самую высокую точку Украины. — Недельку назад здесь исчез и, судя по всему, погиб человек, оторвавшийся от своей группы.

— Погиб??? — слышалось со всех сторон.

— Что насмерть? — спросил, вытаскивая наушники от своего радио, Кучер.

— Нет — чуть-чуть погиб! — съязвил Живчик. — На 30%! — заливался он смехом.

— Чего ржете, лошаки? — осадил друзей недавно прибывший в «Пилигрим», но сразу ставший одним из авторитетов мальчишка по прозвищу Заря. У него сильно пил отец и не ладилось с матерью, а после того, как пацаненок начал уходить в подвальные загулы, он оказался у нас и вскоре стал очередным президентом «Республики». — Вам говорят человек погиб! Нашли повод для шуток.

— А мы и не с погибшего! Царство ему Небесное! — перекрестился Живчик, — мы с Кучера, тугоухого из-за его наушников.

— Смотрите! Смотрите! Какая красавица, эта наша Говерла! — неужели мы и вправду на нее заберемся?

Уже через три дня, проведя необходимые тренировки в лагере «Заросляк», расположенном у подножия горы, мы отправились на штурм. Компания из 80-ти подростков во главе с опытными инструкторами и командой наших пасторов, несмотря на достаточно сложные погодные условия, добралась до вершины.

— Ура! — неслось со всех сторон, хоть и слабое от неимоверной нагрузки, но полное восторга и восклицания: — Мы сделали это! — обнимали меня и друг друга пацаны. — Пастор, скажи, что мы крутые!

После короткой, но такой радостной молитвы мы начали спуск, прошедший, мягко говоря, с рядом нарушений техники безопасности.

— Ребята! Во время спуска ни в коем случае не съезжать на задницах! — пытался привлечь внимание мальчишек наш инструктор. — Это опас..! — не успел закончить он. — Ребята! — напрасно пытался остановить профессионал нашу ватагу.

За несколько секунд, несмотря на очень слабое знание физики, пилигримы сообразили, что скорость скольжения на пятой точке гораздо выше, чем пошаговое движение по достаточно глубокому снегу, поэтому, поджав ноги, понеслись вниз.

— О-о-о-ох! — орали пацаны и девчонки, перекрикивая тщетные инструкторские: «Это плохая идея! Можно травмироваться!»

Метров пятьсот по достаточно крутому заснеженному склону ребята преодолели на полах за несколько секунд. Особенно ловкие, удачно поджав конечности и сведя скорость трения к минимуму, смотрелись со стороны не хуже профессиональных слаломистов, хотя и без лыж.

— Это самая крутая горка в моей жизни! — оправдывался Алыт на построении. — Не удержался!

— А я, пастор, и не раскаиваюсь даже! — хохотал Ара, — это было круто! Я так быстро несся!

— Я видел, как вы неслись! — напрасно пытаюсь казаться строгим, сказал я. — Особенно, как в кустах исчезали один за другим, не успевая притормозить! Благодарите Господа, что все обошлось! Впредь за подобные выходки в походах буду наказывать без всякой милости!

— А как же «суд без милости не оказавшему милость»? — процитировал Писание отправившийся с нами в это путешествие уже двадцатилетний Марио.

— От вырастили на свою голову знатоков Библии! — усмехнулся Евгений Крутенко. — Пастор, не сердчай! Ты ведь тоже там на пятой точке съезжал!

— Так я всего лишь пытался вас догнать, — тщетно выкручивался я, а затем отбросил напускную хмурость и, ослабившись, сказал: — Здорово было!

Промокнув до ниточки на спуске от бессаночных «технологий» и от дождя с градом, накрывшего нас на середине дистанции, мы были вконец измотаны и по возвращении в лагерь, проглотив ужин, завалились спать, не дожидаясь команды «отбой!» Не ошибусь, если скажу, что такого «организованного» отхода ко сну мы не знали за всю историю нашей «Республики». В хорошо протопленном здании турбазы вповалку лежали мои орелики — покорители первой серьезной вершины в своей жизни!

— Здорово было! — пробормотал я, засыпая и любуясь в окно покоренной красавицей-Говерлой.

— Аминь! — подтвердил мне сквозь сон чей-то мальчишский голос.

Эльбрус или часы от мэра «За Мужество!»

*Я спросил тебя: – Зачем идете в горы вы? –
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой.
– Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово! –
Рассмеялась ты и взяла с собой.
Владимир Высоцкий «Скалолазка»*

Мечта взойти с пилигримами на вершину Европы, впервые озвученная в моем офисе одним из наших прихожан, показалась мне чем-то, выходящим за грани фантастики.

Пастор, при хорошей подготовке и экипировке мы имеем все шансы взять Эльбрус! — вдохновлял брат Евгений, который, несмотря на свой уже не юношеский возраст,

попросил моей аудитории и стал убеждать в реальности такого дерзкого плана, как восхождение на главную вершину Кавказа. — Пацаны у нас бойцы... там духу у каждого на десятерых! Я могу взяться за подготовку: все растолкую, познакомлю с нужными людьми!

— Евгений Михайлович, — улыбался я, — сколько там вершина?

— 5642 метра! — радостно воскликнул он. — Если бы ты знал, какое это чудо — Эльбрус! Вот смотри. Для меня вся моя прожитая жизнь — вот здесь, — провел он рукой, начертив холмик слева от себя. — А вот здесь, — описал мой гость одним взмахом правой резкую линию к Небесам, — вот здесь совершенно отдельно тот день, когда я стоял на вершине Эльбруса!

Поблагодарив нашего прихожанина, с очень серьезным горным опытом в своей бурной молодости, я попрощался и, проводив его к двери без всякой надежды на реальность воплощения подобной идеи в жизнь, сказал: — Если Бог даст — доберемся и до Эльбруса!

— Конечно, доберемся! — судя по всему, не особенно замечая ироничность моего тона, воскликнул напоследок Евгений Михайлович: — Непременно Бог даст!

После этого разговора, показавшегося мне странным, мысль о серьезном горном восхождении все чаще приходила ко мне из самых разных источников, начиная понемногу увлекать мое сердце. За прошедшие годы у нас уже появился некий альпинистский опыт во время покорения вершин в Крыму и Карпатах, но их высоты, конечно, не шли ни в какое сравнение с тем, что предлагал нам Кавказ.

— Пастор, ну что, рванем этим летом в Приэльбрусье? — в очередной раз заинтересовался наш «док» Сергей Николаевич. Будучи известным врачом-урологом в Мариуполе и покаявшись несколько лет назад, он также стал настойчиво лоббировать идею кавказского похода с попыткой восхождения на Эльбрус.

— Надо собраться и все обсудить! — сдался я, назначив предварительную планерку с оргкомитетом из наиболее активных энтузиастов. — Может, что и получится?!

Уже через полгода после первого серьезного совещания на эту тему мы с группой мальчишек из «Пилигрима» и церковной командой из нескольких десятков добровольцев уселись в автобусы и отправились к вершине Европы. Преодолев немалые преграды в виде российской таможни и бесчисленного количества гаишников, многократно останавливавших нашу колонну, мы все же прибыли в столицу Кабардино-Балкарии — Нальчик! Там, оформив необходимые документы у пограничников, мы отправились к нашей первой цели — так называемому Безенгийскому ущелью.

Разбив лагерь в высокогорном альпинистском поселке Безенги на высоте 2050 метров, мы оказались в неописуемо красивых, но в равной степени в очень внушительных горах. Прямо перед нами открывался вид на самый высокогорный район Европы — Безенгийскую стену!

— Вау! — неслоь со всех сторон от моих пацанов, которые, как и я, никогда ничего подобного не видели. — Сказка! Фантастика! Жуть!

— И «жуть», и «фантастика», и «вау» будут позже, — прокомментировал наш бывалый «док». — Вот там, — указал он рукой по направлению к сплошной пятикилометровой стене из льда и снега, вид на которую приоткрывался из нашего базового лагеря, — там, куда мы отправимся уже завтра!

— Туда?! — в порыве восторга переспросил Заря, нимало не смутившись, — жуть!

Уже на следующий день мы начали свои тренировочные восхождения, которые превзошли по своей красоте, как, впрочем, и по тяжести, все наши ожидания. Игра в снежки в конце июля, купание в горных водопадах, продвижение

по ледникам, под которыми рождаются реки, охота за дикими турами, блуждающими вокруг нашего лагеря по ночам, шквальный, ураганный ветер, сгибавший палатки пополам, — все это, как и неимоверная усталость в конце каждого дня, вне всякого сомнения, останется с участниками этих походов на всю жизнь!

— Ой! Что это?! Пастор, смотри! — перекрикивая друг друга, орали пацаны, указывая на дрожащую под ногами землю и на сходящую на наших глазах с пятикилометровой горной гряды лавину. — Ух, какая!

— Пастор, а это правда, что здесь люди гибли? — спросил Альт.

— Нет, они здесь в шутку гибли! — поддернул Куча. — Тебе же объясняли, что это один из самых опасных горных районов в Европе! Чем вы все слушаете?

То, что Кавказ — не место для шуток, мы смогли понять после трагического случая, который произошел в то время, когда мы проводили свои акклиматизационные высотные тренировки. Группа альпинистов из восьми человек погибла при восхождении из-за того, что сорвался отколовшийся ледник. Ребята были, как и мы, из Донбасса, что придавало особую пикантность происшедшему для нашей экспедиции. После озвучки в СМИ этой информации родственники некоторых участников нашего похода пережили много тревожных часов, пока не связались с нами и не убедились, что эта трагедия произошла не с их близкими.

Закончив изнурительные восьмидневные, но такие прекрасные тренировки в районе Безенги и покорив наш первый четырехтысячник (пик Фрешильда), мы собрали лагерь и в течение суток совершили передислокацию в так называемое Баксанское ущелье, непосредственно к подножию Эльбруса.

— Завтра все те, кто готов дерзнуть и попытаться взять Эльбрус, отправятся к базе МЧС на высоту 3800 метров! —

отдал я распоряжение, — а сегодня молимся за наших гостей — семейство Черноус, которые уже пошли на штурм, — хотя шансов у них, прямо скажем, сейчас немного.

Группа наших добрых друзей, почетных граждан «Пилигрима» из Северной Каролины, состояла из трех братьев: Юрия, Николая и Андрея, а также пятнадцатилетнего сынишки последнего — Эдуарда. Вместе с несколькими ребятами из нашей основной команды они попытались штурмовать вершину на два дня раньше, чем мы, из-за поджимающих сроков их обратного рейса в США. Попытка оказалась неудачной. В тот день ни одна из нескольких экспедиций, отправившихся к цели, не смогла подняться выше так называемой седловины. Из-за шквального ветра и нулевой видимости всем пришлось вернуться. Однако по прибытии в лагерь одна из команд пережила настоящий шок — не хватало одного человека. Немецкий альпинист в кромешной тьме и вьюге без вести пропал в ту ночь. Только спустя сутки его чудом удалось обнаружить и спасти, вытащив из какой-то расщелины, куда он провалился.

В последний, решающий день экспедиции нам очень нужно было чудо с погодой, чтобы попытаться достичь вершины. И чудо произошло! Именно на этот день был дан хороший прогноз, и мы вместе с несколькими группами, проведя последние тренировочные восхождения к пресловутому «Приюту одиннадцати» (4200 метров) и «скалам Пастухова» (4800 метров), наметили старт на час ночи 3 августа 2008 года.

— Подъем! — озвучил Евгений Николаевич, — ровно час! Пора!

— Не шути, дядя Женья! — попытался сострить Каскадер, выползая из палатки, — разве кто-то спал?

— Все только притворялись! — подтвердил Альт.

— Ну, с Богом! — закончил молитву наш «док».

— Только с Ним! — буркнул Анатолий Волошин.

— Получить продпайки! Проверить снаряжение! За мной! — отдал я последние команды, и мы отправились в самый тяжелый путь в моей жизни.

То, что было дальше на протяжении десяти с половиной часов, описывать бесполезно, поскольку попытка передать подобные ощущения, возможно, под силу Джеку Лондону, но не мне. Скажу просто — это было нечто!

Одного мальчонку я отправил вниз уже через триста первых метров подъема. Несколько ребят мне пришлось развернуть уже на рассвете, с высоты 5300 метров!

— Пилигримы! Слушай мою команду! Все мальчишки уходят вниз! Вы и так преодолели больше, чем могли! Вы крутые! Я горжусь вами! — приказал я, валяясь в сугробе между двумя эльбрусовскими горбами-вершинами. — Все пилигримы уходят со мной вниз!

— Пастор! Тебе нельзя сдаваться, — вмешался в разговор тоже разлегшийся на снегу Евгений Крутенко. Ты должен попытаться дойти!

— А кто вернется с пацанами? — уже не имея надежды на мое дальнейшее восхождение, спросил я.

— Мы бросим жребий между взрослой частью команды. Кому выпадет, тот и вернется с пилигримами.

— Геннадий Викторович! — подтвердил один из наших самых крепких парней Алан, — вы должны попробовать дойти.

Жребий был брошен и без всякого ропота ответственность за спуск пацанов, а также единственной девушки Танюши, проявившей небывалое мужество в нашей команде, выпала Анатолию Волошину.

— Уходим быстро! — скомандовал он ребятам, которые от усталости развалились в сугробах, стараясь всеми силами скрыть огорчение из-за того, что, находясь всего в 350-ти метрах от заветной цели, вынужден вернуться.

Непедагогическая поэма

— А вы чего? — спросил я троих мальчишек, не успевших встать и начать спуск с Анатолием. — Что, команды не слышали?! Уходите вниз! — повторил я приказ.

— Нет, пастор. Мы с тобой попробуем к вершине! Сколько уже тут осталось?! — заявили трое наших воспитанников.

Последняя треть километра выдалась очень сложной. Погода совсем испортилась, хотя иногда и делала кратковременные передышки, но все больше стала срываться в метель и сильный ветер. Когда на короткое время расходились облака и прекращалась метель, вокруг открывалась потрясающая картина. Но каждый шаг давался нечеловеческими усилиями!

— Пастор, вставай, надо идти! — подбадривал меня во время очередного привала Дуче.

— Ты думаешь? — робко уточнял я. — Не могу, дорогой, не могу! Сил нет, просто совсем нет! — начал я сдаваться и все больше смирялся с мыслью, что мне не покорить вершину этой горы.

— Пастор, через двадцать минут начинается служение в нашей церкви, сегодня же воскресенье! — аргументировал Дуче. — Пастор, за нас вот-вот помолятся в собрании, и мы обязательно дойдем! — подбадривал Альт.

— Идите вперед с основной командой. Догоняйте Каскадера! Флаг «Пилигрима» у вас? — Идите. За меня не беспокойтесь! — отдал я распоряжение, тяжело и медленно поднимаясь, чтобы не сбить темп. Я был не уверен, что смогу преодолеть последние сотни метров.

Разбившись на две группы, мы продолжали наше восхождение, и в 11.00, спустя десять часов невероятных усилий, первая часть нашей команды все же добралась до вершины.

— Мы сделали это! — прохрипел Каскадер, падая возле меня от усталости. — Товарищ пастор, ваш приказ выполнен!

Флаг «Пилигрима» и вымпел родного Мариуполя подняты на вершину! — обледеневшими губами доложил наш мужественный президент.

— Вы молодцы! — не скрывал я восторга, пытаясь подняться. — Сколько мне еще топать?

— Всего метров пятьдесят! — подбодрил Евгений Крутенко. — Пастор, не сдавайся! Я еще раз пойду с тобой!

Эти пятьдесят метров показались мне вечными, но, в конце концов, я, правильное будет сказать, не взошел, а заполз на вершину.

— Спасибо, Господи! — сквозь слезы молился рядом Сергей Николаевич, который осуществил эту заветную мечту спустя 18 лет после первой неудачной попытки. — Спасибо!

— Боже, Ты чудесный! — бормотал сквозь слезы я. — Ты чудесный! Это невероятно, но мы с Тобой сделали ЭТО! — молился я, валяясь на вершине.

* * *

Через несколько дней добравшись домой и прийдя в себя, мои пацаны сидели на пресс-конференции и, улыбаясь на вспышки фотоаппаратов и в объективы многочисленных телекамер, рассказывали о покорении вершины Эльбруса!

«Бывшие беспризорники на вершине Европы!» — гласили заголовки местной и всеукраинской прессы. — «Флаг Украины на Эльбрус подняли дети-сироты!», «Воспитанники детского реабилитационного центра молились о сиротах с вершины Эльбруса!»

Уже вдогонку проведенной нами пресс-конференции мэр Мариуполя пригласил мальчишек в горисполком и еще раз под прицелом телекамер спрашивал ребят, как это было.

— Геннадий Викторович, с гордостью можно говорить о том, что ваши воспитанники вышли на такой уровень! — поздравлял мальчишек мэр Мариуполя. — Вы, ребята, являетесь примером для ваших сверстников. Вы совершили

Цепедагогическая поэма

самый настоящий спортивный подвиг! Думаю, что вас, мальчишки, ждет прекрасное будущее! — продолжал Юрий Юрьевич. — Надо в городском музее выделить место для экспозиции о вашем восхождении! Молодцы! Так держать!

— Покажи часы поближе, — попросил Каскадера журналист самого крупного мариупольского телеканала, — и прочитай громко вслух, что там написано.

— «За мужество!» — краснея, но явно со смешанным и трудноскрываемым чувством удовольствия прочитал гравировку наш президент.

— Что собираетесь покорять дальше? — спросил журналист другого телеканала.

— Пока не знаем! — ответил Альт, — но, возможно, Ара-рат. Пора уже с Ноевым ковчегом разобраться!

ПОКОРЕНИЕ АРАРААТА ИЛИ В ПОИСКАХ НОЕВА КОВЧЕГА

Когда ты попадаешь в беду и кажется, что все ополчилось против тебя, когда ты думаешь, что не выдержишь больше ни минуты — не сдавайся, потому что именно в это время и в этом месте удача поворачивается в другую сторону.

Гарриет Бичер-Стоу

Восхождение на Эльбрус стало переломным моментом в нашей истории. На Кавказе мальчишки вместе со мной, что называется, почувствовали вкус серьезных путешествий! Опыт того, что невозможное через молитвы и приложение усилий может стать реальностью —

сверхважное дело для подростка, и этот опыт мы в полноте получили в то лето, когда покорили вершину Европы!

Идея восхождения на Арарат возникла в «Республике Пилигрим» практически сразу после взятия Эльбруса, но казалась совершенно нереальной из-за расположения вершины на территории Восточной Турции и соответственно множества юридических трудностей с выездными документами. Второй, не менее серьезной преградой на пути к этой мечте была дороговизна и сложность путешествия. К тому же сам пятитысячник, по описаниям профессионалов, не был из тех горных вершин, которые намерены легко сдаться всем желающим.

Однако через некоторое время мы вновь убедились, что мечты сбываются. Десять подростков были отобраны мной в отряд, который отправиться к Арарату. Однако, в конечном итоге, только семерым, из-за запутанных семейных историй наших сирот, мы смогли оформить полный пакет выездных документов. В последний день, когда я должен был принять решение: дать отбой нашей затее либо оплатить билеты, семья почетных граждан «Пилигрима» — Тимофея и Людмилы Игнатьевых перечислила на наш счет солидную сумму, сняв последнюю серьезную преграду на пути к Арарату!

И вот наступил тот день, когда мы, упаковав рюкзаки на глазах журналистов, проявивших к желанию мальчишек искренний интерес, сели в наш церковный автобус и отправились в путь.

Состав команды был следующим: 7 бывших беспризорников, наш водитель, дьякон Вячеслав, 4 взрослых служителя церкви, проверенных в горах, а также известный (в прошлом мариуполец — ныне дончанин), дважды до этого бывший на Арарате альпинист-профессионал Сергей Кайфаджян.

— Равняйся! Смирно! — скомандовал я. — Господа спецназовцы! Вам предоставляется честь попытаться поднять

Покорение Арарата

флаги родного города, Украины, а также доблестного государства «Республики Пилигрим» на славную вершину Арарата! Готовы ли вы к бою?

— Есть, сэр! — отрапортовал Куча, подражая голливудским героям.

— Так точно, пастор! — поддакнул Альт.

— Только нужно присматривать за Каскадером, а то он все перепутает: заблудится в Турции и, вообще, вместо Арарата пойдет куда-нибудь на Джамал-Лунгу! — попытался выговорить название вершины мира Бублик.

— Это я беру на себя, — улыбнулся я. — Наш «рассеянный с улицы Бассейной» будет у меня под особым прищотом!

— Я лично за ним присмотрю, — пообещал Ара.

— Хорош ржать! — без обид притормозил друзей Каскадер. — Молимся и по коням!

— Ну, Арарат, держись! — обратился к невидимой цели Марио. — «Пилигрим» идет со Христом вперед! — затащил он одну из популярных песен первого поколения наших воспитанников.

На следующий день нам предстояло стартовать из славного черноморского города, что само по себе было приключением в миниатюре. За ночь добравшись до Одессы, мы с ребятами прогулялись по приморскому бульвару, любуясь знаменитым зданием оперного театра, фонтанами и узкими улочками с прекрасными фасадами. Конечно, особенные впечатления на мальчишек произвели Одесский морвокзал и огромный паром «Южная Пальмира», на котором нам предстояло отправиться в путь. Пройдя, к нашей радости, таможенный осмотр без особых проблем, мы загрузили автобус в «брюхо» корабля-гиганта и, позирова перед фотоаппаратом, поднялись по трапу.

Однако нашему парому предстояло пройти серьезное испытание в виде десанта из бывших беспризорников. Все

мои лекции на тему: «не лезьте», «не трогайте», «не нажимайте» не могли противостоять повышенному любопытству мальчишек, впервые в жизни оказавшихся на корабле. Капитанская команда очень быстро почувствовала присутствие на борту специфической группы пассажиров. Особенно контрастно мы выглядели среди валяжных туристов, парочками прогуливавшихся по палубам и ресторанам. Через десять минут мальчишки уже знали, где какие люки находятся, куда ведут какие лестницы, и по какому трапу быстрее добраться в нужном направлении. Потом началась игра «в лова», практически не прерывающаяся в течение суток, кроме обеда и короткого сна в спальниках прямо на палубе под открытым небом.

Черное море во всей своей красоте сильно впечатлило ребят. Дельфины, многокилометровый шлейф за кораблем, волны и удивительные звезды в ночном небе — все это, безусловно, запомнится навсегда. Попытавшись умирить пыл пилигримов, носящихся по палубам между весьма солидными пассажирами, и согласившись со мной, что это вряд ли осуществимо, командование парома решило подойти к нашей компании с другой стороны.

— Эй, клуб путешественников! — скомандовал помощник капитана, офицер огромного роста. — Я двадцать лет на флоте, но такой полундры еще не видел! Вы мне корабль развалите! — улыбаясь, пытался он урезонить моих пацанов.

— Товарищ капитан! — усмехнулся в ответ Бублик. — А дайте кораблем порулить?

— Насчет порулить — не уверен, но в капитанскую рубку мы вам обязательно экскурсию организуем, хоть это и не совсем по правилам! — У нас, похоже, выхода другого нет, как вас организовать, а то сплошной SOS какой-то с вами получается! Всю публику мне на «Пальмире» своими криками запугаете!

Покорение Арарата

Пытаясь хоть как-то умерить невероятную прыть мальчишек, капитан повел нас на экскурсию в святая святых, в рубку, и провел для моих мальчишек интересную лекцию.

На следующий день, входя в Босфорский пролив, мы всей командой вышли на палубу и вместе с пятью сотнями пассажиров любовались сказочными видами бывшего Константинополя. К концу путешествия, наверное, весь корабль знал о группе бывших мариупольских беспризорников, которые собирались покорять Арарат. Поскольку наши ребята не страдают недостатком коммуникативных способностей, они со многими перезнакомились, поэтому покидали мы трап под многочисленные пожелания «удачи».

* * *

Первый день за границей — это всегда особенный день для человека. А для мальчишек, выросших в подвалах и канализационных люках, это утверждение, пожалуй, действует с удвоенной силой.

«Ух! Ах! Глянь! Ты шо!» — доносилось непрерывно со всех сторон.

— Не ведите себя, как «турки», — забавлялся игрой слов Марио, пытаясь помочь мне как-то утихомирить нашу шумную компанию при прохождении турецкой таможни.

— Это кто тебе? — указывая на меня, спрашивал таможенник Кучу.

— Папа!

— Проходи! — ставил он штампик в проездном документе и, указывая на Дуче, повторил вопрос, вновь указывая на меня. — Это кто тебе?

— Папа! — улыбался пацан, проходя через пропускной пункт.

— Это кто тебе? — снова повторял он, спрашивая Каскадера и укаывая на меня, — папа?

— Папа! — расплылся в улыбке мой очередной приемный сынишка.

Непедагогическая поэма

— Папа! Папа! Папа! Папа! — улыбался таможенник, в шутку повторяя вновь и вновь: — Папа?!

— Папа! — ответил отпустивший к этой поездке очень экзотическую бородку уже двадцатилетний Марио. — Папа! Большой папа! — пытался объяснить он все более удивленному таможеннику обилие моих сыновей. — Много папа! Биг папа!

Пройдя таможенный контроль и оказавшись в самом центре Стамбула, мы поставили автобус на стоянку и отправились на прогулку по вечернему городу! Святая София, ночной восточный рынок и, конечно же, турецкая шаурма — все это произвело огромное впечатление на пацанов. Мальчишки в фирменных футболках и кепках нашего информационного спонсора — главной городской газеты «Приазовский рабочий» — чувствовали себя настоящей командой. А закончилась ночная прогулка экстремальным купанием в Мраморном море в два часа ночи. После чего мы опять сели в автобус и отправились в путь по роскошным турецким магистралям. Нам предстояло преодолеть еще около 1600 километров через всю Турцию к подножию Арабата.

* * *

По дороге к заветной цели пилигримовскому «спец-назу» выпали непростые испытания.

Командным составом нашей экспедиции было принято решение сделать небольшой крюк и, отклонившись от чудесной трассы, искупаться на южном берегу Черного моря. Купив несколько арбузов, как быстро сообразили наши мальчишки, в три раза ниже стартовой цены, мы оказались в каком-то курортном городке с другой стороны Черного моря от уже известного пилигримам южного берега Крыма.

Накупавшись вдоволь и отведав специально купленный мной набор восточных сладостей, мы отправились дальше, пытаясь вернуться кратчайшим путем от моря к нашей

Покорение Арарата

трассе. Однако нас ожидало серьезное испытание. Вместо двух часов пути мы влипли в историю, которая растянулась на всю ночь. На карте, которую мы использовали, трасса выглядела весьма солидно. Однако через полчаса асфальт закончился, и мы стали двигаться по грунтовке. Дорога становилась все уже и все выше забиралась в горы. В конце концов, мы попали на узкоколейку шириной три метра с огромными обрывами справа и высокими скалами слева. Признаюсь: подобное я видел только в голливудских фильмах. Со скоростью 15 километров в час с очень горячими молитвами на устах и вздохами на каждом 180-градусном повороте, которых было сотни в ту ночь, мы продвигались в горных облаках. Этот ужас продолжался до рассвета, пока на пике горного перевала мы не заглохли из-за того, что закончилось горючее. Высота — 2300 метров, видимость близка к нулю... Никаких населенных пунктов в нескольких часах езды от нас и дрожащие колени от страха езды по серпантинам. «Ничего себе, “скупнулись”!» — произнес наш водитель Вячеслав, количество адреналина в организме которого (впрочем, как и у всех) явно зашкаливало. Однако спасение пришло куда быстрее, чем мы могли предположить. Через некоторое время на грузовике по этому сумасшедшему перевалу перебирался грек Ахмед, выручивший нас дизельным топливом и в паре с нашим автобусом преодолевший остаток серпантина до первого поселка и заправки. На наш вопрос, почему такая «мощная» дорога, указанная на карте, отсутствует в реальности, Ахмед улыбнулся и сказал: «Русские строили еще при царе».

Последний день нашего путешествия к Арарату был насыщен впечатлениями. Мы въехали в районы проживания курдов, что нам ярко демонстрировали танки, зенитки и баррикады с обложенными мешками дзотами, а также с вооруженными автоматчиками. Недавнее военное противостояние курдов и турецкой армии с 20000 погибших

чувствуется здесь на каждом шагу. Количество военных баз и укрепсооружений впечатляет. По дороге мы с детвой изучали историю Турции по материалам, заранее подготовленным из интернета. Много интересного нам также поведал Сергей Кайфаджян, для которого, как для армянина, противостояния Турции и Армении не просто история, а личная боль. В некогда армянском городе Эрзурум, где когда-то жил его прадед, Сергей взял с собой горсть земли.

Напряжение на последних километрах чувствовалось везде: взгляды на автобус с украинскими номерами, христианским крестом на бампере, и армянином-инструктором не всегда были однозначными. Однако при более тесном общении мы встречали радушие, и напряжение постепенно ослабевало. Нас ждали друзья Сергея, которые предоставили пилигримовской экспедиции ночлег, еду и подготовили все необходимое для нашего восхождения.

И вот преодолев, наконец, в общей сложности около 3000 километров, мы увидели сквозь туман очертания нашей мечты. 5167 метров — такова высота заветной горы. Вот он, библейский Арапат, гора-легенда, вершина которой полна тайн и интриг. Мы здесь, а значит — невозможное — возможно! Вкусный ужин, первая ночь в постели за пять дней пути и быстрый отбой, от усталости больше похожий на потерю сознания, чем на процесс засыпания!

— Подъем в пожарной охране! — как всегда, вспоминая былое армейское время, скомандовал я.

— Ну, Арапат, держись! — воскликнул Каскадер, вылезая из-под одеяла.

— Ковчег, лучше сдавайся сам! — с интонацией профессионального дуэлянта, бросающего вызов сопернику, заявил Ара. — Мы идем!

— Поаккуратней с горой... и лучше на «вы», — предупредил Сергей Кайфаджян.

Покорение Арарата

Позавтракав, мы начали свое восхождение, и уже к вечеру, преодолев немало преград сперва на машине, а потом пешком, в сопровождении лошадей с нашей поклажей, разбили первый лагерь на высоте 3200 метров.

— Ну что? Тоже не спится? — спросил я у Кучки, который сидел у костра, закутавшись в спальнике.

— Правда, не могу заснуть, — поглядывая на вершину, прячущуюся в облаках над нами, ответил мой приемный сынишка, — вот он, Арарат!

— Стесняется, укрылся с головой, — увлекшись аллегориями, прокомментировал присоединившийся к нам Альт.

— Неужели мы, правда, сможем его «сделать»?

— Иногда мне кажется, что мы спим! — перевернувшись на бок лицом к костру, открыл глаза Каскадер. — Мы в Турции, на середине пути к Арарату!

— Спите, красавцы! Завтра тяжелый день — еще километр вверх нужно будет подняться. Следующая ночевка на 4200 метров — это вам уже не «цапки-пецки»! — перейдя на народные словосочетания, посоветовал Евгений Крутенко.

Однако в ту ночь никто не мог быстро заснуть. Напряжение, нарастающее по мере приближения к вершине, умноженное на усталость, и уже дающий о себе знать недостаток кислорода, а также существование тайны, которой окружена библейская вершина, — все это создавало неописуемую атмосферу сказки, в которой мы оказались главными героями. Самые смелые детские сны о приключениях, походах и опасностях стали реальностью и, возможно, именно поэтому было не до сна.

Следующий день выдался нелегким. Подъем на вторые сутки восхождения на 4200 метров стал для нас явным перебором и главной причиной того, что наша экспедиция оказалась на грани срыва. Набор высоты за два дня оказался слишком большим, а нагрузка явно превзошла все мои ожидания.

— Нам нужно было брать на восхождение минимум неделю, а не три дня, — сетовал я на очередном привале, любуясь умопомрачительными видами, более полно открывающимися с каждым метром подъема.

— Кого как, а меня уже, кажется, горняшка накрывает, — пожаловался Сергей Козырьков на симптомы пресловутой горной болезни. — Как же они говорили, что три дня достаточно для восхождения? — кивнул он в сторону наших проводников.

— А им что? — ухмыльнулся Алан, — им лишь бы побольше людей за этот месяц их наняло, а взойдешь или не взойдешь — это уже не их проблема.

— У наших проводников здесь только месяц в году работа есть, а семьи надо потом целый год кормить, — подтвердил версию Евгений Крутенко. — Вот и загнали они нас в нереальный трехдневный график подъема. Нам нужно было минимум брать неделю для акклиматизации.

— Как думаешь, шансы есть? — полушепотом, все больше наполняясь сомнениями, — спросил я Евгения.

— Открывается! Пастор, смотри, открывается! — вскричал Альт, указывая на впервые за эти дни выходящую из облаков вершину.

— Открывается! — вскакивая со своих мест и как будто забыв про невероятную усталость, орали наши пацаны. — Как будто специально нас зазывает! — сказал кто-то.

— Мы идем! — воскликнул Каскадер.

— Подъем! Привал закончен! Носы выше! — скомандовал я, пытаюсь вдохновить не только мальчишек, но и самого себя. — Эй, Арарат, сдавайся! «Пилигрим» идет!

Последняя ночевка перед штурмом вершины была абсолютным экстримом. Холод и сильный ветер, невероятная усталость и понимание того, что самое главное еще впереди, — все эти факторы в совокупности не давали заснуть никому.

Покорение Арарата

— Подъем в пожарной охране! — скомандовал я в час ночи, понимая, что не только я, но практически никто не спал от перенапряжения и волнения. — Выход к вершине через десять минут. Полная боевая готовность! Проверка экипировки через пять минут!

Оставив из-за сильной головной боли одного из пацанов в последнем лагере, мы начали восхождение в полвторого ночи. Но уже после первой сотни метров я приказал вернуться нашему дьякону, которого стошнило от горной болезни. Еще через сто метров я вынужден был отправить вниз пару мальчишек, видя их, мягко говоря, неважное физическое состояние. Еще один пилигрим, на которого я рассчитывал, пожалуй, больше всего, тоже был вынужден сдаться и отправиться вниз уже с высоты 4800 метров. Наши шансы на покорение вершины таяли с каждым мгновением.

— Что, совсем плохо? — спросил я Дуче, видя, как его коробит, — тебе нужно спускаться, — констатировал я очевидный факт.

— Нет, я дальше пойду, — упирался пацан.

— Пойдешь, только вниз, — не оставляя надежды на дискуссию, отрезал я. — Не расстраивайся, старик. Это не ваша вина, а моя. Это я не рассчитал, когда послушался наших инструкторов с их коммерческим трехдневным планом восхождения. — Уходишь вниз вместе со мной! Слишком далеко ушли от лагеря. Одному тебе нельзя.

— Жень, бери рюкзак с флагами, — скомандовал я своему сопастору. — Понимаю, что шансов немного, но вдруг сможете? — почти не имея надежды на реальность взятия вершины, произнес я. — Ты — старший, а я увожу Дуче вниз.

— Нет, пастор, я уведу пацана, а ты попробуй добраться за всех нас к этой красавице, — кивнул он на открывшуюся в рассветных лучах вершину, — вы должны добраться!

Непедагогическая поэма

Спасибо! — обнял я Женю. — Не уверен, что сможем, но будем сражаться до последнего. Попробуем. — Аккуратно на спуске! — Дуче совсем плохой.

С двумя взрослыми и четырьмя пацанами мы продолжали, казалось, уже нереальную попытку взять вершину и мало-помалу продвигались вперед. Лютый мороз под 20 градусов, с учетом почти сорокаградусной жары внизу, в долине, несмотря на то, что мы к нему готовились, стал серьезным испытанием и опять поставил наше восхождение под угрозу.

— Батя, пальцы дубеют! — упав в сугроб и пытаясь спрятаться от ветра за частью какой-то скалы, расплакался Кучка. — Проклятая обувь! Не греют, ни фига, эти носки! — горячился мой четырнадцатилетний сынишка, на котором были ботинки на несколько размеров больше, чем нужно. Эту проблему Кучка тщетно пытался решить, надев перед стартом пять пар носков.

— Мы с тобой должны начать немедленный спуск! — озвучил я очевидную истину, прекрасно понимая, что шансов на дальнейшее движение вверх с замерзающими пальцами у Кучки нет. — Минута отдыха и уходим! — скормандовал я.

— Батя, иди дальше! Я здесь подожду. Здесь осталось совсем мало!

— Не мели ерунду, сынок, мы должны немедленно спуститься. Ты через полчаса в сосульку превратишься, если остановишься. Я с тобой вниз, а ребята попытаются дойти.

Однако в этот критический момент подъема, когда наше восхождение уже казалось абсолютно невозможным, нам снова улыбнулась удача! Из-за снежного заноса вышла группа ребят, профессиональных горняков из Чехии, которые уже дошли до вершины и спускались вниз. Они забрали Кучку с собой, дав мне шанс продолжить подъем.

Покорение Арарата

Таким образом, Сергей Кайфаджян, Алан, Марио, Каскадер и я, всего лишь пятеро из стартовавшей десятки, двинулись дальше и спустя семь часов с момента начала восхождения взобрались на вершину!

— Боже! — расплакался я, упав на колени, в молитве, — спасибо, Отец! Ты чудесный, Господи! Ты дал нам сделать это!

Совершив короткую, но весьма содержательную молитву на вершине, я оглянулся вокруг и понял, что у нас возникли проблемы. И трудности не где-нибудь, а на пятикилометровой вершине Арарата. У Каскадера вид был совсем плохой, к тому же внезапно пошла носом кровь.

— Начинаем экстренный спуск! Ты молодчина! Сынок, я тобой горжусь!

— Па..? Мы это сделали?! — утирая нос с открывшимся кровотечением и не веря в реальность происходящего, спросил Каскадер. — Прости, я скрывал, что мне плохо. Мы ведь тогда бы не взобрались, и все сорвалось бы, — пытался оправдаться мой сынишка.

— За мной, герои! — обнимая Марио и Каскадера, сказал я. — Флаги «Пилигрима», Украины и наших партнеров — «почетых граждан “Республики”» на вершину подняты! Молитва о сиротах совершена! Слава Богу! Уходим быстро!

Сделав всего пару снимков на легендарной вершине, мы начали резкий спуск, и уже через пятнадцать минут Каскадеру, да и всем нам, стало легче дышать, к тому же мы смогли, наконец-то, укрыться от ураганного ветра, которому были предоставлены наверху. Через пару часов мы уже прибыли в лагерь, где вторая часть нашей экспедиции встречала нас поздравлениями! Несмотря на лютый мороз, отвратительную акклиматизацию и ураганный ветер, мы все были переполнены счастьем! Второй пятидесятитысячник под ногами бывших беспризорников!

Непедагогическая поэма

Еле живыми от усталости мы добрались до кемпинга и там, прийдя в себя только через сутки, благословили на поиски Ноева ковчега американского профессора из Техаса. Этот ученый прибыл на Арарат с серьезной экспедицией, получив разрешение от турецкого правительства на специальные раскопки в нескольких высокогорных районах. В его присутствии всей нашей команде были вручены дипломы покорителей библейской вершины с указанием высоты, на которую каждый смог добраться, после чего, собрав свои потрепанные восхождением манатки, мы начали обратный путь. Искушавшись в чудесном и легендарном озере Ван, мы направились в Стамбул вдоль Средиземного моря, в волнах которого мальчишки, выросшие в мариупольских подвалах, имели возможность, хоть и немного, из-за недостатка времени, но все же здорово порезвиться.

Ну как, поднялись? — встречал нас старпом на «Южной Пальмире».

— А как же! — отрапортовали пацаны с улыбкой.

— Ну, а Ковчег нашли?

— Нет, надо же что-то на другой раз оставить!

Моя пасторская «Гвардия» ИЛИ ПРИВЕТ ЗЕМЛЯНАМ!

Второе дыхание является реальностью, которую мы можем использовать к своей выгоде. Оно скрывается за первым слоем усталости — естественным сигналом о том, что мы должны ослабить усилия, иначе причиним вред своему телу. Обычно мы останавливаемся, когда сталкиваемся с этим препятствием. Однако если сила необходимости заставляет нас двигаться вперед, происходит удивительная вещь. Боль и усталость усиливаются до предела, а затем все внезапно исчезает, и мы чувствуем себя свежими и полными сил...

Психолог Уильям Джеймс

К восьмому году деятельности «Пилигрима» мы, наконец, смогли начать реализовывать свою давнюю мечту — создавать семейные детские дома.

После того как первый из них, «Орлиное гнездо», начал действовать, для нас еще более очевидным стало преимущество именно этой, по-настоящему «домашней» модели в работе с детворой. В селе Червоное, по соседству с нашим базовым реабилитационным центром, мы смогли приобрести второй, а затем и третий домик для создания приемных семей.

— У меня нет денег, — осмотрев еще один продающийся здесь же участок с небольшим, но вполне пригодным для проживания строением, — сказал я хозяину. — Но мне на днях подарили машину. Дайте мне две-три недели: я продам ее и расплачусь.

— По рукам! Только вы не передумаете? — спросил он.

— Нет, в этом вопросе точно нет! — пообещал я. — Вот только бы машина продавалась быстро.

— Ну, тогда можете заезжать хоть сегодня, пожимая руку, предложил продавец. — Вас с «Пилигримом» все время по телевизору показывают. Я знаю — вам можно доверять!

Продать машину в указанные сроки мы не смогли из-за юридических трудностей, но за это время Господь благословил нас через две семьи почетных граждан нашей «Республики» Андрея и Жанну Пристатских из Пенсильвании, а также через Тимофея и Людмилу Игнатьевых из Сакраменто. С их помощью уже через месяц мы смогли расплатиться за этот дом, а машина, подаренная мне нашей прихожанкой Наташей Морозовой и ее мужем Майклом, к немалой радости моей жены, осталась у меня. «Пилигрим» получил ресурс для создания еще одного детского семейного дома.

К тому времени я уже много лет работал на пределе человеческих возможностей. Помимо бесконечных ежедневных, выматывающих до полубоморока пасторских обязанностей, на мне было и руководство Благотворительным фондом «Пилигрим», и генеральная ответственность

Моя пасторская «Гвардия»

за работу наших взрослых уже стремительно развившихся к тому времени реабилитационных центров. К тому же мы начали открывать дочерние церкви и работать в тюрьмах, наши служители сотрудничали с больницами и глухонемыми, детьми-инвалидами и бомжами на улицах, активно развивалось наше видеослужение, что также требовало моего постоянного вклада. Все это и многое другое напрягало со всех сторон, и жизнь шла, что называется, «на разрыв». Частые, а порой и затяжные командировки для того, чтобы все это работало и хотя бы понемногу развивалось, также добавляли мне головной боли как в прямом, так и в переносном смысле. Однако сложности, возникшие с ребятами, которые проявили желание создать при «Пилигриме» еще одну, новую приемную семью, серьезно озадачили меня... Несколько мальчишек, которые уже начали жить в новом купленном нами доме, остались без присмотра, поэтому решение назрело само по себе: я перебрался к ним.

— Лена, у меня нет другого варианта. Мы должны что-то придумать, — попытался я завести разговор с женой. — Но это временно, на несколько недель...

— Знаю я твои несколько недель, — улыбнулась моя возлюбленная. — Они уже семнадцатый год длятся. Конечно, езжай. Надо разрешить ситуацию. А я буду тебя проводить, — поцеловав меня на дорожку, пообещала супруга, не избалованная моим присутствием дома.

— Спасибо! Ты у меня фантастическая женщина! — ответил я, обнимая ее. — Настоящий зам по тылу!!!

Таким образом, на полных парах и на пределе сил от перегруза я переехал в Червоное. На ближайшем семейном совете вместе с родными дочками и женой было принято решение о том, что мы беремся за создание еще одного семейного детского дома.

— Не самое подходящее время, — показывая на кроватку с нашим девятимесячным сынишкой, Семеном Мохненко,

констатировала Лена. Но что делать? Прорвемся! Не впервой ведь, — улыбнулась она своей очаровательной улыбкой. — Как будто у нас есть другие варианты.

— А как назовем нашу семью? — спросил Кучер уже на следующий день на первом объединенном совете теперь уже всей приемной семьи.

— «Ежики в тумане»! — расхохотался кто-то.

— Лучше «Поросята в чулане», — предложила Лена, укаывая на беспорядок в комнате, где мы собрались.

— Назовем «Гвардия»! — заявил я. — Вы же у меня настоящие гвардейцы!

— Класс! «Пасторская гвардия»! Круто! — заявил малыш по кличке Марс.

Свое прозвище он получил за чрезвычайную рассеянность и непригодность к земному быту. Выросший на улице с матерью-алкоголичкой, он промышлял попрошайничеством на перекрестках и у входов в магазины. Но однажды одна сестричка из нашей церкви привела его с матерью к нам, в «Пилигрим». Мать, оставив нам сынишку, уехала в один из наших реабилитационных центров. После нескольких побегов и продолжительного лечения в тубдиспансере она умерла, вернувшись в реабилитационный центр и покайся всего за несколько недель до смерти.

Каскадер, вернувшись из закрытого интерната, к тому времени уже был у меня под опекой. Там он находился три года за то, что во время грабежа в одном крутом доме, пока старшие ребята искали всякие ценности, «жестоко» обворовал хозяев. Прямо от дверей дома тогда еще десятилетний мальчишка отправился к холодильнику и, обнаружив в нем кастрюлю с борщом, приложился к нему от души и полностью уничтожил сей продукт. Уже позже он, улыбаясь, вспоминал, что в том борще, который обошелся ему в три года, не было ни единого кусочка мяса. Поскольку отец Каскадера сильно пил и был лишен родительских прав, а мать

Моя пасторская «Гвардия»

посадили за наркотики, то решением суда пацана отправили в закрытый специализированный детский интернат, где он и прожил почти до 14-ти лет.

В том, что мои гвардейцы прилетели к нам с другой планеты, у меня лично нет никаких сомнений. Доказательство тому — их бесчисленные выходки: то посуду, которую вместо мытья кто-то повадился прятать в огороде, чтобы не напрягаться во время своего дежурства, то были выбиты лутки дверей в первый же день после завершения капитального и достаточно дорогостоящего внутреннего ремонта. Добавьте к этому свойственное большинству бытовое разгильдяйство по всем направлениям: от нестиранных носков до нечищенных зубов и вы получите самую, что ни на есть, настоящую картину пришельцев.

— Доброе утро, доблестная «Гвардия»! Наступил новый день, и у него есть к вам несколько вопросов! — восклицал я, как всегда громогласно объявляя подъем. — Надеюсь, вы способны дать ему достойные ответы! Пять минут для убранных постелей, умытых мордашек и почищенных зубов! Время пошло! Четыре минуты пятьдесят секунд!

— А нам все равно! — начал свою песенку из-под одеяла Кучер, опытным путем просчитавший, что ему на все процедуры необходимо не более трех минут. — Мы успеем! И не залетим! — напевал он, явно напрашиваясь на то, чтобы я взъерошил его роскошную шевелюру.

— Подъем, сынишки! — продолжал командовать я. Постели убраны, считаю дракончиков!

— Первый пошел! — имитируя размах крыльями и дыша на меня зубной пастой, — заявила Белоснежка.

Она, как и все мои ребята, появилась у нас из разрушенной семьи: мать-алкоголичка, то появлялась на короткое время в семье, то вновь растворялась где-то в безызвестности, а также здорово пьющего отца. Девочка, прожив больше двух лет в приюте, совсем недавно перекочевала к

Чепедагогическая поэма

нам, и хоть с трудом, но стала оттаивать в «домашней» обстановке.

— Батя, Белоснежкин дракон не засчитывается! — как всегда вставил свои «пять копеек» самый говорливый гвардеец Чиба. — Она хвостиком не вильнула! Что за дракон без хвостика? — развлекался пацан, подтрунивая над своей приемной сестрой.

— Тридцать секунд! Недосчитываюсь дракончиков! — громко давал я обратный отсчет. — Кто не успеет, тот в зачете! Двадцать... пятнадцать...

— Успел! Успел! Успел! — подлетев и дыхнув «Колгейтом», заявил Чеченец, прозванный так в своем селе за постоянную деструктивную подростковую террористическую деятельность.

Как и Чиба, Чеченец появился в нашей «Гвардии» недавно. Мать последнего умерла от пьянства, отец, имея другую семью, отказался от пацана, который уже с пяти лет начал выпивать, а с семи регулярно баловался коноплей. Пацан остался жить в разваленном сарае с изрядно закладывающей за воротник бабушкой. По ночам он промышлял воровством.

— Пастор, возьмите пацана к себе, — в очередной раз обратились ко мне чиновники.

— Нет, дорогие! Мне некуда. Вы же знаете... У меня и так в домике спать негде. — Нет, я не могу. — Пытался я сопротивляться.

— Ну хоть поговорите с ним! Пропадет пацан. — Зная, как меня зацепить, попросили они и привели его ко мне в кабинет.

— Ну привет, гвардеец! Как жизнь? — пытался я заговорить с хлопцем.

— Ничего, — лаконично ответил он, будучи явно не расположен к общению.

— Значит так: сегодня едешь ко мне в гости, а дальше будет видно.

Моя пасторская «Гвардия»

— В гости? — ожил мальчишка. — А куда?

— На Кудыкину гору! — улыбнулся я.

— Па... — не заметив нового уровня наших отношений, связанных с этим коротким словом, уже на третий день спросил он: — А можно я на велике прокачусь?

— Можно, сынишка! Конечно, можно! Только недолго: скоро молитва и спать.

Хоть и со скрипом, и с несколькими побегам за первые полгода, объясняемыми не мудреными философскими концепциями, а простыми, например: «Не знаю сам, чего ушел» или «Бухать хотелось... курить...», — но все же мальчишка явно пошел на подъем и мало-помалу стал отвыкать от своих бомжатских привычек.

— Завтра со мной на съемки в Славянск едет, нагнетал я интригу, — Чиба!

— Ура!!! — воскликнул обрадованный мальчишка.

— А ты раньше в каких городах бывал? — спросил Чеченец, явно намекая на свое превосходство, уже побывавший со мной в такой же поездке.

— Да не был я нигде, кроме Мариуполя! — но теперь с батей...

— Уже на следующий день Чиба подсчитывал населенные пункты по пути своего следования, прибавляя их один за другим к Мариуполю, своему родному и единственному до этого городу в жизни.

— 12! — огласил он, в конце поездки посчитав все поселки, которые мы проезжали за городом. — Вот теперь какой я крутой путешественник!

— Кто спорит: Миклуха ты наш, Маклай! — поздравил я пацана.

В свои почти пятнадцать лет он прибыл в «Пилигрим», не зная ни единой буквы и не имея за спиной ни одного дня школы и ни единого документа, подтверждающего его личность. Мать-цыганка бросила мальчонку, когда ему

исполнилось всего четыре месяца. Обворовав отца, она просто оставила ему ребенка и исчезла «с концами» и с вещами. Больше о ней никто ничего не слышал... Батя, будучи алкоголиком, попал в какое-то рабство к цыганам, где по последним данным и пропадает. Так и рос мальчишка, перебиваясь попрошайничеством и воровством. В ближайшее время мы вместе с Чибой планируем предпринять ряд мер по розыску его отца. И очень надеемся на удачу.

Хотя надо признать, что не всегда розыск родителей моей детворы можно считать успешным.

— Кучер, мы нашли адрес, по которому ты когда-то жил с матерью. Сегодня попробуем попытаться счастья и заедем, — объявил я своему сынишке и добавил: — Кто знает, может еще жива?

— А ты сколько ее уже не видел? — спросил Чиба, потевший от жары. — 14 лет назад.

— Ну, с пяти лет, то есть семь годков прошло...

В этот же день, хоть и после ряда мытарств, мы смогли найти нужный дом в Донецке. Всю дорогу обычно разговорчивый пацан молчал. Мне казалось, что я читаю его мысли. По всем признакам нас, вероятнее всего, ждали плохие новости. Слишком мал был шанс застать в живых маму, допившуюся еще семь лет назад до лишения родительских прав.

— Этот дом? — спросил я Кучера. — Похож?

— Не уверен, но вроде того...

Заколоченные окна сарайчика в пригороде Донецка, только усугубили наши сомнения относительно удачного исхода миссии.

— Кого вам? — спросила как всегда появляющаяся в таких случаях, бодрствующая при виде незнакомцев старушка-соседка.

— Здесь когда-то жила Лена? Лет семь назад... Не знаете, жива ли она? Живет ли здесь?

Моя пасторская «Гвардия»

— Жива, — улыбнулась соседка. — А вы кто ей будете?

— Я, Серега. Я ее сын... Ну, в смысле был когда-то... Я здесь рос, — явно вздохнув с облегчением, затараторил Кучер.

— А как бы нам ее найти? — спросил я, поглядывая на часы, поскольку до моего поезда из Донецка в Киев оставалось уже меньше часа.

— Да она здесь рядом работает.

Уже через пять минут мы подъехали к кафе, на которое нам указала соседка. У входа стояла женщина, к которой я впопыхах и обратился.

— Вы не подскажете, здесь работает Елена Владимировна?

— Я Елена Владимировна, а что?

Немая пауза, вызванная нестандартностью момента, длилась несколько секунд, но, осознав, что никто из участников диалога не может вот так, слету, признать родства, я взял инициативу на себя.

— А вы не узнаете этого молодого человека? — показывая на своего приемного сына, спросил я.

— Присмотревшись, она спросила: — Сережа?

— Ну, обнимитесь что ли? — предложил я, слегка подтолкнув Кучера вперед.

Встреча была, мягко говоря, трогательной. Увидеть мать рядом с сыном, о жизни которого она ничего не знала семь лет, было очень приятно. Тем более, что она оказалась трезвой и неплохо выглядела. Приятным моментом этой встречи стало знакомство моего сынишки со своим почти четырехлетним братиком, о существовании которого он, естественно, ничего не знал. Грустной нотой нашего визита стало известие о том, что отец (как это ни странно звучит) моего сынишки был убит в какой-то пьяной потасовке.

После этой короткой встречи Кучер несколько раз приезжал к матери и братику, однако все мои приглашения

посетить Мариуполь, посмотреть, как живет ее сыну, несмотря на многократные обещания, так и остались до сих пор нереализованными. Хотя я и пообещал полностью профинансировать визит матери к сыну, понимая всю важность для Кучера нормализации отношений с ней, она так ни разу и не приехала. В конце концов, ее телефон перестал отвечать, и, честно признаться, я сомневаюсь на данный момент в необходимости дальнейших попыток поддержания этих отношений. Как ни грустно это констатировать, но, может быть, для мальчишки проще было бы узнать, что матери нет в живых, чем понимать, что она живет всего в часе езды от него, но при этом абсолютно не интересуется его жизнью.

— Так с моими гвардейцами - «пришельцами» мы очень быстро стали одной приемной семьей. Хотя возможности нашего домика весьма ограничены, что заставляет нас с супругой прибегать к своеобразному вахтовому методу, но мы надеемся в ближайшее время решить эту проблему, пристроив дом и объединив всю нашу семью. А пока в надежде на открытие второго дыхания мы движемся вперед, читая книги, осваивая географию на полюбившейся нам карте мира, познавая компьютерную грамотность, без особого успеха воюя с заросшим за годы запустения огородом. Но, несмотря на все недостатки нашего специфического семейного детского дома, «Гвардия» движется вперед.

Совсем недавно, набирая на компьютере свои плановые двести слов, наша Белоснежка написала следующее: «Пастор — мой опекун; мне нравится жить с ним, у меня появилось много друзей, я с ними быстро нашла общий язык, я поездила по многим местам, где я еще не была; у меня не было такой счастливой жизни. Того, чего мне не хватало, я нашла в жизни у другого человека...»

— Я хотел бы велосипед, — сказал Марс, сидя за праздничным столом на прошлый Новый год.

Моя пасторская «Гвардия»

— Я мечтаю о роликах, — разоткровенничался Чеченец, когда до него дошла очередь загадывать желания.

— Я хочу хорошо закончить этот учебный год и поступить дальше учиться, — заявила так сильно повзрослевшая за прошедшие полгода Богдана.

— А я — чтоб мама не ругала и Богдана не обижала, и чтоб Семен побыстрее подрос, и реже в штаны делал, — улыбнулась Ульяна.

— А мне, а мне и не надо больше ничего! — ошарашил всех Чиба. — Я еще три месяца назад на улице жил, а теперь у меня все есть: и семья, и родители, и дом, и братья с сестрами. Что мне еще надо?

Незаконченная книга или беспризорники против спецназа

*Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.
Ты видишь: ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.*

Борис Пастернак

Попытка закончить эту книгу обречена на провал. Причина тому — жизнь «Республики Пилигрим», которая кипит настолько бурно, что каждый день

подбрасывает все новые драматичные и комичные сюжеты. Многие из них даже по отдельности тянут, как минимум, на автономную главу, поэтому я просто обречен не на завершение, а на решительное, волевое прекращение писательского процесса. По этой причине я дал обет моему издателю, что данная глава станет последней. Однако ее написание растянулось на несколько частей, прерываемых весьма радикальными событиями.

— Пастор, у нас ЧП! — зайдя ко мне в кабинет, оторвала меня от попытки дописать последнюю главу наш директор Татьяна Николаевна.

— Это совсем не новость, у нас каждый день ЧП! — попытался не отвлекаться я, все еще надеясь закончить рукопись, и, наконец-то, отправить ее моему уже изрядно заждавшемуся издателю. Однако, зная, что Татьяна по пустякам бы не тревожила, все же отодвинул компьютер. — Что именно произошло сегодня?

— Вчера какая-то дамочка крутилась возле «Пилигрима» и, обещая подарки, выманила, а затем увезла с собой одиннадцатилетнюю девочку. Мальчонку, который был тому свидетелем, сначала запугала, а потом за обещание молчать дала двадцать гривен.

— И? — спросил я, поторапливая директора и понимая, что назревает неладное, а мои планы по завершению рукописи придется на сегодня отложить. — Девочка где?

— Она уже здесь. Мы ее утром нашли недалеко от «Пилигрима». Вчера пацан нам соврал, что она, мол, ему сказала, будто решила убежать, а утром заявил, что просто сдрейфил. А теперь совесть за ночь заела, раскололся и выложил всю историю про эту тетю.

— Давай ее ко мне, а потом сразу этого «рыцаря» раскайвавшегося.

Из беседы с одиннадцатилетним ребенком я узнал весьма пикантные подробности о «заботе» (как оказалось

беременной на восьмом месяце) тети и ее тридцатилетнего «борова-сожителя». Мне в который раз за годы работы «Пилигрима» захотелось хотя бы на некоторое время забыть, что я пастор, и превратиться в какое-нибудь орудие правосудия.

— Мерзавцы! — сжимая кулаки от бессилия, констатировал я неоспоримый факт. — Ну, а ты-то, почему пошла с ней? Голова-то хоть должна быть на плечах?

— Она мне обещала кофточку купить и на качелях покачать, а я подумала, что погуляю с ней и потом сразу вернусь, — пыталась оправдаться девчужка, которая выросла в семье алкоголиков и не одну ночь уже провела, бродя по улицам и побираясь у повстречавшихся добродетелей.

— Принцессу и «рыцаря» в машину! Едем к руководству милиции! — скомандовал я. — Мы этих «меценатов» из-под земли достанем!

Весь этот день вместо намеченной работы над последней главой этой книги я провел в кабинетах, начиная от роскошных апартаментов руководителей города до обшарпанных комнатушек рядовых оперов. Последние проводили допросы и брали показания у детворы о том, как выглядит «парочка», судя по всему, не в первый раз ворующая детей из детских домов и обещающая ребятам всяческие подарочки.

Уже ближе к вечеру, возвращаясь с ребенком и милицией от судмедэксперта, я въехал в огромную лужу прямо в центре Мариуполя и, застряв посреди нее, убил двигатель своей машины. Милицию пришлось пересаживать в другой транспорт, и они уже без меня отправились на поиски места, где проживает столь «заботливая» и сексуально озабоченная парочка. Поиски после непродолжительных мытарств все же увенчались успехом — девочка узнала дом, а ребята-оперы быстро вычислили квартиру. Только тогда я понял, что поломка моей машины была, возможно,

единственным способом, с помощью которого Господь сохранил меня от беды и скамьи подсудимых.

Брюхастое грязное существо псевдомужского пола, нагло развалившееся в кресле, встретило милицию и директора «Пилигрима» хамством и требованием немедленно покинуть дом и не тревожить его находящуюся «на сносях» подругу. Отрицая все те мерзости, которые поведала нам девочка и говоря о том, что они всего лишь позаботились о ребенке, купив ей одежду (дважды за вечер) и накормив досья (мол, не так, как в детском доме), это «чудо» дерзило Татьяне Николаевне и сотрудникам милиции, общаясь по телефону со своим адвокатом и указывая на неправомерность вторжения сотрудников Управления внутренних дел без соответствующих санкций.

— Пастор, хорошо, что вас там не было! — констатировала наш директор. — Вы бы точно сорвались прямо в квартире этого мерзавца и беды бы натворили!

— Аминь! — неохотно согласился я, понимая, что данное замечание, увы, справедливо, а я (в силу моих духовных немощей), как уже случалось ранее, мог просто сорваться.

Уже вечером того, не сложившегося дня (в смысле дписывания этой последней главы) у меня в кабинете сидел руководитель милиции очень высокого уровня, который обещал, несмотря на сложность дела, предпринять все возможное, чтобы эти люди понесли наказание. Однако весь мой опыт работы в этой сфере показывает, что это будет очень непросто и вполне может заглохнуть на начальной стадии.

Вторую попытку дописать последнюю главу «Непедагогической поэмы» прервала весьма приятная новость.

— Пастор, мы победили! — кричал в телефонную трубку Альберт. — Суд принял решение: мне вернули опеку над сыновьями! Спасибо, пастор! Спасибо вам, «Пилигриму»,

церкви, всем! Если бы не вы, меня бы кинули на нары, а детвору сломали бы в интернатах или психушке!

— Слава Богу! — от всего сердца возликовал я. — Это, правда, хорошая новость. Честно говоря, я тоже не до конца верил, что мы выиграем в этой истории. Поздравляю! Обними от меня пацанов!

Эта история, начавшаяся несколько месяцев назад, достойна не только отдельной главы в книге, но, пожалуй, формы какого-нибудь специального детективного приложения. В ней было все. Во-первых, это бесспорный подвиг приемного отца, приютившего в своей семье двух сирот, взявшего их под опеку и прожившего с ними четыре года под одной крышей. Во-вторых, подлость чиновников, на деньгах детей накручивающих огромные барыши, проводивших огромные суммы в своих банках под мизерные, просто ничтожные проценты. В-третьих, наглость ряда криворожских бюрократов, которые своим решением о снятии опеки с чересчур принципиального (по их беспринципным понятиям) опекуна, стали инструментом расправы коррупционеров. Был в этом сюжете и беспредел милиции, открыто угрожавшей приемному отцу расправой, избившей его, а также его приемных подростков и забравшей их силой в приют из семьи, где они прожили четыре года! Было огнестрельное ранение опекуна в ногу в темном переулке, угрозы подкинуть наркотики в карман с последующей транспортировкой на зону.

Во второй, уже мариупольской части этой криминальной истории, события достигли апогея. После того, как приемный отец, пытаясь укрыться от угроз, насилия сотрудников УВД и бесстыжих чиновников, попросил защиты у «Пилигрима» и прибыл к нам на Старый Новый год, в Мариуполь пожаловали сотрудники милиции из Кривого Рога.

— Мы приехали, чтобы забрать детей, убежавших из приюта, — заявил разволновавшийся майор, войдя ко мне

в кабинет. — Они находятся в розыске, поэтому мы должны их вернуть.

— Я поздравляю вас, дети нашлись! Они обратились к нам за помощью и обвиняют сотрудников милиции вашего города в угрозах, в избиении их самих, в избиении их приемного отца, а также в огнестрельном ранении, которое, по его словам, он получил от сотрудников МВД, — объяснил я нашу позицию, стараясь сдерживать эмоции. — В сложившейся ситуации они, конечно же, с вами никуда не поедут, поскольку категорически отказываются иметь с вами дело. Мы будем разбираться в этой весьма странной истории и защищать права этих подростков, а также их опекуна.

— Они находятся в розыске! — повышая тон и наивно полагая, что это на меня подействует, заявил майор.

— Я вас от всего сердца поздравляю! Они нашлись: сыты, обуты, одеты и им ничего не угрожает. Они отказываются с вами ехать, поэтому останутся у нас, — сухо отрезал я.

— Они находятся в розыске! Вы что, станете препятствовать сотрудникам милиции выполнять свои служебные обязанности?

— В ваши служебные обязанности не входило наносить телесные повреждения подросткам, врываться в их дом и избивать их приемного отца, — начал заводится я. — Если у вас нет ордера на арест, а его у вас нет, то подростки останутся у нас и, поверьте, мы разберемся в этой детективной и омерзительной истории!

Диалоги с прибывшими сотрудниками криминальной милиции по делам детей заняли три часа и оказались тщетными. Мальчишки на отрез отказались ехать с ними, а последние, в свою очередь, не решались применить силу в кабинете пастора.

Однако это впечатление оказалось обманчивым. Во время переговоров «менты», успевшие изрядно мне нахамить,

вызвали подмогу и вскоре в «Пилигрим» ворвались с автоматами наперевес какие-то спецназовцы.

— Разговоры закончены, мы забираем пацанов! — вперемешку с матерной руганью ворвавшихся автоматчиков заявил прибывший майор.

— Нет, ребята! Это уже слишком! — в конце концов, сорвался я, заслоняя перепуганных мальчишек в углу моего пасторского кабинета. — Видит Господь, я хотел по-человечески, но, наверное, не тот случай! Видимо, вы много делов натворили! Хотите все загладить, но так не пойдет!

— Вы будете препятствовать правосудию? — продолжал давить на меня майор.

— Что вы, упаси Бог! Наоборот — я не дам совершиться беззаконию! — блокируя подступ к пацанам, заявил я. — Если у вас нет ордера на арест этих несовершеннолетних, прошу немедленно покинуть мой кабинет и помещение детского дома!

В накаленной до предела обстановке помощь пришла неожиданно, с самой непредсказуемой стороны. Кто-то из наших сообразительных мальчишек увидев, что страсти в пасторском кабинете накалены до предела, объявил тревогу. Изо всех щелей мгновенно посыпалась детвора и, протискиваясь между сотрудниками милиции, стала набиваться в мой кабинет. Заслон из бывших беспризорников за несколько секунд стал настоящей стеной между мной, кривоножскими подростками с одной стороны и милицией, ворвавшейся к нам с оружием, с другой стороны. Накал страстей достиг апогея.

— Ну и что дальше, майор? — спросил я. — Может, в рукопашную сойдемся? Так вам ничего не светит! Ты глянь, какие у меня орлы! — констатировал я, показывая на забивших мой кабинет до отказа и блокировавших коридор мальчишек.

— Какой пример вы подаете детям? — вдруг вспомнил о педагогике сотрудник милиции, только что сменивший привычный мат на грубый человеческий язык.

— Отличный, «Макаренко» вы наш! — не сдержавшись, поддержнул я. — Очень даже классный пример! Один, пожалуй, из самых лучших примеров в их жизни. Пример того, что человек в погонах — не Бог, а чиновник в кабинете — не Всемогущий. Очень важный пример! Он им в жизни не раз пригодится! Дети останутся здесь, а мы будем разбираться в их претензиях к вам и вашим коллегам в другом месте!

Напряжение стало спадать только к ночи, когда после звонка из заблокированного нашей детворой кабинета я связался с руководством города. Несмотря на праздничный день, уже через восемь минут в «Пилигрим» прибыло два мариупольских подполковника. Через десять минут после вторжения автоматчиков в «Пилигрим» на место происшествия уже прибыл первый журналист с видеокамерой, и все это явно отрезвляюще действовало на зарвавшихся сотрудников УВД.

Оставляя в стороне детали того бурного вечера, упомяну лишь о том, что на следующий день к нам экстренно прибыл помощник министра внутренних дел, который, вникнув в сложившуюся ситуацию, одобрил мои действия. Долгие выяснения в прокуратуре по этой запутанной истории, казалось, тоже не могут разрешить проблемы, но, в конце концов, усилиями нашего городского руководства, которое в очередной раз проявило и гибкость, и мудрость, представителей СМИ, тотчас собравшихся на пресс-конференцию по данному поводу и поднявших эту проблему на центральных телеканалах Украины, — все это привело к тому, что в тяжелом поединке мы одержали победу. Майора, преподававшего мне в кабинете «педагогику» вперемишку с угрозами и хамством, как говорят у нас, «ушли» из органов. Чиновников, проявивших небывалое рвение в

прикрыти коррупции вышестоящих чиновников, поостудили. После нескольких месяцев борьбы — и физической, и психологической, и юридической — судья вынесла приговор и отменила глупое и позорное решение о лишении опеки приемного отца.

В тот день, когда я в очередной раз собрался дописать последнюю главу, к нам вновь прибыло центральное телевидение, чтобы отснять очередной репортаж и засвидетельствовать, к сожалению, пока достаточно редкий случай, когда человек и его гражданская позиция оказались сильней системы, не позволив этому бюрократически-криминальному «катку» прокатиться по судьбам взрослых и детей.

На следующий день, вместо того, чтобы дописать эту главу, я провел замечательный вечер с приемными родителями в нашей церкви. Благодарение Богу за то, что очень многие люди в «Церкви Добрых Перемен» усыновили или взяли под опеку сирот. Не будет преувеличением сказать, что своеобразная «эпидемия» охватила нашу общину в последние годы, а для большинства «откровение об усыновлении» (как мы это называем) стало причиной появления в их домах детворы. Вместе с ними и с командой единомышленников во главе с Петром Дудником и Сергеем Демидовичем мы начали проект национального усыновления «Ты будешь найден!», а также стали одними из инициаторов создания национального альянса с весьма амбициозными целями, выраженными в его названии: «Украина без сирот!».

Разве можно закончить эту книгу, не написав о каждом ребенке, принятом в семьи христиан? А чтобы описать все те чудеса и всю ту радость, которую Господь дал приемным родителям и их деткам только в наших церквях, понадобится, как минимум, написать еще несколько томов.

Последний день, в который я планировал уединиться и подвести черту в нашей летописной истории, стал днем

Незаконченная книга

нашего с женой бурного сражения в Службе по делам детей. Если в ближайшее время мы не найдем выхода из очередного бюрократического тупика, придется вновь идти на штурм кабинетов, в бумагах которых, как в болоте, увязают судьбы детворы. Надеюсь на благополучный исход дела, я все же обдумываю вариант объявления голодовки со своими приемными сыновьями в кабинетах высокопоставленных чиновников, в случае, если они не пошевелятся и не найдут варианта решения запутанных вопросов моей детворы и защиты их прав.

Как видно, попытки плавно и толково завершить сюжет «Непедagogической поэмы» обречены на провал. Поэтому я просто посреди кипящей пилигримовской жизни прерываю писательский процесс.

* * *

Вырвавшись из круговорота дел и прилетов вчера на две недели в США для служения в церквях Северной Каролины, я оказался в доме почетных граждан нашей «Республики» Лили и Андрея Черноус. Выспавшись впервые за пару месяцев и уединившись на следующее же утро, я, наконец-то, выполняю свое давнее обещание и дописываю эти строки.

С рассвета у меня ощущение, что я вернулся с фронта куда-то в тыл, на побывку. Слишком тихо и чересчур спокойно для меня здесь, вдали от нашего «Государства бывших беспризорников». Идеальная обстановка для выхода на творческую финишную прямую.

Однако прежде чем поставить точку, я еще раз хочу сказать сердечное «спасибо!» всем, кто на протяжении этих почти десяти лет творил своими сердцами, руками, финансами добро. «Братья мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом!» (1 Коринфянам 15-58).

И уже совсем напоследок... Еще раз хочу воздать Славу Тому, Кто вдохновил и вдохновляет наши сердца и сердца

миллионов людей по всему миру на служение детворе, Тому, Кто есть Источник всякого блага и любой настоящей добродетели. Тому, «пред лицом Которого пишется памятная книга...» (Малахии 3-16). И что-то мне подсказывает, что эта таинственная, загадочная небесная книга о нас с вами, о земных «пилигримах», отчасти тоже в каком-то смысле «Непедагогическая поэма».

Благотворительный фонд «Пилигрим» при «Церкви Добрых Перемен» реализует крупнейший реабилитационный проект на территории Украины для взрослых и подростков, имеющих наркотическую зависимость. Ежедневно в центре детской реабилитации «Республика «Пилигрим» проходят адаптацию десятки подростков самой сложной социальной категории. Немалая часть воспитанников ВИЧ-инфицированы.

Благотворительная деятельность фонда касается также людей, которые находятся в тюрьмах, туберкулезных больницах, онкологических центрах. Ведется активная работа с детьми-инвалидами, а также с глухонемыми. При фонде действует адаптационный центр, помогающий людям, прошедшим реабилитацию или вернувшимся из мест лишения свободы, войти в жизнь, восстановить документы, трудоустроиться и получить временное жилье.

Благотворительный Фонд «Пилигрим»

нуждается в вашей поддержке.

Узнать, чем вы можете поучаствовать в нашем труде, можно написав нам по адресу:

***87556, Украина, Донецкая область, город Мариуполь,
пер. Трамвайный, 10-а***

**e-mail: fund.pilgrim@gmail.com
boravlev@gmail.com**

или позвонив по телефонам:

+38-067-625-79-30

+38-067-911-52-94

Наш сайт:

www.republicpilgrim.org

ББК 266.3

М 74

Мохненко, Геннадій.

М 74 Непедагогічна поема. — К. : Християнське біблійне братство св. апостола Павла, 2010. — 416 с.

ISBN 978-966-7698-57-7

Сьогодні перед нами особливо гостро постає проблема безритульних дітей — хлопчиків і дівчаток, що опинилися поза бортом суспільного життя та залишилися самі. Що чекає їх на цій нелегкій дорозі, яку ціну їм доводиться платити, щоб хоч якось триматися на плаву і не бути знищеними цим жорстоким світом? «Непедагогічна поема» — повість, написана на основі реальних історій із життя безритульних дітей, яка змусить читача переосмислити своє ставлення до маленьких бродяг і, можливо, навіть надихне стати безпосереднім учасником добрих змін у їхньому житті. «Непедагогічна поема» — це заклик до активних дій у вирішенні однієї із найбільш злободенних проблем нашого суспільства, адресований не лише професіоналам і чиновникам, але й усім небайдужим людям.

ББК 266.3

Відповідальний редактор: Т. Бойко

Редактор: К. Великородна

Макет: А. Коник

Обкладинка: В. Кулик

Свідectво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції

ДК № 311 від 17.01.2001 року

Підписано до друку 05.08.2010.

Формат 60х90/16

Замовлення №

**Книги издательства Христианского библейского братства
можно приобрести
в магазинах христианской книги**

УКРАИНА

США

Київ, ул. Хорива 1/2,
тел. +38 (044) 428-8075,

11050 SE Powell Blvd. #368
Portland, OR 97266

Книга почтой
02002, а/я 157, г. Киев
тел. +38 (044) 428-8074
post@polka.com.ua

Книга почтой
P.O.Box 55383, Portland OR
97238-5383
Toll free +1-877-210-9518

www.polka.com.ua

www.knigionline.com
